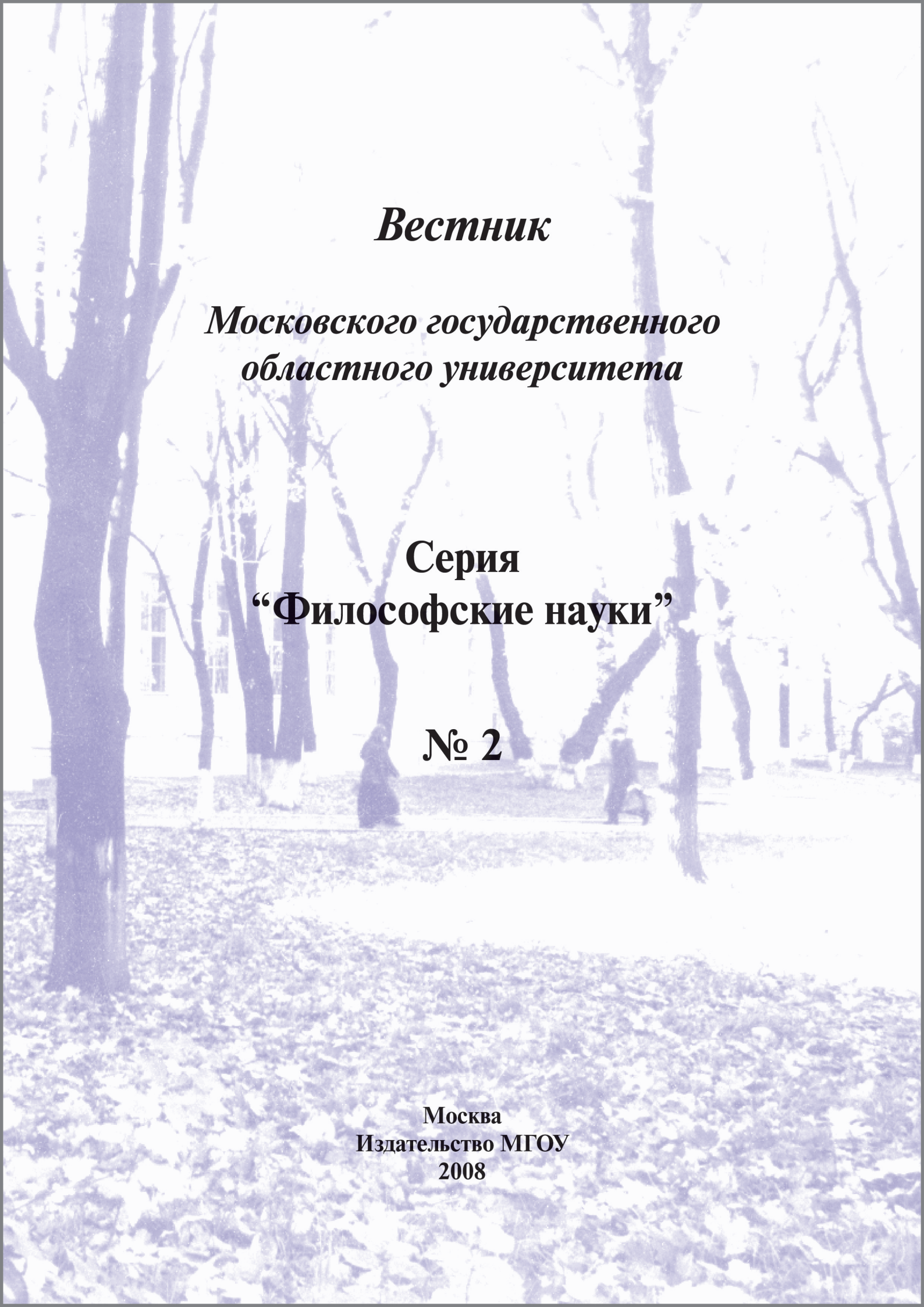

The background of the cover is a photograph of a park. In the foreground, there are several trees with bare branches, suggesting autumn or winter. The ground is covered with fallen leaves. In the background, a multi-story building with many windows is visible through the trees. The overall tone is somewhat muted and academic.

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

**Серия
“Философские науки”**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2008**

Вестник
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 2

Москва
Издательство МГОУ
2008

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Демина Л.А. - доктор философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Ям К.Е. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 2. - 2008. Выпуск в серии № 11. - М.: Изд-во МГОУ. - 166 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и правилах для авторов статей представлена 17.07.2007 г. и будет находиться там - с необходимыми изменениями - постоянно.

Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - 36759 (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же Агентства на первое и второе полугодия 2007 г., первое и второе полугодия 2008 г.).

ISBN 978-5-7017-1235-3

© МГОУ, 2008

© Издательство МГОУ, 2008

Уведомление ответственного редактора
серии «Философские науки» Вестника МГОУ

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. — Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием «**Вопросы философии**», которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998–2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе — более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже — к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по *истории и философии науки* все номера Сборников за 2003–2005 годы были изданы под новым наименованием — «**Вопросы философии науки и образования**» (Вышли №№17–20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии «**Философские науки**» (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета — «**Вестник МГОУ**». В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006г. вышли второй, третий, четвертый и пятый номера этой серии. В 2007 году осуществлено издание шестого-девятого номеров серии. Первый номер за 2008 год вышел в феврале; этот — второй номер — выходит в апреле-мае, №3 и 4 выходят — соответственно — в августе-сентябре и ноябре. И так — по 4 номера ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования

в выпусках серий «Вестника МГОУ», осуществляемых Издательством МГОУ, воспроизводятся ниже (с особенностями для серии «Философские науки»).

Для публикации научных работ в выпусках серий «**Вестника МГОУ**» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Рекомендуемый объем статей от 0,5 до 1 п.л., т.е. 20–40 тыс. знаков с пробелами.

Тексты должны быть представлены в виде файла с использованием редактора Win Word и на бумажном носителе формата А4 (210х297) в 2х экземплярах. *Дискета должна быть новой или проверенной на вирусы и раскрываться!* Маркировка дискеты (диска) должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи. На бумажном носителе (на отдельном листе со сведениями об авторе (в т. ч. телефоны, научная специализация по диссертации и др.) указать количество знаков с пробелами вашей научной статьи (Word: сервис: статистика): не менее 16 тыс.!

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New

Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое — 2,5 см, правое и нижнее — 2 см. Отступы в начале абзаца — 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. После литературы помещается краткая аннотация - 1-2 абзаца (но не более одного листа А4) на русском языке и одном из иностранных. Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегль 14) в правом верхнем углу, ниже сведения об авторе (курсивом, кегль 14): название учреждения, где работает автор, должность, ученая степень, ученое звание; ниже в центре название статьи (п/ж, кегль 14), далее текст без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Дискеты (диски) не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Примечаниях» (литература в конце текста) - кегль 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете (диске) и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам.

Образец оформления первой страницы статьи:

Иванов И.И.,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

Ноосферный анализ общества

Текст статьи.....

Аннотация.....

Примечания.....

Стоимость публикации зависит от количества страниц в статье. В стоимость входит публикация статьи в Вестнике и один экземпляр журнала, а также оплата авторами, организуемого редколлегией серии, *независимого рецензирования* статей. Условием опубликования принимаемых статей с 2007 года является также подписка на соответствующую серию Вестника МГОУ через агентство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или — при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ).

Ответственный редактор серии «Философские науки» — заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович.

Адрес редколлегии серии «ФН» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 261-13-80, а также 8(495) 223-31-76, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru

Эти же адреса и телефоны следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), как и в вышеуказанных выпусках Сборников «Вопросы философии науки и образования» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран.

РАЗДЕЛ 1.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И
ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Гончарова С.В.,
Московский государственный вечерний
металлургический институт,
ст.преподаватель кафедры
философии и гуманитарных наук

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНОМ МОДЕРНИЗМЕ XX ВЕКА

Необходимость исследования проблемы нравственного самосовершенствования человека в различных моделях религиозного модернизма определяется исторической динамикой религии, ее взаимодействием с непрерывно модернизируемым обществом. Сегодня, когда современная ситуация в мире и в нашей стране характеризуется сложными процессами интеграции и дифференциации, смены привычной иерархии ценностей и изменения стереотипов мышления, потери интереса к “унаследованному от прошлого духовному багажу”¹, многие ученые и теологи заявляют о кризисе нравственности и необходимости новых ценностей. В этих условиях заметным фактором общественной жизни становятся современные направления религиозного модернизма, сориентированные на удовлетворение новых духовных потребностей в обществе. В данной статье я попытаюсь рассмотреть проблему человека и нравственного самосовершенствования в современном протестантизме, в частности, американском, и в нетрадиционных «закрытых» религиях на примере теософского направления в рамках метода философской компаративистики.

Применительно к исследованию различных моделей религиозного модернизма философская компаративистика представляет собой метод сравнительного анализа, опирающийся на данные конкретных наук, а также внеаучного знания, выявляющий межкультурное единство и ценностные различия в религиозных системах. В процессе поиска таких ценностей происходит понимание, истолкование и интерпретация себя и Другого.

На первый взгляд, может показаться, что между современным американским протестантизмом и теософией нет ничего общего. Однако при более пристальном рассмотрении данных феноменов, помимо того, что их становление происходило в Америке, стране, представляющей собой весьма благоприятное поле для деятельности различных оригинальных движений, можно заметить некоторую созвучность идей: антропоцентризм, абстрактный гуманизм, понимание самосовершенствования как стремления к нравственной упорядоченности и очищению, значимость метода интроспекции как ведущего средства духовно-нравственного познания, признание посюсторонности бытия Бога, рассмотрение Христа как совершенной нравственно-ответственной личности, непринятие внешнего церковного формализма. Рассмотрим эти идеи более подробно.

Сначала обратимся к анализу антропологических и этических взглядов в современном американском протестантизме. Учитывая, что проблема нравственного самосовершенствования у американских теологов необходимо затрагивает вопрос о личности Христа, следует обозначить своеобразие протестантского подхода к его

личности.

Протестантская трактовка личности Христа связана с эпохой Реформации. В это время в обществе предпринимались попытки уйти от ортодоксального христианства, связанного с проблемами троичного Бога, которые вырабатывались в западной философской мысли на протяжении столетий, создавая контуры сложных теорий для «обычного» верующего. По этому поводу удачно выразился Л. Фейербах в работе «Основы философии будущего» (1843): «Задача Нового времени заключалась в очеловечивании Бога, что означало превращение теологии в антропологию»². Несмотря на разногласия конфессиональных мнений в протестантизме, его существенной характеристикой становится ориентация на человеческую природу Христа и установление нравственно-ответственных отношений с Богом, людьми и всем миром в целом.

В современном протестантизме человек предстает в качестве двойственного противоречивого существа, одновременно связанного с миром природы, изменяющимся, конечным и миром божественным, вечным, трансцендентным. Осмысление природы человека и его места в мире находятся в центре внимания таких американских теологов протестантизма, как Райнхольд Нибур и Пауль Тиллих. Для нас они представляют особый интерес, поскольку в их философско-религиозных концепциях особым измерением укорена проблема нравственного самосовершенствования человека и уделено специальное внимание диалогу восточного (буддизм) и западного (христианство) религиозного мировоззрения.

Пауль Тиллих — немецко-американский протестантский мыслитель, который в начале своего творчества был близок к диалектической теологии К. Барта, но впоследствии сформулировал свою позицию — экзистенциальную теологию. С точки зрения интересующего нас вопроса, особое внимание следует уделить основному труду П. Тиллиха «Систематическое богословие» (1951–1963). Здесь автор раскрывает свой взгляд на подлинное человеческое существование.

Прежде всего необходимо выяснить позицию Тиллиха в отношении Бога. Понятие Бога у Тиллиха — теологический синоним понятия бытия, понимаемого в духе позднего Шеллинга и Хайдеггера как основа мира. Бытие как таковое изначальней любых разделений, в том числе и разделения на трансцендентное и имманентное. В этом смысле Тиллих отказывается от позиции рассмотрения Бога как некоего трансцендентного начала, находящегося вне мира. Бог для Тиллиха это не «Бог ученых и философов», но живой, личный и постоянно присутствующий Бог ветхозаветных пророков.

Единственный ключ к бытию Бога как таковому — бытие человека. Экзистенциальная тревога человека о смысле бытия — свидетельство того, что человек внутренне с бытием связан, но отчужден от него в своем земном существовании. Потому для теолога экзистенциальный протест против Бога, стремление, чтобы его не было, бегство в антитеизм — все это истинные элементы глубокой религиозности. В условиях экзистенции преодолеть отчуждение человека от Бога, по мнению Тиллиха, возможно с помощью Посредника Иисуса Христа. Он представляет Бога перед человеком и человека перед Богом. При этом Тиллих не проявляет интереса к исторической фигуре Иисуса Назарейского. Он рассматривает традиционные христологические формулы как символы присутствия Бога во Христе, которое не следует понимать как реальное присутствие. Это символическое присутствие указывает на доступность и возможность такого же присутствия для других людей.

В теологии Тиллиха символ Христос или Мессия означает «Тот, Кто вызыва-

ет новое состояние вещей»³, новое бытие. Философ подчеркивает, что сам Бог не может появиться в реальных условиях, поскольку он есть основание бытия. «Новое бытие», «новое существо» должно, таким образом, исходить от Бога, но не может быть Богом. Иисус был человеком, который достиг союза с Богом, доступного любому другому человеку. В этом смысле Христос несет в себе новую реальность.

Таким образом, по мнению Тиллиха, Христос олицетворяет собой образ подлинного человеческого существования, которое обрело свою сущность, преодолев отчуждение. Христос предстает у него, прежде всего, в качестве олицетворяющего абсолютную моральность нравственного авторитета. Поэтому главная задача христианина состоит не в проповеди определенных догм, а в стремлении к *внутреннему очищению и нравственной упорядоченности*, т.е. к самосовершенствованию человека. Это преобразование заключается в пересмотре отношения к самому себе, к другим людям, к Богу. По мнению Тиллиха, самосовершенствование человека может привести и к появлению более совершенного общества.

Концепция Тиллиха оказала большое влияние на формирование взглядов Райнхольда Нибура — американского протестантского философа и теолога, представителя неортодоксального направления. Одной из интереснейших работ Нибура является книга «Природа и судьба человека». Следуя за взглядами С. Кьеркегора, он изображает человека существом, ищущим высшую цель и обретающим ее в Боге. Особое внимание Нибур уделяет понятию «греховность». Чувство Бога (принцип любви) и чувство греха (побуждения эгоизма) вместе вовлечены в человеческую жизнь, в силу этого человек способен как к творчеству, так и к разрушению. Греховность человека состоит в том, что он стремится к отрицанию своей зависимости от Бога. Грех есть бунт против Бога. Несмотря на то, что человек является греховным существом, Нибур говорит о возможности нравственного совершенствования человека. При этом подчеркивает, что совершенствование возможно только на основе единения человека с Богом.

Нибур в качестве основного способа самосовершенствования выделяет интроспекцию. «Глубинное измерение, в котором вершатся все действия человека, может быть раскрыто только в интроспекции. Подлинная интроспекция всегда религиозна, поскольку она полностью выявляет возможности добра и зла, между которыми человек выбирает»⁴. Протестантский теолог обращает внимание на несогласованность моральных суждений здравого смысла с научным объяснением морального акта. В них, по словам Нибура, всегда присутствует фактор свободы и ответственности, который не раскрывается наблюдателю в чужом поступке, но добавляется им позже из собственного интроспективного опыта.

Таким образом, согласно концепциям Тиллиха и Нибура подлинная сущность христианства состоит в *нравственном самосовершенствовании*, в стремлении посредством интроспекции к внутреннему очищению человека. Но здесь представляется целесообразным рассмотреть также вопрос о соотношении христианства с другими мировыми религиями в концепции Тиллиха и Нибура. Думается, что это позволит более адекватно понять характер сближения западного рационализма и восточного мистицизма в религиозном модернизме. Особый интерес представляет работа Тиллиха «Христианство и встреча мировых религий», одна из глав которой была полностью посвящена проблемам буддийско-христианского диалога.

Согласно Тиллиху, религия не есть особая функция человеческого духа наряду с культурой и моралью, а скорее символическое выражение бытия. Она есть сфера глубины бытия, а бытие невозможно встретить непосредственно. Мировые

религии — символы самого бытия и опыты познания бытия, благодаря чему диалог становится возможным. Тиллих полагает, что в обеих сторонах-участниках религиозного диалога в неявном виде присутствуют элементы-доминанты другой стороны: «любой диалог религий сопровождается безмолвным внутренним диалогом в сознании каждого из участников»⁵. Так теолог предлагает принцип полярности в противоположность принципу антитезы, где полярное отношение — отношение взаимозависимости. Вместе с тем, Тиллих утверждает, что сплав религий в результате межрелигиозного диалога невозможен, так как новая религия может возникнуть только из нового опыта откровения, что не находится в распоряжении человека.

В концепции Нибура также можно найти элементы синтеза христианства и буддизма, а также диалога религии и науки. Например, философ отмечает, что описанная в Библии картина сотворения мира не противоречит научным данным, равно как концепция креационизма не противопоставляет себя эволюционистской концепции. Словом, в отношении диалога религиозных традиций, или в терминологии Тиллиха, «встречи мировых религий», и Тиллих и Нибур отстаивают подчеркнута универсалистскую позицию.

Проанализировав проблему человека и прежде всего его нравственного самосовершенствования в концепциях П. Тиллиха и Р. Нибура, необходимо отметить их (концепций) следующие *основные характеристики*: выделение человека на первый план как двойственного противоречивого существа, одновременно связанного с конечным и божественным миром; вертикальное измерение этики Иисуса — между волей любящего Бога и волей человека; выявление в качестве основного способа этического очищения интроспекции; идея образования более совершенного общества на основе самосовершенствования человека как социального существа; рассмотрение нравственного самосовершенствования в рамках межрелигиозного диалога, в частности христианства и буддизма; невозможность создания синтетической религии (синтеза восточного мистицизма и западного рационализма) без нового опыта откровения.

Впрочем, проблема природы человека и его самосовершенствования является центральной и в теософской доктрине, а её постановка и решение вносят свой вклад в модернистское понимание феномена человека. В этом смысле особое внимание следует уделить работам А. Безант, одной из наиболее ярких представительниц теософской традиции, определивших основную позицию теософии в отношении христианства. Если в самом общем виде охарактеризовать творчество Безант, то следует указать на тот факт, что она отдавала предпочтение восточным учениям, особенно индуизму («Древняя мудрость», «Комментарии к Бхагавад-Гите»). Но, понимая, что для успеха теософии нужно обратить внимание на западные религии написала книгу «Эзотерическое христианство».

Философско-религиозная концепция Безант в значительной степени антропоцентрична. Уже Синнетт и Блаватская пытались решать проблему человека, описывая его сложное строение. Придерживаясь понимания индуистской семеричной структуры человека, данной еще ее предшественниками, Безант в «Эзотерическом христианстве» также выделяет семь тел человека, но ссылается при этом на апостола Павла. Безант утверждает, что человек обладает природным телом, которое включает в себя двойственное физическое тело, тело желаний (природа чувствований и страстей) и ментальное тело или тело мысли. Еще у человека есть духовное тело, которое в свою очередь делится на три части. Низшая часть называется «тело причинности», из него исходят все причины, которые определяют качества остальных тел.

Оно же сокровищница, в которой собран весь опыт наших жизней на земле. Вторая часть — это «тело блаженства». Это тело, жизни посвящения, вместилище божественного расцвета человека. Высшая часть духовного тела «есть тончайшая оболочка, отделяющая индивидуальный дух как особое существо и в то же время допускающая проникновение в него вся и всех, являясь совершенным выражением основного единства»⁶. Нужно отметить, что Безант, предлагая данную структуру человека как эзотерическое знание, противопоставляет его упрощенному христианскому подразделению человека на дух, душу и тело.

Философско-религиозная концепция Безант центростремительна к человеку. Исходный тезис ее рассуждений таков: врожденное свойство человеческой природы состоит в неискоренимой жажде Бога. «Ибо глубоко внутри каждого сердца — часто отягченного преходящими затруднениями или заполненного неотступными заботами и тревогами — существует постоянное искание Бога»⁷. Религия способствует соединению человеческого духа с божественным, чтобы Бог «мог быть всем и во всем». Поэтому религия необходима, заключает Безант.

Далее автор книги задает вопрос, который требует ответа: где искать источник религий? Прежде всего, она обращает внимание на то, что все мировые религии сходны в своих главных учениях и в том, что все они имели основателей, явивших величайшую нравственную высоту. Сходство их этических заповедей, по ее мнению, указывает на общее происхождение религий. Относительно природы этого общего происхождения Безант дает ответ в теософском ключе: «религии — ветви одного общего ствола: Божественной Мудрости»⁸.

Как и вся теософская традиция, Безант, естественно, опирается на своих предшественников, в частности на Блаватскую. Подобно основательнице теософии, она свидетельствует о необходимости наличия эзотерического знания в религиозных системах. Предполагается, что разглашение тайного знания, его доступность для всех, кто пожелает, превращает скрытое знание в профанное, которое утрачивает свое священное могущество и может привести к злоупотреблениям. Представляется поэтому целесообразным рассмотреть вопрос об эзотерической стороне христианства, о сути трактовки Иисуса Христа в учении Безант.

В своей книге Безант рассматривает образ Иисуса Христа в трех планах: реальном историческом контексте («Исторический Христос»), с позиций сравнительной мифологии («Мифический Христос») и с точки зрения эзотерического мистицизма, видящего в Христе Божественный Логос, второе лицо Троицы или высшее духовное «Я» человека («Мистический Христос»). Безант признает факт существования Иисуса Назарейского, и восприятие его теми, кто считал его Христом, но не проявляет особого интереса к исторической фигуре Иисуса. Она акцентирует на другом.

Главная задача христианства видится Безант в этическом очищении внутреннего мира человека. Совершенствование человека представлено у нее в виде степеней посвящения. Знание высших степеней предполагает специальные методы сокрытия, зашифровки. Поэтому на страницах «Эзотерического христианства» она подробно рассказывает лишь о начальной ступени посвящения, которое олицетворяется ею с рождением в человеческой душе Христа и появлением подлинного внутреннего измерения, в котором он начинает вырастать. Речь идет о тех людях, которые стали добрыми в пределах человеческого понимания добра, имеющие уравновешенный интеллект. Достижению такого состояния способствуют указания, даваемые религией. С точки зрения Безант, такие люди, вступившие на путь испытания или на путь святости должны обладать определенными нравственными качествами

(распознаванием добра и зла, отвращением от нереального и мимолетного, слиянием воедино мысли и действия, терпением и др.). Приобретая эти качества, человек считается готовым к посвящению. В итоге перспектива человеческой эволюции видится Безант в окончательном водворении в душе человека *внутреннего Христа*.

Говоря о нравственном совершенствовании, Безант дает свою оценку и проблеме отпущения грехов. С ее точки зрения, все утверждения относительно прощения грехов касаются, по сути, самого отношения между раскаявшимся грешником и Богом и посмертных наказаний за непрощенные грехи, а не избежания земных последствий совершенного проступка. «Пьяница, получивший в ответ на свое раскаяние отпущение грехов, продолжает страдать от расстроенной нервной системы и испорченного пищеварения и от недостатка доверия к нему окружающих людей»⁹. Согласно Безант, грех и страдание взаимосвязаны. Человек, совершивший дурной поступок, связал себя со страданием, ибо «страдание — растение, вырастающее всегда из семени греха» (7, с.149). Здесь Безант сводит взаимосвязь греха и страдания к буддийской идее кармы. Рано или поздно, когда человек силой страдания истощит свой грех, произойдет завершение причины греха, созданной людьми в прошлом.

Теософ обращает внимание на возможность погашения кармы греха посредством веры. Вера есть проявление собственной божественной сути человека, которая, по словам Безант, стремится соединиться с божественным океаном той же родственной сути. Когда это проявление начинает действовать на всю природу человека, тогда в нем происходят перемены, ведущие к освобождению от греха. Среди перемен Безант указывает и те, которые связаны с выявлением человеческой воли. Человек, обзревая свое прошлое, страдая от совершенных ошибок, решает изменить свое отношение к окружающему миру. В результате он направляет свои усилия на преобразование своей низшей природы, отдаляющей его от высшей сути. В этом, по Безант, и заключено отпущение грехов: устранение стены, построенной низшей природой, между внутренним Богом и Богом вне человека.

Безант считает, что суть греха состоит в направлении личной воли человека как отдельной части против воли божественной как целого. Когда же происходит перемена, приводящая отдельную волю в созвучие с божественной волей, человек признается праведным.

В качестве способа самосовершенствования у Безант выступает самонаблюдение, погруженность в себя. Она отмечает, что духовное развитие человека определяется не тем, что он делает, а тем, как он это делает. Другими словами, условие духовного роста человека заключается не во внешних обстоятельствах, а во внутреннем отношении человека к ним. С помощью самонаблюдения человек может выявлять возможности добра и зла, встречающихся в трудностях жизни.

На основе проведенного анализа проблемы человека и нравственного самосовершенствования в концепции Безант, можно выделить следующие положения: синтезированный западно-восточный подход к сущности человека, природа которого имеет сложный состав; трансформация образа Христа — изображение его в виде совершенного человека как одного из «великих посвященных»; рассмотрение этического очищения в соответствии со ступенями трансформации сознания; грех как противопоставление личной воли божественной; интроспективный способ преобразования низшей природы человека.

Какие же выводы надо сделать в завершение процесса рассмотрения антропологических и этических концепций современной протестантской традиции на примере П. Тиллиха и Р. Нибура и теософской доктрины А. Безант как различных

моделей религиозного модернизма? Вот они:

- И в философско-теологических концепциях Тиллиха и Нибура и в учении Безант нравственная проблематика является одной из ключевых. Главной темой современной протестантской традиции стала проблема обновления внутреннего, духовного мира человека, представление о нравственной личности и понятие греха. В теософской доктрине, включающей в себя западный и восточный подходы к человеку, постулируется достижение истинной духовной идентичности путем трансформации сознания. Предполагается прохождение определенных этапов (посвящений) на пути восхождения к высшему началу. Человек, стремящийся изменить свое сознание, должен начать с нравственного преобразования.

- В обоих направлениях Христос изображается как совершенный человек. У американских неопротестантов Бог в лице Христа предстает как нравственно ответственная личность, а нравственное самосовершенствование предполагает следование заповедям Иисуса Христа. В теософии Безант проблема самосовершенствования вплетена в концепцию становления духовно «продвинутого» человека. Христос рассматривается как один из великих посвященных, в прошлом бывший человеком и обретшим интеллектуальное и моральное совершенство. Вместе с тем, христианское самосовершенствование в учении Безант рассматривается как воссоединение внутреннего Христа с Богом во вне человека.

- В теолого-философских учениях Тиллиха и Нибура и в концепции Безант значительное внимание уделяется Христу как символу, нежели историческому Иисусу. При этом представители американского протестантизма рассматривают Христа в экзистенциальном контексте как образ подлинного человеческого существования. Для Безант Христос символизирует Божественный Логос, второе лицо Троицы или высшее духовное «Я» человека («мистический Христос»). Человек может называться таковым, только обретя внутри себя любовь, обладание которой и есть рождение внутри него Христа.

- В обоих направлениях нравственные характеристики человека постигаются с помощью интроспекции, самонаблюдения. В протестантской традиции процесс самосовершенствования приведет к единению с Богом. В представлениях Безант самосовершенствование человека предполагает достижение высших ступеней своего духовного «Я» через обретение определенных нравственных качеств.

- Важной характеристикой в развитии концепций Тиллиха и Нибура является ориентация на подлинно протестантские принципы и ценности. В учении Безант также подчеркивается большее соответствие эзотерическому знанию раннехристианской церкви, чем современной. Но в отличие от протестантизма, выделявшего два таинства, Безант указывает на важность каждого из семи христианских таинств, олицетворяющих собой мост между видимым и невидимым мирами.

- В протестантизме важное место в процессе нравственного самосовершенствования отводится понятию греховности. Природа греха в свободе воли человека. Человек, теряя связь с Богом, рассматривает себя вне человеческой общности, как независимый центр жизни. Только обращенность к Христу преодолевает эту отчужденность и дает надежду на спасение. В концепции Безант понятие греха представлено в буддийском контексте в неразрывной связи со страданием как действие и последствие. Освобождение от греховности при достижении высокого состояния сознания, приравняваемого к бытию Христа напоминает протестантскую идею о спасении.

- В трудах Тиллиха, Нибура выявляется неодобрительное отношение ко все-

возможным проявлениям внешнего формализма (доктринально-концептуально-го, культово-ритуального и нормативно-поведенческого). И в отношении учения Безант также можно утверждать о ее подчеркнута отрицательной оценки формального ритуализма современной церкви.

- И в американском протестантизме и в концепции Безант выдвигается идея о необходимости диалога восточных религий и западного мировоззрения. При этом в концепциях протестантских теологов не признается идея создания единой религии через подведение под всеобщее, так как новая религия может возникнуть только из нового опыта откровения. Однако в учении Безант говорится о необходимости синтеза восточных и западных религий как части более глобального синтеза религии, философии и науки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Духовность, художественное творчество, нравственность (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии, 1996, №2, с. 21.
2. Waldenfels Hans. Kontextuelle Fundamentall-theologie. Paderborn-München-Wien-Zürich 1985, p.41.
3. Тиллих П. Систематическое богословие. С-Пб., 1998, с.427-428.
4. Христос и культура. М., 1997, с.419-420.
5. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М. 1995, с.423.
6. Безант А. Эзотерическое христианство. М., 1991, с.122.
7. Безант А. Указ. соч., с.16.
8. Там же, с.18.
9. Там же, с.148.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу различных моделей религиозного модернизма в рамках проблемы нравственного самосовершенствования человека. С помощью метода философской компаративистики раскрыты сущностные черты философско-религиозных концепций современного протестантизма, в частности, американского и нетрадиционных «закрытых» религий на примере теософского направления.

Abstract: Dieses Artikel erzählt über das Problem der moralischen Selbstvervollkommenung in Religionmoderne. Die Methode des philosophischen Komparativismus zeigt ähnlichen und verschiedenen Züge gegenwertigen Protestantismus und untraditioneller Religionen.

Мазирка И. О.,
Московский государственный
областной университет,
доцент кафедры теории языка и англистики,
докторант лаборатории психолингвистики
и теории языка,
кандидат филологических наук, доцент

ОБОСНОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ЕДИНСТВЕ ФИЛОСОФСКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО, ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

Мы живем в великое и прекрасное время: оно отличается гигантскими возможностями для раскрытия способностей личности, для её огромного всестороннего роста, для самоусовершенствования и достижения нравственного и физического здоровья и счастья. Это с одной стороны в случае, если личность чувствует пульс времени, пульс макро и микросоциума, если она гармонична, владеет эмоциональным, интеллектуальным и волевым контролем, умеет радоваться и наслаждаться жизнью и творчеством.

С другой стороны, мы живем в страшное для личности время, если личность не чувствует пульса времени и макро и микросоциума, не умеет управлять собой, она не адекватна и дисгармонична. В этом случае социум расправится с ней самым жестоким образом: он изгонит её, так как общество (макросоциум), достигшее высокого технического прогресса, общество, где царствуют деньги и жестокие законы выживания, ценит и уважает только победителей, оно бесконечно награждает их почестями и средствами к существованию до тех пор, пока они помогают этому обществу (макросоциуму) расти, развиваться и удовлетворять свои потребности. К типу победителей относится гармоничная и самодостаточная личность. Дисгармоничная личность - неудачник (неудачница), несчастная изгнанница (изгнанник).

Каков же выход для несчастной личности и есть ли выход? Да, выход есть. Он в достижении веры в счастье, в себя, в свои силы, в умение радоваться жизни, ставить адекватные цели и их достигать. Все эти условия, сопутствующие рождению победителя, имеются в очень сильном источнике самоусовершенствования человека, который называется художественной литературой.

Ведь победителями не рождаются, ими становятся. А этот процесс становления может быть ярким, вдохновляющим, всесторонне развивающим, а не подавляющим личность, в случае, когда ей диктуют выводы из чтения художественного произведения, навязанные авторитарной партией и государством. Обсуждение произведения должно быть творческим, свободным, грамотным с точки зрения философии и психологии личности, литературоведения, лингвистики и психолингвистики, тогда оно будет развивать личность, поможет ей внедрить свои знания в жизнь, обогатит внутренний мир человека и сделает его счастливее.

Вспомним возмущенные реплики читателей о том, каким односторонним, давящим на их психику, был анализ великих классических произведений в средней школе. После такого «анализа» они испытывали отвращение к художественной литературе. Поэтому мы, проанализировав работы литературоведов, письма, произведения писателей, а также работы лингвистов, психолингвистов и психологов, решили, что всестороннему анализу характеристики личности и языковой картины мира

героев художественной литературой еще не было посвящено ни одно специальное монографическое исследование, хотя необходимость такого исследования актуальна.

Предлагаемая читателю статья, как и монография её автора [5], впервые в лингвистике и психолингвистике посвящена изучению психолингвистических основ исследования личности и языковой картины мира героев художественной литературы. Это междисциплинарное исследование, в котором рассматривались в единстве философские, психолингвистические литературоведческие, лингвистические и психологические аспекты изучения характеристики личности и языковой картины мира героя художественной литературы. Результаты исследования могут быть кратко изложены следующим образом.

Предложенное в работе исследование характеристики личности и языковой картины мира героя художественной литературы – это новое направление в науке нацеленное на системное и комплексное раскрытие личностных особенностей, языковой картины мира и жизненно-ценного в художественном произведении в единстве философских, психолингвистических, лингвистических, литературоведческих и психологических аспектов.

При этом названные аспекты в связи с исследовательскими целями трактуются следующим образом.

Психологический аспект исследования в нашей работе представлен содержанием психических процессов, состояний и свойств личности героев и писателей художественного произведения, раскрывающихся в личностных подструктурах и их детерминантах. [6]

Психолингвистический аспект в данной работе связан с особенностями языковой картины психических процессов, состояний и свойств, а также языковой картины мира и жизненного пути личности героев и писателей их создавших. В работе представлены следующие психолингвистические концепты: концепты личностных подструктур и их детерминант, концепты языковой картины мира и жизненного пути (экзистенциальный концепт), когнитивный концепт (представление о том, каким должен быть жизненный путь) и психогенетический концепт, включающий всю информацию о жизненном пути и личности писателя, создавшего произведение.

Лингвистический аспект исследования представлен вербально-семантическим концептом, включающим языковые единицы, использованные для раскрытия личностной концептосферы, концептов языковой картины мира, жизненного пути героя, а также характеристики катартического концепта, раскрывающего конфликт художественного произведения.

Литературоведческий аспект в нашей работе представлен катартическим и эстетическим концептами, то есть, связан с закономерностями раскрытия особенностей личности, ее жизненного пути, внутреннего мира, причин и следствий конфликтов, человеческих поступков, речевого поведения именно в художественном произведении, нацеленном на удовлетворение потребности в самопознании, личностном росте и самосовершенствовании. Литературоведческий аспект также связан с особенностями концепта сюжета, литературно-художественными приемами, нацеленными на раскрытие внутреннего мира героя и конфликта произведения.

Анализ художественного произведения должен осуществляться и осуществлен в нашей работе в диалектической взаимосвязи всех названных аспектов и концептов. Только в этом случае можно увидеть уникальность и неповторимость художественного произведения, воссоздающего движение, процесс во всех его состав-

ляющих, которые имеют место и раскрываются в духовно-интеллектуальном мире личности. Сам мир личности героя произведения должен исследоваться в тесной взаимосвязи с концептосферой писателя.

В нашей монографии [5] анализируется концептосфера личности и языковой картины мира, а именно социально-конструктивная и социально-деструктивная личности героев художественного произведения. Здесь раскрывается своеобразие взаимосвязи психогенетического концепта, то есть концептосферы писателя с концептами героя его произведения, как в случае социально-конструктивной, так и в случае социально-деструктивной личности.

При раскрытии образа социально-конструктивной личности, писатель показывает не только очень похожие на его собственные экзистенциальный, когнитивный, личностный и катартический концепты, он старается часто в конце произведения улучшать эти концепты у героя, пытаясь, возможно, осуществить то, о чем он мечтал, но это ему не удалось. Отсюда герой часто бывает более нравственный, более счастливый, чем писатель его создавший. Вероятно, это, в какой-то мере, улучшает экзистенциальный и когнитивный концепты писателя и доставляет удовольствие читателю, так как влияет на углубление катартического концепта произведения. [7, 8, 10]

Большое влияние на раскрытие личностных концептов оказывают концепт религии и профессиональный концепт: они способны полностью изменить личностную концептосферу, экзистенциальный концепт (концепт жизненного пути) и языковую картину мира. [1, 14] Концепты социально-деструктивной личности свидетельствуют о невозможности ее сотрудничества с макро- и микросоциумом, особенно в случае психотических расстройств, которые часто описываются в художественной литературе, при этом вскрывается полная деградация личности и разрушение её картины мира. [2, 10] Очень ярко и образно описаны механизмы нарушения языковой картины мира и личностных концептов у Раскольникова, героя, страдающего эпилепсией; ведь его создатель, Достоевский, страдал тем же заболеванием. Такое описание бесспорно, вызывает сострадание у читателя и имеет ценность для медицины.

Что касается личностной концептосферы героев, то в художественной литературе раскрываются в диалектическом единстве все концепты личностных подструктур и их детерминант, но наиболее частотно писатели характеризуют концептосферу шизоидных [14] и эпилептоидных акцентуантов. [13, 16] Поэтому в нашей работе сравнивается концептосфера героев произведений акцентуантов шизоидов и эпилептоидов разных стран и эпох и делается вывод об их общих и отличительных чертах, причем, при изменении экзистенциального и когнитивного концептов изменялись даже основные акцентуированные черты героев произведения. Но особое внимание при разработке проблемы диссертации нам необходимо уделить лингво-политической концептосфере, специфическим особенностям взаимодействия героев художественной литературы с макросоциумом в мирное и военное время. [4, 7, 8, 14]

Анализ того, какой огромный вред наносит война личности героев художественного произведения, государству и природе является важным моментом проблем, поднятых в данной работе. Война сеет смерть и горе. Здесь также подверглись критике передовыми писателями и психоаналитиками концепты гениальности полководцев и императоров-победителей. Последние духовно ниже тех людей, которыми они управляют. Делается вывод о том, что мелочное тщеславие императора ничтож-

но на фоне Божественной Любви и веры воина. Подчеркивается важность катартического концепта войны: тяжелые испытания, которые личность преодолевает во время войны, делают ее глубже, нравственнее и сильнее и часто это обновленная сильная личность имеет возвышенную концептосферу и счастливый экзистенциальный концепт, о котором мечтал сам писатель. Передовые писатели и психоаналитики рассматривают и анализируют так же примитивные инстинкты жестокости и насилия, лежащие в основе концепта войны.

Что касается концептосферы личности при взаимодействии с макро-социумом в мирное время, в исследованной нами выборке писатели вскрывали ложь, лицемерие и ограниченность концептов разных политических партий и движений и их разрушающую роль для концептосферы личности героев художественных произведений. Многие произведения лауреата Нобелевской премии американского писателя С. Льюиса посвящены характеристике философских и психологических аспектов взаимодействия личности с микро- и макросоциумом в мирное время.

В рассмотренных нами произведениях писателей разных эпох и стран мы стремились выделить героев, чья личностная концептосфера настолько глубока и нравственна, а их концепты профессионально-личностного фундамента столь высоки, что позволяют назвать их победителями, способными достигать вершин творчества и иметь счастливый экзистенциальный, личностный, когнитивный концепты. [9]

Вербальная характеристика личности и языковой картины мира героя художественного произведения наиболее эффективно осуществляется при помощи анализа концептов личности и языковой картины мира.

Концепт личности героя художественного произведения — это психолингвистическая единица, основанная на обобщенном представлении о личностных подструктурах и их детерминантах, которыми писатель наделяет героев своих произведений на основании своего профессионально-личностного фундамента, опыта, жизненного пути, целевой установки и воображения. [5] Этот концепт детерминирует, в свою очередь, концепт языковой картины мира героя произведения.

Концепт языковой картины мира героя художественного произведения) - психолингвистическая единица, раскрывающая обобщенное и взаимосвязанное представление писателя и героя художественного произведения о разнообразных аспектах и способах воздействия объективной реальности на личность и жизненный путь героя художественного произведения. [5]

Вербальная характеристика героя художественной литературы - это системное понятие, т.к. оно включает иерархию подструктур и системообразующий фактор. [5] Ведущей из подструктур является социальная подструктура, ей подчинены все рядоположенные и сквозные подструктуры. Системообразующими факторами, пронизывающими все подструктуры являются характер и способности личности.

Вербальная характеристика героя художественного произведения включает концепты личностных подструктур и языковой картины мира, выраженные семами, словами, фразеологическими единицами, пословицами, афоризмами, объединенными в смысловые концептуальные семантические поля. [5]

Концептуальное семантическое макрополе личности героя художественной литературы представлено следующими макрополями, которые состоят из групп и подгрупп языковых единиц: семантическое концептуальное микрополе личностных подструктур и их детерминант. [5]

Концептуальное семантическое макрополе языковой картины мира героя ху-

дожественного произведения включает следующие микрополя: личностно-психогенетическое, концептуальное семантическое, личностно-экзистенциальное, личностно-когнитивное, личностно-катартическое и личностно-эстетическое микрополя. [5]

Большой вклад в понимание произведения художественной литературы вносит анализ механизмов взаимосвязи ведущих концептов героев художественного произведения. Проанализируем, например, механизмы взаимосвязи религиозного концепта героя художественного произведения с когнитивным концептом профессии, экзистенциальным и личностными концептами.

Чтобы вскрыть механизмы взаимосвязи указанных концептов, рассмотрим роман лауреата Нобелевской премии Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд». В начале романа мы видим Гольдмунда в качестве монастырского ученика. Он обладает вполне нормативными концептами своей профессии и личности. Относительно когнитивного концепта надо заметить, что Гольдмунд очень любит церковные песнопения, особенно посвященные Деве Марии. Он также «упивается торжественным размером божественных стихов, благоговейно следуя их величавому смыслу». Ему свойственен замеченный его другом Нарциссом «особый дар во все вникать внутренним взором», «словно чуткими перстами вникать в тайны человеческого характера». «Отрадою были ему богослужения; он охотно пел с другими учащимися в хоре» [1, с. 44]

Что касается личностных концептов юноши, Нарцисс, приятель Гольдмунда, помимо художественности натуры Гольдмунда заметил также его богатство чувств и души, а также импульсивную «воспламененность и способность отдаваться другим людям», не столь авторитетным и высокопоставленным как учителя, например, таким, как брат-привратник и конюх. Гольдмунд, обладая художественной натурой, любил рисовать людей и животных и «фигуры из камня и дерева». В то же время Нарцисс предупреждал своего друга, обладавшего общительностью и конформизмом, не заразиться от него, Нарцисса, «умственной спесью» и «ученым высокомерием». Эмпатичность натуры Нарцисса проявлялась в том, что он, общаясь с Гольдмундом, читал мысли друга без слов, «пропитанный» помыслами и чувствами Гольдмунда.

Сам же Нарцисс представлял свой когнитивный концепт профессии в связи с религиозным концептом: «Я настоящий ученый и мое призвание находить во всем различие и сходство. Сходство у нас - общая цель служить Богу и в этом испытывать вечное блаженство. Но нельзя переходить друг в друга, надо видеть противоположность и дополнение». [1, с. 34] Далее, подчеркивая взаимосвязь когнитивного и личностного концепта, он утверждал, что противоположность обеих натур состоит не только в эмоциональности Гольдмунда и рассудочности натуры Нарцисса, но также и в разнице отношения к родителям, то есть в разнице отношения к психогенетическому концепту. Нарцисс узнал от Гольдмунда, что тот ненавидел отца за то, что он обижал его любимую матушку (отрицательный психогенетический концепт).

Отец Гольдмунда взял ее, танцовщицу, девицу легкого поведения, себе в жены из нищеты, а затем называл ее ведьмою и считал, что сын должен искупить грехи матери тем, что он будет жить и учиться в монастыре. В один из дней пребывания в монастыре Гольдмунд увидел во сне свою мать и, переживая свою обиду за нее, упал в обморок. Прислужники пытались вылечить его, давая монастырское вино, но он пришел в себя только после душевного разговора с Нарциссом.

В этой душеспасительной беседе Нарцисс объяснил Гольдмунду его духовную связь с матерью и ввиду этого женоподобный характер художника, в то же время

себе Нарцисс приписывал мужественность, возникшую ввиду взаимопонимания и отсутствия конфликтов со своим отцом. Теперь во сне Гольдмунд по совету Нарцисса проводил медитативную мысль о добрых своих семейных отношениях, и ему стали грезиться райские кущи, сады и водоемы, полные рыб и цветов.

Эта медитативная практика пригодилась Гольдмунду, и он стал применять ее в процессе творчества (становление когнитивного концепта творческой профессии).

Например, читая религиозный текст, он не вчитывался в слова, ибо по его мнению [1, с. 70] «словами многого не скажешь». А буквы слов он превращал в образы, увидев окончание в виде хвоста рыбы, наполняя рисунок образным содержанием, умело связывал профессиональный концепт с религиозным. Это пригодилось ему в будущем, когда он стал творчески создавать скульптуры и иконы святых. Но на пути к творчеству его натура привела к грехопадению. Испытав в первой любовной встрече с женщиной радость бытия, он пристрастился к любовным похождениям и отошел от церкви. Почувствовав деградацию своего когнитивного и религиозного концепта, от страха он прибежал за советом к Нарциссу, застав его сосредоточенным на молитве. Ответ Нарцисса был прост: «Ты слышишь зов плоти, сосредоточься на молитве, иначе пойдешь безумным распутным путем». [1, с. 101]

Но увещевания Нарцисса были бесплодны. Гольдмунд упивался красотой своей возлюбленной, восклицая: «Какая она красивая!» Она улыбалась как подарку его комплиментам, но в итоге вернулась к мужу, лишив Гольдмунда ночлега. Она предпочла побои мужа любовным утехам Гольдмунда, оставив его одного в лесу (изменение экзистенциального концепта). С тех пор он стал вести бродяжнический образ жизни. На этом пути он насиловал женщин (изнасиловал двух дочерей одного рыцаря), убивал людей. Гольдмунд старался вызывать у женщин соперничество и ревность, менял их местами в прелюбодеянии, отдавая предпочтения то одной, то другой, вступая в конфликты с мужьями любовниц. Враждебных ему охотника Виктора и рыболова Роберта Гольдмунд хладнокровно убил.

Под влиянием измененного религиозного концепта социальной личностной подструктуры изменяются, таким образом, концепты отражения, отношения и поведения: из нормативных они превращаются в ненормативные, криминальные. Ввиду изменения когнитивного концепта картины мира он иначе относится к смерти и убийству, потому что он видел смерти не только тех, кого он убил сам. Рядом с ним шел еще более сильный убийца - чума, скосившая пять его знакомых, он жил рядом с трупами несколько дней, так как не имел жилья. Далее, продолжая распутный образ жизни, Гольдмунд вступил в конфликт с графом, организовавшим против него судебный процесс, закончившийся ссылкой Гольдмунда в монастырь для воспитания. В монастыре Гольдмунд встретил мастера-художника и стал учиться у него церковной живописи и ваянию.

В монастыре начинают изменяться экзистенциальный, когнитивный и эстетический концепты Гольдмунда. Мастер обнаружил у Гольдмунда талант и начал развивать его. Медитативная практика, которой в прошлом научил его Нарцисс, способствовала развитию его таланта. Представляя себе Нарцисса, медитируя на образе своей матери, он рисовал Божью Матерь, пытаясь воплотить в ней жизнь и смерть как две стороны одной медали. Вдохновенное творчество, которое исцеляло его физические и душевные недуги, привело к созданию шедевров церковной иконописи, высоко оцененных Нарциссом, ставшим к этому времени Аббатом.

Резко и бурно развиваются когнитивные и личностные концепты творчества, основой которых у Гольдмунда являлась любовь к изображаемому лицу как божест-

венное проявление всеобщей любви к ближнему. В это время религиозный концепт нашего героя пронизывал все его личностные концепты и концепты картины мира, очищая их от скверны разврата и жестокости. Словом, эмпатия и любовь к Нарциссу помогли Гольдмунду воссоздать в его портрете не только красоту лица, но и одухотворенность безупречной логикой Божественного мышления учителя. Он понял, что «творения искусства ... образуют безмолвное царство образов и святых по ту сторону мгновения ... и быть причастным к нему ... есть благо и утешение ибо это почти увековечение преходящего» [1, с. 302]

В создании галереи портретов монастырских служащих вплоть до верховных сановников Гольдмунду удалось выразить их доброту, благочестие и достоинство. Пройдя через испытание, он привнес в основу своего творчества элементы драматургии (великолепно раскрывая катартический концепт). Так в портрете своей любимой матери он пользуется не только своим доброжелательным отношением к ней, в лице которой видно примиряющее спокойствие, но и переживание трагических конфликтов с отцом. Это придало его искусству драматургическую целостность и глубину, вызвавшую восхищение его учителя Мастера Никлауса.

Вместе с усложнением катартической творческой природы Гольдмунда усложняются его личностные концепты характера и поведения. Если в начале романа мы видим Гольдмунда, проявляющего нормативное поведение ученика, монастырского послушника, то теперь, преодолев множество жизненных перипетий и личностных кризисов, которые в прошлом приводили его часто к ненормативному поведению, он (в середине романа), благодаря творчеству, проявляет сверхнормативное поведение. Мотивация его творческой деятельности имеет волнообразный характер. Он вновь сбегает от Нарцисса, но тот затем «отпускает» его навстречу новым жизненным трудностям, которые вновь закаляют характер Гольдмунда и вызывают новый период сверхнормативного творческого поведения.

Сверхнормативность концептов прослеживается также в новом отношении к Нарциссу. Если он раньше пользовался услугами Нарцисса как психотерапевта, то теперь он сам претендует на роль психотерапевта по отношению к Нарциссу - происходит смена социальных ролей - кардинальная основа игровой психолингвистической и психологической коррекции, которая продолжена в следующем романе Германа Гесса «Игра в бисер», удостоенном Нобелевской премии.

Теперь Гольдмунд озабочен судьбой Нарцисса как судьбой предстоящих ему кризисных ситуаций. Так он вопрошает Нарцисса: «А как же думаешь умирать, ты, Нарцисс? Ведь у тебя нет матери... Без матери нельзя любить... Без матери нельзя умереть» [1, с. 350] Совершается «контрперенос» - Нарцисс сублимирует отсутствие матери и нереализованную любовь к ней, перенося ее на Гольдмунда. Роман заканчивается следующими словами: «Последние два дня и две ночи Нарцисс неотлучно провел у постели друга, глядя, как угасает его жизнь. Прощальные слова Гольдмунда горели в его сердце, как факел». [1, с. 350]

Таким образом, Г. Гессе показывает, что концепты пиков творчества Гольдмунда содержат сверхнормативное, нормативное и ненормативное поведение и приобретают волнообразный характер, который закаляется лишь в преодолении необходимой художнику «хмельной сумятицы жизни», пробуждающей божественную искру творческой личности. Таков механизм взаимосвязи религиозного, Божественного концепта с личностными и профессиональными концептами, а также экзистенциальным и когнитивным концептом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гессе Г. Нарцисс и Гольдмунд: Роман/ пер. с нем. Р.С. Эйвадаса. —СПб: Изд-во Азбука-классика, 2001. —352 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом. —М.: Изд-во Эксма, 2005. —592 с.
3. Мазирка И.О. Магия призвания. — М.: Изд-во МГОУ, 2004. - 864 с.
4. Мазирка И.О. Психолингвистические аспекты исследования американской литературы. — М.: Изд-во МГОУ, 2005. — 174 с.
5. Мазирка И.О. Презентация психолингвистических аспектов в художественной литературе. — М.: Изд-во МГОУ, 2006. — 209 с.
6. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. - М.: Наука, 1982. - 309 с.
7. Толстой Л.Н. Война и мир: Т I-II. —М.: Изд-во Эксмо, 2005. —925 с.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: Т III-IV. Изд-во Эксмо, 2005. —927 с.
9. Bach R. Jonathan Livingston Seagull. - N.Y., 1970. - 105 p.
10. Bronte Ch. Jane Eyre. —England: Wordsworth Classics, 1992. —404 p.
11. Lewis S. Dodsworth. -N.Y., 1929. - 377p.
12. Lewis S. Ann Vickers. - N.Y., 1933. - 562p.
13. Shakespeare W. Othello. The Moor of Venice. - М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1936. - 183 p.
14. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. - Oxf.: Oxford University Press, 1954. - 1164 p.
15. Shaw B. Pygmalion. - М.: Глосса, 2001. - 224 p.
16. Sheldon S. Memories of Midnight. - N.Y.: Warner Books, 2002. - 404 p.

Аннотация: В статье «Обоснование закономерностей исследования личности героя художественного произведения» предложено исследование личности и языковой картины мира героя художественной литературы. Это новое направление в науке, нацеленное на системное и комплексное раскрытие личностных особенностей, языковой картины мира и жизненного пути героя художественного произведения в единстве философского, психолингвистического, лингвистического, литературоведческого и психологического аспектов.

Abstract: Substantiation of the literary character personality research in the interrelationship of the philosophic-linguistic, psychological-linguistic and literary aspects. The personality and the world picture of the fiction character presented in the article is a new scientific trend aimed at the systematic and complex research of the personality traits, world picture and life of the literary work character in the interrelationship of the philosophic, psycholinguistic, linguistic, literary and psychological aspects.

Мазирка И. О.,
Московский государственный
областной университет,
доцент кафедры теории языка и англистики,
докторант лаборатории психолингвистики
и теории языка,
кандидат филологических наук, доцент

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ВОЙНЫ НА КОНЦЕПТОСФЕРУ ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

Лингвополитическая концептосфера связана со взаимодействием личности с макросоциумом как в мирное, так и в военное время. Под воздействием общества и его разнообразных концептов могут резко или постепенно меняться личностные концепты и языковая картина мира героев художественных произведений. Особенно часто судьбоносными в биографии героя, полностью меняющими его концептосферу и картину мира являются концепты войны и религии.

В нашей выборке концептов из художественной литературы нам показалось уместным выделить великолепное классическое произведение художественной мировой литературы о войне - «Война и мир» Л.Н. Толстого. Но прежде, чем мы перейдем к анализу концептов войны в связи с личностной концептосферой и языковой картиной мира героев произведения Л.Н. Толстого хотелось бы остановиться на изложении размышлений классика психоанализа З. Фрейда о войне [9], так как взгляды З. Фрейда и Л.Н. Толстого имеют между собой много общего.

З. Фрейд пишет: «Мы вынуждены признать, что никакое событие не было так разрушительно для столь многих общечеловеческих ценностей, не вводило в заблуждение многие светлейшие умы, не унижало так наши святыни как война» [9, с. 17]. В мирное время, по мнению Фрейда, превалировал высокий уровень принятых норм, которым человек должен был подчинять образ жизни: «эти законы часто были очень строги, требовали большой сдержанности, во многом отказа от инстинктивных наслаждений. Особенно запрещалось извлекать выгоду посредством лжи и обмана в состязании с ближним». [9, с. 18]

В военное же время, по мнению классика психоанализа, мощная сила инстинктов превалирует. Поэтому война несет в себе не только разрушение зданий, человеческого жилья, но и ломает судьбы и моральные ценности людей, пропагандирует лживость и насилие, всеобщую деградацию. Фрейд предполагает неизбежность войн вследствие мощных инстинктов психики, возбужденных войной: «мы сказали себе, что войны никогда не прекратятся, пока нации живут в настолько различающихся условиях, пока цена человеческой жизни так различно определяется в каждой нации и пока враждебность, которая их разделяет, указывает на мощную силу инстинктов в психике» [9, с. 17]

Надежды Фрейда на цивилизованные народы и так называемые «белые нации» не оправдались: «Но мы позволили себе иметь другие надежды. Мы ожидали, что великие правящие державы среди белых наций, на которые легло руководство человеческим родом и которые развили интересы мирового масштаба, чьим творческим силам мы обязаны продвижением по пути подчинения природы, так же, как и обогащением сознания в области искусства и науки, - сумеют найти иной путь устранения недопонимания и столкновения интересов» [9, с. 17]

По мнению Фрейда и сама наука в военное время потеряла свою справедливую беспристрастность: «ее слуги в глубоком озлоблении пытаются найти в ней оружие, которое будет способствовать поражению противника. Антропологи стремятся провозгласить противника падшим и вырождающимся, психиатры – огласить свой диагноз о душевной или умственной болезни врага» [9, с. 17].

Л.Н. Толстой, описывая войну 1812 года, фактически предвосхищает мысли Фрейда (высказанные последним много позже, накануне Второй мировой войны). Но оба классика усмотрели в войне всеобщую разруху, и, несмотря на различие людей в интеллектуальном уровне, различия в национальных и бытовых условиях, языковые различия, они описывают свойственный войнам антигуманизм, «всеобщую неразбериху», снижение человеческих качеств тех и других полководцев, лицемерие которых несет горе тысячам и миллионам участников военных событий как солдат, так и мирных жителей.

Несмотря на то, что участники войны – цивилизованные нации, русско-французская война не представляет собой «рыцарского похода», который не ограничивается установлением превосходства одной стороны над другой, а представляет собой нарушение всех правил и принятых решений, которые не дают возможности выйти из состязания, как со стороны воюющих, так и со стороны врачей и медсестер, посвятивших себя делу врачевания раненых.

Далеки от этических норм взаимоотношения между русскими и французами не только в военное, но и в мирное время. Толстой показывает, как в сожженной Москве расстреливают раненых и пленных.

3. Фрейд делает свой вывод: «психоанализ показывает, что сущность человеческой натуры состоит в элементарных инстинктах, которые являются общими для всех людей и направлены на удовлетворение определенных, примитивных потребностей; принято считать, что все инстинкты, которые общество осуждает как пагубные, например, эгоистичность и жестокость, – относятся к примитивным» [9, с. 9]

В то же время Фрейд полагает, что в мирное время возможна аккультурация инстинктов, расширение приспособляемости личности к социальным трудностям и либо регресс психики либо ее восстановление: «Трансформации инстинктов, на которых основывается наша культурная приспособленность, могут быть насовсем или временно зачеркнуты опытом жизни. Это, несомненно, влияние войны – одна из тех сил, что могут вызвать психический регресс; следовательно, нам не нужно отрицать приспособляемость к культуре и всех тех, кто в настоящее время демонстрирует индивидуальное поведение, и мы можем ожидать, что очищение их инстинктов будет восстановлено в мирное время». [9, с. 22]

Итак, мы солидарны, с выводами 3. Фрейда о регрессивной роли войны, удовлетворяющей примитивные инстинкты, связанные с эгоистичностью и жестокостью в личностной концептосфере человека, унижающей личность, разрушающей личностные ценности, а также плоды человеческого труда. Однако задолго до рождения вывода 3. Фрейда Лев Толстой сделал аналогичный вывод, анализируя военную лингвополитическую концептосферу 1812 года. Русский гений рассмотрел также личностную концептосферу полководцев и героев, а также структуру и сущность концепта власти в военное время.

В размышлениях о войне в своем романе-эпопее Л.Н. Толстой вводит концепты «силы и власти». «Наполеон приказал собрать войска и идти на войну. Он имел власть, и потому было исполнено то, что он велел. Ответ этот совершенно удовлетворителен, если мы верим, что власть дана была ему от бога. Но как скоро мы не

признаем этого, необходимо определить, что такое это власть одного человека над другим» [8, с. 803] И рассуждая далее о власти императора и других «людей-героев», Л. Толстой затрагивает вопрос нравственности, не находя таковой у Наполеона... Как связаны концепты власти, нравственности героя, полководца, императора?

«Власть эта не может быть той непосредственной властью физического преобладания сильного существа над слабым, преобладания, основанного на приложении или угрозе приложения физической силы, - как власть Геркулеса; она не может быть основана на преобладании нравственной силы, как то в простоте душевной, думают некоторые историки, говоря, что исторические деятели суть герои, то есть люди, одаренные особой силой души и ума и называемой гениальностью. Власть эта не может быть основана на преобладании нравственной силы, ибо, не говоря о людях-героях, как Наполеоны, о нравственных достоинствах которых весьма разноречиво история показывает нам, что ни Людовики XI-е, ни Меттернихи, управляющие миллионами людей, не имели никаких особенных свойств силы душевной, а, напротив, были по большей части нравственно слабее каждого из тех миллионов людей, которыми они управляли». [8, с. 803]

Итак, мы видим, что, по мнению Л. Толстого, концепты полководца и императора не содержат высокой нравственности, а, напротив, их нравственность ниже, чем у тех, которыми они управляли.

Считая, что власть есть совокупность воли масс, превнесенная выраженным, или молчаливым согласием избранных массами правителей, Толстой полагал, что историки не справедливо абсолютизируют концепт власти: «Одни историки, не понимая в простоте душевной, вопроса о значении власти, то есть самые частные и биографические историки, о которых было говорено выше, признают как будто то, что совокупность воли масс переносится на исторические лица, безусловно, и потому, описывая какую-нибудь одну власть, эти историки предполагают, что эта самая власть есть одна абсолютная и настоящая, а что всякая другая сила, противодействующая этой настоящей власти, есть не власть, а нарушение власти - насилие». [8, с. 805] Л.Н. Толстой опровергает это положение, как не подтвержденное опытом истории: «Историки, по старой привычке признания божественного участия в делах человечества, хотят видеть причину события в выражении воли лица, облеченного властью; но заключение это не подтверждается ни рассуждением, ни опытом» [8, с. 812]

Писатель вскрывает сущность концептов войны, давая не только верную историческую, правовую (юридическую) оценку военным событиям романа, но и тонко описывает психологические нюансы концептов человеческой личности и концептов межличностного общения, например, в сцене, встречи Наполеона с раненым Андреем Болконским. Пользуясь антитезой, основанной на психолингвистической ассоциации по контрасту, Л.Н. Толстой показывает величие когнитивного концепта раздумий и концепта сверхнормативного поведения смертельно раненого князя Андрея и мелочность концептов ненормативного поведения императора. «- Вот прекрасная смерть, - сказал Наполеон, глядя на Болконского» [8, с. 419]

«...Князь Андрей понял, что это было сказано о нем. Это говорит Наполеон... Он знал, что это был Наполеон - его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким бесконечным небом с бегущими по нем облаками... Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, таким мелочным казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью

победы в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял - что он не мог отвечать ему». [8, с. 421]

Л.Н. Толстой вкладывает в уста Андрея Болконского авторскую позицию о концептах низких человеческих качеств полководцев и, в частности, предвосхищение А. Болконским мелочности, ограниченности Наполеона, которые он увидел еще при Аустерлицком сражении: «А сам Бонапарте! Помню самодовольное и ограниченное лицо его на Аустерлицком поле. Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но напротив ему нужно отсутствие самых лучших высших человеческих качеств - любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения. Он должен быть ограничен. Твердо уверен в том, что то, что он делает, очень важно (иначе у него не достанет терпения), и тогда только он будет храбрый полководец. Избави бог, коль он человек, полюбит кого-нибудь, пожалеет; подумает о том, что справедливо и что нет. Понятно, что исстари еще для них подделали теорию гениев, потому что они - власть. Заслуга в успехе военного дела зависит не от них, а от того человека, который в рядах закричит: пропали, или закричит: ура! И только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен!» [8, с. 67]

Идентифицируя себя с Болконским, Толстой высмеивает концепты «гениев» и описывает концепты самодостаточности и позерства Наполеона, которые, по мысли писателя, выставляли его ограниченным и лицемерным человеком: «Тот тон великодушия, в котором намерен был действовать в Москве Наполеон, увлек его самого. Он в воображении своем назначал дни собраний во дворце царей, где должны были сходиться русские вельможи с вельможами французского императора. Он назначал мысленно губернатора, такого, который бы сумел привлечь к себе население. Узнав о том, что в Москве много богоугодных заведений, он в воображении своем решал, что все эти заведения будут осыпаны его милостью. Он думал, что как в Африке надо было сидеть в бурнуса в мечети, так в Москве надо было быть милостивым, как цари». [8, с. 375]

Л. Толстой разоблачает концепты «военных машин» французов и русских, описывая военную неразбериху и в тех и в других войсках. Как в армии Наполеона, так и в русских войсках эта неразбериха была связана либо с честолюбием государя Александра, тщеславием многих его полководцев и со слабостью военной «науки», да, и со слабостью личности военного министра Аракчеева: «Я не виноват, что министр не решим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругает его насмерть» [8, с. 149]. В армии Наполеона Толстой описывает следующие беспорядки: «Маршалы и генералы, находившиеся в более близком расстоянии от поля сражения, но так же, как и Наполеон, не участвовавшие в самом сражении и только изредка заезжавшие под огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона делали свои распоряжения, отдавали свои приказания о том, куда и откуда стрелять, куда скакать конным, и куда бежать пешим солдатам. Но даже и их распоряжения, точно так же, как и распоряжения Наполеона точно также малой степени редко приводились в исполнение» [8, с. 278]

Л. Толстой, описывая военную суматоху, отмечал противоречивые доклады с фронтов и даже полную дезинформацию, направленную в адрес главнокомандующего М.И. Кутузова: «Когда Кутузову доложили, что в тылу у французов по донесению казаков никто не был, теперь было два батальона поляков - Вот, просят наступление, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово» [8, с. 547]. Поэтому Толстой оправдывает Кутузова, который утверждает: «Нельзя было

давать сражение, когда еще не собраны были сведения, не собраны раненые, не пополнены снаряды, не сочтены убитые, не назначены новые начальники на место убитых, не наелись и не выпалились люди» [8, с. 311]

Итак, в великом реалистическом романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», война представлена как всенародное бедствие, разрушающее не только государства в целом, но и отдельные личности, из которых эти государства состоят. Ограниченность императоров, полководцев, тщеславие и междоусобицы военачальников добавили к всенародному бедствию разрушение семей и крушение личных надежд, отразившихся на мирной жизни участников событий, разрушивших их личностные концепты, а также концепты языковой картины мира.

Однако, если в анализе войны размышления Л. Толстого и З. Фрейда аналогичны и заключаются в тотальности разрушительного действия ее, то реализм Толстого более дифференцированно описывает индивидуальные особенности личных судеб и обстоятельств героев (экзистенциальный концепт). [5, с. 176-198] Так, на судьбу Пьера Безухова повлияло пленение его, разговор с простонародным философом-солдатом Платоном Каратаевым, положительно повлиявшим на его богоискательские тенденции. Не только вступление в масонский орден, но и душевспасительные разговоры о любви к ближнему с Каратаевым, вывели его на поиски христианского мировоззрения, изменив содержание его концепта мировоззрения.

Важно в то же время подчеркнуть, что ещё раньше в своем романе Толстой описывает феномен «отсутствия цели» (отсутствие концепта цели) у Пьера Безухова как индивидуальное состояние психологического кризиса, приведшего к вере в Бога (к появлению концепта религии). «И это-то отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье. Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру — не веру в какие-нибудь правила или слова, или мысли, но веру в живого всегда ощущаемого бога. Прежде он искал его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уж говорила нянюшка: что бог вот он, тут, везде. Он в плену узнал, что бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитекторе Вселенной. Он испытывал чувства человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя» [8, с. 689]. Толстой отмечает, что «Пьер почти не изменился в своих внешних приемах, на вид он был точно таким же, каким был прежде» [8, с. 690].

Но Толстой видит внутреннюю перемену в личностных концептах П. Безухова: «Прежде он казался хотя и добрым человеком, но несчастным, и потому невольно люди отдалялись от него. Теперь улыбка радости жизни постоянно играла около его рта, и в глазах его светилось участие к людям -вопрос: довольны ли они, так же как и он?

И людям приятно было его присутствие. Прежде он много говорил, горячился когда говорил, и мало слушал; теперь он редко увлекался разговором и умел слушать так, что люди охотно высказывали ему свои самые душевные тайны» [8, с. 691].

Итак, Лев Толстой показывает, что, несмотря на внешнюю неизменность Безухова в нем под влиянием войны произошли кардинальные перемены внутренних личностных ключевых концептов веры и цели, что привело к глубокому изменению концептов внутреннего психического состояния от горя и тревоги к счастью, которое он обрел не только в новой вере, но в любви, соединив свою судьбу с Наташей Ростовской, полностью изменив свой и Наташин экзистенциальный,

когнитивный и личностные концепты подструктур и их детерминант, которые стали чище, глубже и возвышеннее, освященные вновь обретённым концептом Бога как символа новой веры.

Огромную роль для раскрытия идейного содержания романа и, прежде всего, влияния войны на личные судьбы его героев сыграло описание жизненного пути (экзистенциального когнитивного и катартического концептов), а также становление личностных концептов мощного, бессмертного и незабываемого образа князя Андрея Болконского. Покажем, отметим подробнее и это.

Прослеживая индивидуальную судьбу Андрея Болконского (его экзистенциальный концепт), который прошел через физические (ранения) и моральные испытания (уход Наташи Ростовой к Анатолию Курагину). Эти испытания, по мысли Толстого, также произвели в нем перемены личностных концептов, и мы видим, что он обрел не только новый концепт человеческой любви, но и Божественную любовь, так как произошла его личностная переориентация с любви к ближнему на христианскую любовь к врагу: «Та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и полюбил его, я испытал любовь, которая есть сама сущность души, для которой не нужно предметов и теперь испытываю это блаженное чувство. Любите ближнего, любите врагов своих. Все любить — любить бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И от этого-то я испытал такую радость, когда я почувствовал, что люблю того человека. Что с ним? Жив ли он... Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. Из всех людей никого не любил я и не ненавидел как её».

И он живо представил себе Наташу не так, как он представлял себе её прежде, с одною её прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувства, её страдания, стыд, раскаяние. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с ней» [8, с. 442].

Андрей Болконский, по мысли Толстого, приходит к новому концепту мировоззрения, то есть формированию нового мировоззрения — от любви человеческой, содержащей противоречивые элементы любви-ненависти, к более беспредметной любви, но более возвышенной и христианской — «полюбить врага своего». Это новое мировоззрение и привело его к раскаянию и пониманию жестокости своего разрыва с Наташей. Ему захотелось ещё хоть один раз увидеть её. И это произошло сначала в сновидении, а потом и в реальной жизни: «Князь Андрей собрал все силы, чтобы опомниться, и он пошевелился, вдруг в ушах его зазвенело, в глазах помутилось, и он, как человек, окунувшийся в воду, потерял сознание. Когда он очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую, из-за всех людей в мире ему более всего хотелось любить той новой, чистой божеской любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях». — «Простите меня за то, что я сделала», — чуть слышным прерывистым шёпотом проговорила Наташа. — Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде, — сказал князь Андрей, поднимая рукой её лицо так, чтобы он мог глядеть ей прямо в глаза. Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко, сострадательно радостно-любовно смотрели на него» [8, с. 443].

Итак, анализ влияния войны на картину мира, личностную, экзистенциальную и когнитивную концептосферы героев художественной литературы на материале гениального и бессмертного творения Л.Н. Толстого романа «Война и мир»

подводит к выводу о том, что война, как утверждают и Л. Толстой, и З. Фрейд, бесспорно, приносит горе, смерть, боль физическую и душевную, разрушение городов и природы, она часто приносит духовную и физическую смерть. Это утверждает Л. Толстой-писатель и Л. Толстой-человек.

Но Л. Толстой-писатель, эстетический и катартический концепты которого намного сильнее тех же концептов Л. Толстого-человека вскрывает ещё одну сторону войны — ей мощнейший катартический концепт, омывающий душу и ум, заставляющий увидеть ограниченность мелких страстей и целей, позволяющий почувствовать мощь и силу истинной, единственно истинной Божественной любви, подвигающей человека к Богу, который не может испытывать ни мелочной ненависти, ни мести, свойственной слабому и посредственному человеку.

Думается, князь Андрей, возлюбивший Божественной любовью любого человека, будь-то враг, будь-то его возлюбленная, духовно приблизился к Богу, так как он был очищен от ненависти и мести и пропитан любовью. Ибо, как сказано в Библии, Бог есть Любовь. Он обрёл истинный когнитивный и экзистенциальный концепты любви, поэтому, возможно, Л. Толстой и позволил ему умереть физически, так как его место теперь было в бессмертии, ближе к Богу, чтобы он стал ещё чище и совершеннее; ведь даже оставшись жить с Наташей Ростовской, вряд ли бы он стал глубже и чище, чем в те последние моменты своего экзистенциального земного пути.

В этом Л. Толстой своеобразно идентифицирует себя с князем Андреем. Он также оставил семью перед смертью, чтобы предаться неземным размышлениям и быть свободным и независимым. Он уехал от семьи и умер в поезде. Его сняли с поезда на станции Астапово. Он старался во многом идентифицировать свою личностную концептосферу и картину мира с концептосферой и картиной мира князя Андрея, поэтому очень многое в психогенетическом концепте князя Андрея совпадает с его остальными концептами и многое, о чем тайно мечтал писатель, чего ему так не доставало, он воплотил в своем прекрасном герое. Словом, Л.Н. Толстой мастерски раскрыл моральное, нравственное влияние войны на личностную концептосферу и языковую картину мира героев художественного произведения «Война и мир». И не только этого произведения!

В заключение отметим следующие оценки. Преодоление глобального страха перед войной и её последствиями классический психоанализ видит в психологических защитах личности, которые описаны как в древних вариантах защиты (вытеснение, бегство от объекта), так и в трансформации интерперсональных внутриличностных конфликтов. Здесь психотерапия, в том числе и современная, получает большое преимущество перед психоанализом. Например, трансперсональные исследования Россохина А. В. [7], Винникотта [1] значительно расширяют рамки психотерапии.

Психокоррекция осуществляется психологами, врачами-психотерапевтами не только через осознанную медитацию, но и постижением саногенного мышления [6, с. 176-224]; [11, с. 12-31], а также воздействием на подсознательную сферу психики, например, воздействием в сновидном состоянии и в гипнотических «фазовых» состояниях [2, с. 430-462]. Большой вклад в психокоррекцию личности вносит ролевая игра в процессе курса обучения личностно-ориентированному общению [10, с. 132-145]. Чтение религиозной литературы также помогает человеку преодолеть страх, поверить в добро и счастье [3, с. 20-21].

В работе Д. Винникотта [1, с. 186-200] «Переходные объекты и переходные явления» говорится о новом, по мнению автора, эффективном виде межличностно-

го взаимодействия: «В данной работе я излагаю гипотезу о существовании промежуточного состояния между неспособностью и растущей способностью человека к осознанию и принятию реальности. Поэтому необходимо заняться исследованием сущности иллюзорных процессов, которые становятся неотъемлемой частью искусства и религии, и, кроме того, могут стать ещё и признаком сумасшествия... Мы можем проявить уважение к иллюзорному опыту и, если пожелаем, можем собраться вместе и образовать группу на основе схожести иллюзорного опыта. Это естественная причина создания людьми группировок» [1, с. 188]. В этом случае причиной группового взаимодействия по Винникотту является сходство иллюзорного опыта, а не совместимость акцентуаций характера, как считает А. Е. Личко [4, с. 170-193].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Винникотт Дональд. Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «не-я» - предмета // Антология современного психоанализа. Т. 1 (под ред. А.В. Россохина). — М.: Изд. Института психологии РАН, 2000 — С. 186-200
2. Гройсман А.Л. Клиническая психология, психосоматика и психопрофилактика. — М.: Изд-во «Магистр-Пресс», 2002 — С. 430-462
3. Епископ Александр (Семёнов Тян-Шанский) Смерть и воскресенье. — М.: Изд-во «Крутецкого подворья», 2002 — С. 20-21
4. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л.: Изд-во «Медицина», 1977 — С. 112-121
5. Мазирка И.О. Презентация психолингвистических аспектов в художественной литературе. — М.: Изд-во МГОУ, 2006. — 209 с.
6. Орлов Ю.М. Самопознание и самовоспитание характера. — М.: Изд-во «Просвещение», 1987 — С. 176-224
7. Россохин А. В. Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (Эволюция теории алакитеской техники) // Антология современного психоанализа. Т. 1. — С. 23-77.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: Т III-IV. Изд-во Эксмо, 2005. — 927 с.
9. Фрейд З. Размышления о войне и смерти. // Архетип. — М.: Изд-во Гуманитарий, 1995. № 2. — С. 17-24.
10. Чалкова Е.Г. Фразеосемантические поля англоязычного личностно-ориентированного общения. — М.: Изд-во «Народный учитель», 1998 — С. 211-231
11. Чалкова Е. Г., Клинович А.С. Лингвистические и психолого-педагогические аспекты исследования саногенного мышления личности. — М.: Изд-во «Народный учитель», 2002 — С. 12-31.

Аннотация: В статье «Философские аспекты влияния войны...» автором анализируются труды З. Фрейда, посвящённые размышлениям о войне и смерти, рассматриваются личностные концептосферы героев романа Л. Толстого — А. Болконского, М. Кутузова, Н. Ростовой, Наполеона Бонапарта, других военачальников воюющих держав как в мирное, так и в военное время. Показано, что гуманистические взгляды З. Фрейда имеют много общего с размышлениями великого русского писателя Л. Толстого о разрушительном влиянии войны как на отдельные личности, их семьи, так и на всё человечество.

Abstract: Philosophic aspects of the war personality concept and world picture influence. In the article I.O. Mazirka analyses Z. Freud's works dedicated to his reflections about the war and death. The author considers personality concepts of A. Bolkonsky, M. Kutuzov, N. Rostova, Napoleon Bonapart and of many other belligerent country commanders both in the wartime and the peaceful period. Z. Freud's humanist views have much in common with the greatest Russian writer L. Tolstoy's reflections about the destructive war influencing not only every person his or her family but also the whole mankind.

Мандрыка С.М.,

*Военный университет МО РФ,
соискатель кафедры философии и религиоведения*

ФАКТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПОПЫТКА ЕЁ ОПРЕДЕЛЕНИЯ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Исследователи состояния современного мира отмечают его нестабильность. Так, например, А.С.Панарин пишет, что XXI век только начался, а уже окрещен в целом как стратегически нестабильный т.е. как «непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах» [18, 5].

В литературе посвященной данной теме стратегическая нестабильность рассматривается в контексте проблем социальной нестабильности, конфликта, хаоса, деструктивности, распада социальных систем, утраты былой системы отношений, структуры, идентичности. Каковы же источники, причины и субъекты нестабильности в современном мире?

В анализе стратегической нестабильности А.С.Панарин поставил вопрос о её субъектах, но акцент делает на аналитике, которая строит возможные сценарии событий, исходя из сложившихся тенденций развития и оценки тех или иных влиятельных субъектов социального действия, с другой [18, 5].

А.С.Панарин полагает главной причиной стратегической нестабильности свободу человека, и прежде всего свободу сильных, обеспеченных и победителей [18, 7]. Стратегическая нестабильность оценивалась как «следствие стратегической игры, в которой участвуют две стороны: сильный и слабый, ведущие себя одинаково неадекватно. Неадекватность поведения сильного состоит в безрассудной завышенности его притязаний, наращиваемых в духе концепции “отодвигаемых рубежей”: падение одного провоцирует на взятие следующего, и так — до роковой черты... Мы сталкиваемся, таким образом, не с естественной изначальноностью ситуации нестабильности, а с ее общественным производством, в котором задействованы обе стороны...» [18, 7-8]. Словом, аналитику стратегической нестабильности А.С.Панарин сосредотачивает на «попытках объяснения ментальности и поведения сильных (агрессоров) и слабых (жертв) в ходе совместного производства ими ситуации стратегической нестабильности» [18, 8].

Неадекватность современного человечества в производстве стратегической нестабильности описывает Н.Б.Шулевский: «Неизвестно, кто и на кого нападает, кому, как и от чего защищаться; сильные становятся уязвимыми, слабые — непобедимыми, победители боятся победы, а побежденные не печалются поражению; ученые и эксперты действуют как слепые, а незнающие действуют как одержимые мудростью» [32, 6].

Одной из причин стратегической нестабильности следует рассматривать крушение прежней двуполярной системы международных отношений, связанной с крушением Советского Союза и социалистического лагеря. Крушение данной системы отношений поставило на повестку дня переоценку ценностных и смысловых ориентаций большой антропологической и социальной массы. При этом нестабильность на стратегическом уровне связана с исчезновением одного из стратегических игроков двуполярной системы. Распад СССР вел к стратегической нестабильности [11, 641].

У. Бек показывает что стратегическая нестабильность формируется трансна-

циональными корпорациями и банками. Они интегрируются между собой, но одновременно на национальном уровне реализуют дезинтеграцию. Транснациональные концерны заинтересованы в «слабых государствах», в них нуждается «новый мировой порядок» (который слишком часто ложно понимают как мировой беспорядок) для сохранения и воспроизводства себя самого). Кроме того капитал уходит от социальной ответственности, усугубляя даже положение стран «всеобщего благоденствия» [3, 168-175].

Среди причин современной стратегической нестабильности А.С.Панарин выделяет технический прогресс, в результате которого происходит дискредитация физического труда в традиционном его понимании и значении и формируется психология избегания усилий, ведущих в конечном итоге к появлению человека нового типа неразрывно связанного с революцией гедонистического досуга [18, 161-163].

Т.Е. Савицкая отмечает, что происходит смена антропологических типов: от *homo modernus* к *homo post-modernus*, от *homo economicus* к *homo psychologicus*, от *homo faber* к *homo ludens*, от Прометея к Протею или Нарциссу [30], *homo deconstructivus* [21]. В этом же контексте следует упомянуть и работу С.С.Хоружего [28]. Нестабильность современного человека проявляется и в сфере отношения полов, которые, по мнению У.Бека напоминая положение классов и между ними разыгрывается «окопная война полов», «уход в субъективное», «эпоха нарциссизма» [2]. В современных условиях человек идентифицирует себя не с ролями труда, а с ролями престижного досуга и развлечений.

Э.Гидденс среди причин нестабильности современного мира выделяетсам процесс глобализации, в ходе которого формируется беспрецедентное глобальное космополитичное общество, которое потрясает основы нашего традиционного образа жизни, где бы мы ни находились. Его становление носит анархический, случайный характер, связан с глубокими противоречиями, недееспособностью социальных институтов и вызывает у всех чувство бессилия и собственной слабости. Происходит изменение самих основ и образа жизни [8, 35-36].

Стратегическую нестабильность следует рассматривать в контексте социальной нестабильности вообще. Она связана с фазовыми переходами общества с одного уровня развития на другой [20]. Позитивная роль хаоса исследуется синергетикой. Эта проблема представлена в работе Л.Е. Бляхера [4]. Социальный хаос определяется им как вид социального кризиса, который «поразил всю совокупность элементов, составляющих целостность общества так, что каждая из частей приобрела относительную автономию движения-дрейфа» [4, 6].

Л.Е. Бляхер же отмечает, что социальная нестабильность определяется распадом социальных структур, связей и отношений, связанных с определенными жизненными смыслами человека и общества. В этой ситуации «деструктурированная социальная система, еще недавно обеспечивающая стабильность интеракции и устойчивость механизмов смыслоозначения, превращает его жизнь в постоянное балансирование между рисками, в цепь более или менее крупных личностных катастроф» [4, 4].

Стратегическая нестабильность возникает в силу сознательной деятельности определенных стратегических игроков, субъектов, акторов и является выражением управляемого социального хаоса, характеризующегося нестационарностью и непредсказуемостью [16]. Стратегическая нестабильность, социальный хаос могут быть рукотворными, искусственно созданными [17]. С.Кургинян рассматривает ситуацию, когда стратегическая нестабильность является следствием применения ор-

ганизационного оружия [13].

А.И. Неклесса также анализирует проблему управляемого хаоса в контексте стратегической нестабильности. Он отмечает, что в 60-е года «Зб. Бжезинский формулирует тезис о стратегической цели Запада — создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. В основе ее лежит три принципа: замена демократии господством элиты; формирование наднациональной власти на путях сплочения ведущих индустриально развитых стран; образование элитарного клуба ведущих государств мира... Современная глобализация есть в определенной мере продукт высоких социогуманитарных технологий и институтов проектирования будущего» [15]. В создании проектов будущего и их реализации используются «технологии управления хаосом». Среди них «концепция самоорганизованной критичности» (selforganized criticality, SOC), теория катастроф, неравновесная самоорганизация, синергетика и другие.

Этот же автор (А.И. Неклесса) пишет: «Суть нового подхода в том, что, во-первых, основным его объектом оказывалась не статика, не объект, а динамика, процесс. И определяется он через посредство таких понятий, как, скажем, периодичность или непериодичность системы, сечение фазового пространства, фрактал, бифуркация, аттрактор. Во-вторых, сложные динамические системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, в которой незначительное событие вызывает цепную реакцию, способную затронуть многие элементы системы. В одном случае даже небольшое воздействие на систему способно привести к ее обвалу... Технологии управления хаосом претендуют на сознательное достижение подобных состояний и управление ими. Центром развития теории SOC стал американский Институт Санта Фе, (созданный в 1984 году для изучения динамики сложных систем и проблем), Группа по изучению действий в условиях неопределенности при Пентагоне и др. Яркий пример прикладного использования подобных технологий — “оранжевые революции”. Революция есть состояние общества, близкое к хаосу. Искусство управления революционным хаосом заключается в следующем: во-первых, подвести систему к неравновесному состоянию; во-вторых, в нужное время и в нужном месте вбросить фактор, приводящий старый порядок вещей к обвалу (хаотизация организации); в-третьих, ввести аттрактор, структурирующий систему в новом, желательном направлении» [15].

Источником и субъектами стратегической нестабильности в мире становятся новые формы власти и господства, когда властвующий субъект становится анонимным. Одним из проявлений нового типа власти является нетократия — власть сетевых организаций. А. Бард, Я. Зодерквист отмечают, что принципами власти сетевой пирамиды являются децентрализация, нестабильность, временность и аморфность альянсов, нелокализуемость, невидимость [1, 198]. При этом «топография информационно общества парадоксальным образом напоминает лабиринт. Арена изогнута, а события непредсказуемы. За каждым углом сюрприз. Что было важно вчера, редко представляет какую-то ценность сегодня. Порой нужно отказаться от успешной стратегии без всякого предупреждения... Мы можем лучше видеть и слышать то, что поблизости, однако тогда наша дальнзоркость, а вместе с ней и сама общественная арена, исчезают» [1, 201]. Авторы работы отмечают, что «настоящий нетократ — эпикурец-эгоист» [1, 13].

Дж. Стиглиц субъектами стратегической нестабильности выделяет транснациональные корпорации и банки [23]. Создается новая картография постсовременного мира. И некоторые из участников этого процесса характеризуют его как «нового

мировой порядок». Нестабильность возникает потому, что сознательно уничтожается архитектура прежней системы международных отношений сложившихся после окончания Второй мировой войны. Символом таких процессов является Косово, Средняя Азия, Ближний Восток [6; 7; 19]. Несправедливая система социальных отношений в условиях глобализации может спровоцировать глобальную гражданскую войну [26].

Нестабильность, в том числе и в России и странах постсоветского пространства, подогревается вмешательством мировых стран во внутренние дела вплоть до создания искусственных революций, получивших название оранжевых. М.Г. Делягин отмечает стратегический эгоизм Америки и генетическую особенность американской цивилизации, ориентированной на получение прибыли и США становятся экспортером нестабильности и глобальной неустойчивости [10, 650-697].

Самир Амин в своей работе [22] отмечает, что нынешний американский проект, направленный на установление господства над миром посредством военной силы, восходит корнями к европейскому либерализму, но некоторые черты либеральной идеологии получили в нем новое и исключительно опасное развитие. Империализм США будет отличаться большой степенью, выражаемой в разграблении ресурсов и уничтожении жизни бедных людей. Он же утверждает, что источником стратегической нестабильности является капитализм: «Капитализм синонимичен постоянной нестабильности. ...Капитализм не существует вне классовой борьбы, конфликтов между государствами и политическими устремлениями» [22, 11-12].

Амин показывает, что в современных условиях США — источник перманентной войны, цель которой (как и у Гитлера) — изменение путем применения военного насилия существующих экономических и общественных отношения в пользу сегодняшних избранных людей (Herrenvolk). США открыто отказались от обязательства уважать законность и права других, провозгласив свою приверженность единственному принципу — «кто сильнее, тот и прав» [22, 118].

С Амином солидарен Дж. Стиглиц: «Ясно, что-то ошибочное было в том, каким образом мы вели мир к новому порядку. И, по крайней мере, ясно, что мы не пытались решать фундаментальные проблемы нестабильности» [23, 66]. Он продолжает: «Мы верили в либерализацию рынков капитала, но при этом не думали о том, что это может привести к глобальной нестабильности. Мы были больше озабочены тем, что может Америка выиграть в кратковременном аспекте, занимая жесткую переговорную позицию, и как это, в свою очередь, может усилить позиции администрации, чем о возникающих ощущениях нечестности и лицемерия, которые могут повредить интересам Америки в долговременной перспективе» [23, 255].

Х.Хофмайстер весьма обстоятельно и последовательно проводит мысль о том, что война сегодня — не средство политики, а, напротив, ее отрицание; именно бессилие политики порождает войну, в том числе и наиболее злокачественную ее форму — терроризм [29].

Нестабильность становится характерной не только для России, но и для развитых стран Запада. Ф.Фукуяма обеспокоен судьбами Америки. В качестве общей тенденции внутренней жизни США он выделяет процессы распада и внутренней дезинтеграции [24]. Да и С.Хантингтон относительно США задаются вопросом: «Кто мы?» [25].

А.М. Буровский отмечает: «Напуганный нестабильностью россиянин видит Запад как нечто невероятно устойчивое, островок стабильности в вечно нестабильном мире. Но в США нарастает сепаратизм отдельных регионов. Аналитики всерьез

говорят о перспективе 2025–2030 годов: возможности развала США на Тихоокеанию — Калифорнию-Орегон — и Атлантидию, то есть на федерацию восточных штатов, от Мэна до Джорджии. Поговаривают и о возможном отколе Юга... Канаде тоже “светит” перспектива раскола на англоязычную и франкоязычную части: Англоканаду и Франкоканаду» [5, 161].

С.Е.Кургинян отмечает, что в отношении элиты США внутри страны начинают использовать стратегию секьюритизации и эта стратегия начинает распространяться по всему миру [14]. Суть этой технологии заключается в том, что её основу составляет страх. «Секьюритизация — это более или менее крутой поворот от управления с помощью “стимулов комфорта” к управлению с помощью “стимулов страха”» [14, 10].

Что касается современной России, то нестабильность здесь усугубляется тем, что в ней размывается субъектность личности и общества. Наиболее остро эту проблему обозначает С.Г.Кара-Мурза в работе «Демонтаж народа» [12]. Автор отмечает, что кризис, в котором пребывает Россия, вызван демонтажем нашего народа — как его русского ядра, так и системы межнациональных связей.

Еще одним фактом стратегической нестабильности является кризис научного мировоззрения. В итоге — уход современного человека в бессознательное, в мистику и т.д. Здесь востребованным оказывается психоанализ З.Фрейда и К.Г.Юнга с их культом бессознательного (индивидуального и коллективного). Ярким проявлением данного измерения стратегической нестабильности является терроризм со стороны экстремистских религиозных групп тотально отрицающих мир как воплощенное зло, которое необходимо уничтожить любыми средствами. Данной проблеме посвящено исследование Н.Б. Шулевского [32]. В нем он показывает, что современный терроризм и стратегическая нестабильность мира связаны с явлением Ничто как онтологического полюса и антипода Бытия. Основная идея работы заключается в том, что ничто есть паразитическое околобытие, действующее посредством лжи, демонов, духов и призраков. Его исполнительной властью становится терроризм. Кафедрой ничто — служит бессознательное. Ничто проявляется в провокационных проектах, безумных акциях и деструктивных силовых структурах... Посредством террора реализуется проект искусственной вечности — серого, безгранично длящегося царства страха, боли и страданий, которые и будут служить источником энергии этого симулякра вечного бессмыслия» [32, 7].

На стратегическую нестабильность оказывают влияние демографическо-миграционные процессы, вызванные глобализацией [27, 471]. Глобализация, формируя глобальные рынки, уничтожает региональные и национальные рынки, а вместе с ними, социальную и экономическую структуру. Люди вынуждены срывать с насиженных мест, становятся мигрантами в поисках лучшей доли.

Г. Шмидт выделяет еще один источник стратегической нестабильности: сокращение жизненного пространства вследствие демографического взрыва и изменения климата [31, 20–31]. Отталкиваясь от исследований Л.Н.Гумилева об этногенезе и биосфере земли, можно также утверждать, что стратегическая нестабильность может быть вызвана и природными факторами: солнечной активностью, сменой магнитных полюсов Земли, повышением уровня мирового океана, изменением климата и др. Пассионарность этносов в концепции Л.Н.Гумилева порождается космическими факторами [9].

Однако проведенный анализ показывает, что в настоящее время стратегическая нестабильность носит исключительно социальный характер. Её творцом выступ-

паяют определенные социальные структуры. Стратегическая нестабильность может быть вызвана нестабильностью определенных социальных систем, регионов, государств, цивилизаций, континентов. В ней можно выделить несколько измерений и по разным основаниям: объективное и субъективное; экономическое, политическое, духовное; социальное и антропологическое; физическое и метафизическое, сознательное и бессознательное и др. Одним из самых активных субъектов стратегической нестабильности являются США, транснациональные компании и банки. Для них она выступает средством достижения мирового господства. Эта ситуация формирует определённые вызовы и угрозы для безопасности России и самого факта её существования и ставит на повестку дня необходимость разработки *стратегии против нестабильности* в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бард А., Зодерквист Я. Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Издание второе, исправленное. СПб., 2004.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация. М., 2001.
4. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.
5. Буровский А.М. Облик грядущего: (системное расследование будущего). М., 2006.
6. Бутаков Я. Управляемый хаос. США готовятся «взорвать» Среднюю Азию. // http://www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=3447
7. Никонов В. Назад, к Концерту // Россия в глобальной политике, № 1, 2002.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004.
10. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. - 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
11. Ионин Л.Г. Идентификация или инсценировка // Психология самосознания. Хрестоматия. Самара, 2007.
12. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007.
13. Кургинян С. Оргоружие-2. Диалектика естественного и искусственного в предстоящем «доуничижении» России. // Россия XXI, № 3, 2007.
14. Кургинян С.Е. Слабость силы. / Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания. М., 2006.
15. Неклесса А.И. Господа хаоса // Эксперт-Урал. № 22 (239) от 12 июня 2006.
16. Неклесса А.И. Управляемый хаос, движение к нестационарной системе мировых связей // <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/uni-verse/chaos/>
17. Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. М., 2007.
18. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
19. Пономарева Е. Косово как полигон “управляемого хаоса” для Вашингтона // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=25534>
20. Румянцева М.Ф. Цивилизационный и глобалистский подходы к теории исторического процесса // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М., 2002.
21. Савицкая Т.Е. Постсовременный мир: изменение культурной парадигмы // Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира. М., 2002.
22. Самир Амин. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007.
23. Стиглиц Дж. Ю. Ревущие девяностые. Семени развала. М., 2005.
24. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.
25. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
26. Хардт М, Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
27. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М., 2004.
28. Хоружий С.С. Кризис цивилизации: сквозь призму антропологии. М., 2005.
29. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб., 2006.
30. Хренов Н. А. Русский Протей. СПб., 2007.
31. Шмидт Г. Бремя глобальной ответственности. // Россия в глобальной политике, № 1, 2002. — С. 20-31.
32. Шулевский Н. Б. Метафизика России и терроризм. М., 2004.

Аннотация: В статье анализируется социальная сущность стратегической нестабильности, которая рассматривается как проявление социальной нестабильности и хаоса. Раскрываются её источники, причины, субъекты, а также вызовы и угрозы, связанные со стратегической нестабильностью. Особое внимание уделяется уровням стратегической нестабильности: антропологическому, социальному, экономическому, политическому.

Annotation: In the article is analyzed the social essence of strategic instability which is considered as a display of social instability and chaos. In this article is showed its sources, reasons, subjects and also calls and threats which connected with social instability. The main attention is given to the levels of social instability: antropologic, social, economic, politic.

Песоцкий В.А.,
Московский государственный
областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ (Природа и сущность идеологии, идей, идеалов и принципов)

Идеология, по признанию многих современных исследователей, относится к числу недостаточно изученных феноменов. Она представляет собой «неудобный» объект научного анализа, прежде всего потому, что, вводя понятие «идеология», исследователь должен доказать, собственное идеологическое беспристрастие в подходе к данному специфическому общественному явлению. А это сложно. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что оценка идеологии в современной научной литературе неоднозначна и данная традиция сохраняется уже более двухсот лет.

Появление термина «идеология» в философской литературе связывается с именем французского философа Дестюта де Траси (1754-1836). В своём труде “Этюд о способности мыслить” он применил термин “идеология”, чтобы охарактеризовать науку об идеях. Позднее в фундаментальном сочинении “Элементы идеологии” (т.1-4, 1805-1815 гг.)(1) он более подробно развил это понятие, сделав его принадлежностью науки. В частности, Дестют де Траси рассматривал идеологию как науку об идеях, исследующих всеобщее (а не классовое), считая, что можно раз и навсегда установить твёрдые принципы жизни, приемлемые для всех, помимо этого, он характеризовал идеологию и как науку о законах человеческого мышления. По его мнению, эта наука должна быть такой же точной, как и все естественные науки (2). С этого момента начинается длительный и сложный процесс закрепления в общественном сознании данного социального феномена и формирования отношения к нему. И точно так же — понятия идеологии.

Следует отметить, что отношение к идеологии формировалось не произвольно, оно было обусловлено социальными детерминантами, проявляющими себя и в материальной, и в духовной сферах жизни общества. Углубление стратификации общества, самосознание большими социальными группами — классами своих интересов и целей в историческом процессе, обострение противоречий между ними, серьезно повлиявшее на политическую ситуацию в Европе, и на этом фоне, проявление в общественном сознании мотивированного интереса к политике, как к необходимому и многокачественному социальному явлению, не могло не отражаться на отношении общества к идеологии. Кроме того, отмеченные факторы проявляли себя и развивались в условиях значительного усиления роли науки в общественном прогрессе и обострения традиционного противоборства философского материализма и идеализма, применительно к сравнительно новому объекту познания.

До XIX века в общественном сознании преобладало негативное отношение к идеологиям. Трактовка идеологий связывалась с оторванной от действительности игрой мысли, спекулятивными умозрительными конструкциями. Во многом этому способствовало непринятие идеологии харизматическими политиками мирового уровня и известными учеными. Наполеон I, например, рассматривал идеологию и идеологов как отвлеченных мыслителей и доктринеров, оторвавшихся от практической деятельности. Отмечая этот факт, К.Маркс писал, что “его презрение к про-

мышленным дельцам было дополнением к его презрению к идеологам.”(3)

Однако, революционные потрясения XIX столетия показали, как теории мыслителей превращаются в ценности, а затем и в символы веры, а в политических битвах расчетом за приверженность «идеологическим абстракциям» являются реальные человеческие жизни. Движение Реформации в XVI веке, Английская (1642-1649 гг.) и Французская (1789-1794 гг.) буржуазные революции раскрыли роль идеологии как детерминанты политики. Не случайно идеологии, как сознательно разработанные учения, по мнению ряда исследователей, зарождаются после Французской революции (4). Но вся история политических конфликтов, и прежде всего — современных, демонстрирует, как идеологические представления мобилизуют, направляют и организуют деятельность людей.

Со времени введения термина «идеология» в научный оборот в теории формировались самые разнообразные взгляды на это духовное явление. В обобщенном виде их можно представить следующим образом.

Во-первых, идеология воспринималась как наука об идеях, которая изучает их происхождение и закономерности проявления в процессе развития общества. По сути, это развитие концепции, родоначальником которой был Дестют де Траси.

Во-вторых, длительное время сохранялось, хотя и перестало быть доминирующим, отношение к идеологии как к совокупности спекулятивных умозрительных конструкций, являющихся воплощением извращенного сознания. Сторонники этой позиции ссылались, в том числе и на основоположников марксизма, указывая, что они в своих трудах (особенно в ранних) рассматривали идеологию как иллюзорное отображение бытия, создание иллюзий класса о самом себе (5).

В-третьих, идеология рассматривалась как понятие, отличающее и обозначающее социально-политическую направленность и значимость различных взглядов, теорий, концепций и т.д. Данная точка зрения исходит из обусловленности идеологических доктрин материальными факторами жизнедеятельности социальных групп, в силу чего они характеризуются как теоретические представления, защищающие общеколлективные интересы. Формирование идеологий связывается в рассматриваемом случае с деятельностью специализированного коллективного субъекта. Подобная точка зрения свойственна марксизму и в советский период была широко распространена в философской литературе. (6) Следует отметить, что многие отечественные философы придерживаются ее и сегодня с определенными дополнениями и уточнениями, о чем свидетельствует тот факт, что эта позиция нашла отражение и в современных философских словарях (7).

В-четвертых, в западной философии и политологии, несмотря на известный релятивизм, сформировался ряд концепций, выражающих позитивное отношение к данному социальному феномену. В их основе были представлены следующие положения: тезис о плюрализме идеологий; определение идеологии как ложного или сочетания ложного и истинного сознания; сведение идеологии к предвзятости в суждениях, отрицание в ней творческого начала. Названные подходы реализовывались в концепциях ряда известных западных философов и политологов.

В частности, принципиальной позицией является разведение идеологии и науки, отрицание у идеологии познавательных функций. М.Вебер, например, наиболее цитируемый и влиятельный социолог Германии Веймарского периода, известные идеи которого формировались, в том числе в полемике с марксизмом, в своем труде «Хозяйство и общество» (8) относит идеологию, как и иные мировоззренческие и религиозные образования, к области веры, отрицая, саму постановку вопроса

о ее научности.

Известный на Западе авторитет в этой области К.Мангейм во многом придерживаясь позиции М.Вебера, различал партикулярное тотальное и общее понятие идеологии - идеологии, представляющей собой только часть мышления оппонента; идеологии, представляющей мышление оппонента целиком (подобно «ложному сознанию» Маркса); идеологии, характеризующей как мышление оппонента, так и наше собственное мышление (здесь, по мнению К.Мангейма, он шел дальше Маркса) (9).

Достаточное распространение получило, также и сугубо функциональное толкование идеологии как инструмента интеграции общности (О.Лемберг, Т.Парсонс и др.), не учитывающее ее социально-исторические источники и детерминанты. О.Лемберг в своей известной работе «Идеология и общество» следующим образом характеризует общее для современных ему западных концепций понятие идеологии: «Идеологией называют неистинное или полуистинное, сознательное или несознательное вуалирование и искажение фактов, зачастую обоснованное целью оправдать собственные позиции или опровергнуть позиции противника. Даже если она не является просто ложью, она есть обман как самообман, «ложное сознание» (10). Впрочем, иногда в западной философской литературе идеология сводится к психологии отдельных групп и индивидов (Л.Браун, Р.Пайпс, В.Старк и др.) (11).

После Великой октябрьской социалистической революции, с образованием первого в мире социалистического государства проблема идеологии получила значительную актуализацию. В 20-е годы на страницах научных журналов развернулась дискуссия о природе и сущности идеологии. Наиболее полное отражение полемические позиции получили в журнале «Под знаменем марксизма». Начало дискуссии было положено статьей В.Адоратского «Об идеологии» в которой он, со ссылкой на основоположников марксизма, отстаивал достаточно распространенный подход к идеологии как к узкому кругу мышления, объединяющему именно те мысли, которые оторвались от объективной реальности и отражают материальную действительность неправильно (ненаучно).

В своей концепции В.Адоратский, по существу соглашаясь с М.Вебером, рассматривал идеологию и науку в качестве антиподов. Он считал, что любая идеология вредна, ибо мешает видеть действительность. (12) Вслед за В.Адоратским подобную точку зрения развивал и широко (тогда) известный философ И.Разумовский, который брал под сомнение самое главное в понимании идеологии: утверждение, что она отражает интересы определенных классов, - положение, получившее затем широкое признание в советской философии. «Идеология, - писал он, - не непосредственно классовое мышление, но скорее искусственный продукт, его отдаленное отражение» (13).

Противоположную точку зрения высказал И.Румий. В статье «Ответ одному из талмудистов», раскрыв классовый смысл идеологии, он прямо утверждал, что это понятие должно стать центральным в системе марксизма (14). В дальнейшем вопросы, поднятые в ходе дискуссии, определили развитие данного направления советской философии, в центре которого на протяжении всего XX-го столетия продолжали оставаться проблемы: *нужна ли марксизму идеология, в чем ее сущность и какую роль она должна играть в жизни общества*. То есть, по существу, позиции оппонентов формировались вокруг исторически сложившихся подходов к данному социальному явлению, которые мы обозначили выше.

Однако, следует отметить существенную черту, которая проявила себя в ходе

научных споров, особенно в советский период. А именно, большинство их участников, как правило, в качестве аргументов в пользу своих версий (и даже несмотря на их очевидную противоположность) использовали положения, взятые из произведений основоположников марксизма. Почему сложилось данное противоречивое единство. Попытаемся выразить свое отношение к этому вопросу, не акцентируя внимания на том факте, что марксизм в указанный период обладал высшей степенью авторитетности, применительно к общественным наукам, а в постсоветский период – стал модным объектом критики, часто неаргументированной (конъюнктурной) и просто элементарно неграмотной и т.д.

Если рассматривать данную дискуссию, учитывая названные обстоятельства и, в то же время, с позиций сегодняшнего дня, то, на наш взгляд, следует признать, что в основе таких подходов лежало, прежде всего, неоднозначное представление о том, какое содержание вкладывали основоположники марксизма в понятие «идеология». Это, первое. Второе. Исходя из понимания социальной природы названной проблемы, подходы к ее пониманию должны быть детерминированы условиями конкретной эпохи, а участники научных споров в большей степени следовали тексту, иногда в ущерб логике исследования. И, третье. Нельзя не учитывать многолетнюю традицию негативного отношения к данному явлению, сформированную при участии авторитетных ученых в области гуманитарного знания. Рассмотрим названные позиции более конкретно.

Во-первых, понимание взглядов основоположников марксизма на идеологию как на «ложное (иллюзорное) сознание» не всегда основано на полном анализе текстов, когда анализируются их логика, а не наиболее известные отрывки из их трудов. Нельзя сказать, что подобная трактовка принципиально неверна: зачастую, взгляды того или иного мыслителя рассматриваются односторонне и подвергаются упрощению в гносеологических интересах, применительно к предмету исследования. Но иногда в таком подходе просматривается идеологическая позиция самого исследователя.

Во-вторых, для большинства текстов основоположников марксизма, по авторитетному суждению ряда исследователей их наследия (15), термин «иллюзия» имеет своим контрагентом слово «реальность» или «действительность», причем в постоянном и определенном отношении – реальность, порождающая свою иллюзию или иллюзию о себе самой. Или – *«идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в нее»*. Именно самообман, а не обман или идеологическое принуждение в данном случае являются сутью идеологии. В «Немецкой идеологии» (1845-1846), которая наиболее часто привлекается для аргументации негативного отношения классиков к «идеологии», идеология рассматривается как совокупность представлений, составляющих основное содержание современной им немецкой философии.

Ф. Энгельс утверждает, что «Всякая идеология имеет дело с мыслями как самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» (16). Энгельс считает это фальшивым и иллюзорным мировоззрением, но на самом деле такая фраза содержит в себе глубокое рациональное зерно. Ведь идеи действительно обладают собственной жизнью и пользуются людьми как инструментами для самовыражения. В этом проявляется относительная самостоятельность духовной сферы жизни общества.

В другом произведении Маркс и Энгельс подчеркивают: «Общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в опреде-

ленных общих формах (т.е. в идеологических формах)» (17). И, наконец, мы находим следующую мысль, уточняющую на наш взгляд, их позицию, в которой интегрируются как элементы гносеологии, так и собственно социальные моменты: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений». (18)

В-третьих, в подтверждение высказанного суждения следует подчеркнуть, что каждое общество в определенную эпоху порождает набор идеологий, соответствующих данной эпохе, следовательно, для проникновения в сущность последних необходимо подвергнуть анализу не только и не столько сами «представления», а, прежде всего, отношения, изменения и противоречия базиса.

В-четвертых, известно, что Маркс, исследуя идеологические формы сознания, противопоставил им науку как «действительное сознание», или *верное отражение сознанием реальности*. Наука, таким образом, становилась средством преодоления идеологически иллюзорного сознания, в результате менялось и представление о взаимоотношении общественного бытия и общественного сознания. Согласно логике К.Маркса получалось, что сознание может быть как идеологическим (иллюзорным, самообманывающимся), так и действительным (научным, истинным).

Кроме того, К.Марксу как диалектику, придерживающемуся гегелевской традиции (известно, что К.Маркс и Ф.Энгельс определенное время, связанное с начальным периодом их творчества, даже относили себя к младогегельянцам), было чуждо метафизическое противопоставление названных социальных феноменов, поэтому следуя марксовской логике, данную пару понятий правомерно воспринимать как противоречие. Общественное сознание во времена Маркса, до и после него содержало и продолжает содержать как элементы идеологии, так и науки. Главный же вопрос заключается в определении степени, способа их сочетания и динамики развития данного процесса.

В-пятых, можно предположить, что основоположники марксизма, решая главную задачу – утверждения материализма в целом и материалистического отношения к познавательному процессу – в частности, в своих трудах (особенно в ранний период) допускали отождествление понятий «идеалистическое» и «идеологическое».

Например, у Энгельса мы находим следующий смысл рассматриваемого понятия. В «Анти-Дюринге» - одном из его фундаментальных произведений - он писал, что так называемый «математический метод Дюринга» есть не что иное, как форма старого излюбленного *идеологического метода, называемого еще априорным*, согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не из него самого, а путем логического выведения их из понятия. *Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием*. Таким образом, философия действительности оказывается «чистой идеологией», выведением действительности не из нее самой, а из представления (19).

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс пишет, что причины исторических событий: «ясно или неясно, непосредственно или в *идеологической, может быть, даже в фантастической форме* отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей». И далее развивает эту мысль: «Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независи-

мым развитием и подчиняются только своим собственным законам» (20).

Да, в приведенных примерах в контексте работы просматривается, по нашему мнению, с большой степенью вероятности, элемент отождествления «идеологического» и «идеалистического». Но в работах классиков марксизма можно увидеть и другой подход к рассматриваемому явлению. В частности, в труде «18 Брюмера Луи Бонапарта» читаем: «Ораторы и писатели буржуазии, ее трибуна и пресса, - *словом идеологи буржуазии и сама буржуазия, представители и представляемые стали друг другу чуждыми*, перестали понимать друг друга» (21). Более известна также подобная мысль, высказанная в «Коммунистическом манифесте»: «...часть буржуазии переходит к пролетариату, именно - часть *буржуа-идеологов*, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения» (22).

Очевидно, что в приведенных суждениях в понятие «идеология» включено содержание, в значительной степени свойственное марксизму советского периода. Кстати, этого не отрицает и достаточно непримиримый (в 80-е и 90-е годы) критик марксизма И.Яхот (23), рассматривающий эти вопросы в своей работе «Подавление философии в СССР (20-30-е годы)» (24).

У В.И.Ленина мы тоже находим момент разделения идеологий, как, в определенной степени, и момент преемственности приведенных идей К.Маркса и Ф.Энгельса (25). Развивая эту мысль, он внес в понятие идеологии классовое содержание, хотя специально и более детально он не занимался исследованием данного феномена.

Принципиальное различие между научной социалистической идеологией и ненаучной идеологией реакционных или консервативных сил общества, на котором настаивал В.И.Ленин, длительное время было и сегодня остается предметом философских споров. Хотя логика подсказывает, что у данного различия есть серьезные основания. В частности, если отталкиваться в понятии идеологии от признания группового субъекта, то следует согласиться, что интересы и пролетариата, и буржуазии достаточно прагматичны, и имеют материальную основу. Вместе с тем, буржуазия (особенно крупная) по отношению к пролетариату класс малочисленный. А значит, следует признать, что интересы абсолютного большинства не требуют маскировки и извращений для популяризации, так как они понятны именно абсолютному большинству и их научное обоснование только придает им дополнительную убедительность, в то время как сделать интересы абсолютного меньшинства привлекательными для всех — задача не ученого, а маркетолога, или недобросовестного теоретика.

Повторим известное: В.И.Ленин не занимался специально вопросами идеологии, вместе с тем, он обосновал целый ряд принципиальных позиций, относительно данной проблемы, вошедших в социальную философию марксизма (26). Этому вопросу большое внимание в своем творчестве уделил и другой известный отечественный марксист — А.Богданов. Именно он впервые сказал об «идеологах идеализма» и о том, что представитель этого типа научной специализации «органически противен идеологам пролетариата» (27). Кстати, делая этот вывод, А.Богданов практически разводит понятия «идеологическое» и «идеалистическое», рассматривая последнее применительно к идеологии как ее частный случай.

Далее он говорит об отношениях «между идеологами и массой», о том, что «идеолог указывает массе, куда идти, что делать, и масса идет и делает». «В организаторских указаниях идеолога, - пишет Богданов, - нет общественно-принудительной силы, он убеждает, а не принуждает. А последователь данного идеолога может, в

свою очередь, убеждать его действовать так, а не иначе, может давать ему указания и ставить ему требования относительно его *идеологической работы*, но, опять-таки, без всякого внешнего принуждения, примерно так, как читатель, который учится у данного писателя, подчиняется ему в некоторых областях мышления и практики» (28).

В своей работе «Падение великого фетишизма» Богданов отмечает, что происходит глубочайший кризис идеологии, которому нет аналогов в прошлом. Это - не простая смена старых идеологических форм новыми, какая наблюдалась в прежних кризисах, а преобразование сущности идеологии, всего ее жизненного строения, законов ее организации. (29) По сути, в словах А.Богданова заключено признание того, что изменившиеся условия социальной жизни заставляют по - новому решать вопрос о содержании идеологии и ее месте в системе общественных отношений. Подчеркивая, что *идеология всегда социально обусловлена*, он выступает против смешения ее с общественной психологией — принципиально разных уровней (форм) общественного сознания (30).

Таким образом, формирование отношения к сложному социальному феномену — идеологии, в контексте изменений, происходивших в материальной и духовной сферах социальной жизни и в процессе развития социально-философской науки, привели к закреплению в общественном сознании относительно устойчивых и конкретных подходов к сущности и содержанию названного явления и к оценке его значения в жизни общества. Однако, это не означало завершения дискуссий по названному вопросу. Жизнь и наука движутся вперед, а значит и изменение социальных подходов к идеологии в ходе общественного развития представляется закономерным.

Рассматривая проблемы идеологии в XX веке, мы в основном, ориентировались на отечественную историю. Вместе с тем, проблема идеологии в рассматриваемый период оставалась в сфере внимания и западной мысли. В контексте общих концепций социального развития, она занимала достаточно заметное место и отношение к ней не отличалось однозначностью и постоянством. Если абстрагироваться от малозначительных и популистских взглядов на идеологию, высказываемых в западной литературе, то можно выделить два, на первый взгляд, принципиально разных подхода к данному социальному явлению, которые, по мнению отечественных философов, доминировали в разное время в публикациях западных социологов и политологов.

В 50-е гг. на Западе получила широкое распространение философская концепция *деидеологизации*, которая провозгласила «конец идеологии» и ратовала за освобождение общества от воздействия идеологии (авторы - Р. Арон, Д. Белл, С. М. Липсет, К. Поппер, Э. Шиллз и др.). По утверждению ее основоположников - это была линия теории, политики и практики, направленная на отказ от односторонне классового, крайне идеологизированного подхода к анализу и оценке социально-политических явлений и процессов. Сторонники этой концепции выступали за признание приоритета — по их представлению — общечеловеческих интересов и ценностей перед классовыми и иными групповыми.

Гносеологической основой концепции деидеологизации является определение идеологии как выражения субъективно-классовых интересов и противопоставление её науке как носителю объективной истины. В этом положении просматривается очевидная преемственность идей М.Вебера и К.Мангейма, которые мы уже рассматривали. Сторонники названной концепции считают, что *идеология* заставляет искажать истинное знание, способствует приспособлению научных данных к

классовой позиции.

Концепция деидеологизации была тесно связана с теориями индустриального и постиндустриального общества, в которых, в частности, определялось, что постиндустриальному обществу характерно изменение социальной структуры с выходом на первый план интеллигенции как субъекта интеллектуального труда, а в сознании — науки, а не идеологии. В них доказывалось, что в процессе стремительного развития технологий материального производства приобретают все большее значение «объективные» факторы жизнедеятельности человека, ее «объективация». На этом фоне идейные концепции приобретают якобы второстепенный, вторичный характер (эта мысль была бы в чем-то приемлемой, если бы более адекватно отражала происходящие в обществе процессы).

Возрастание значимости информации, природных ресурсов, состояния окружающей среды и угроза межгосударственных конфликтов обусловили, по их утверждению, необходимость создания идеологии для всех, которая бы примирила все существующие и противодействующие идеологии под эгидой «новых гуманистических идей» и «общечеловеческих ценностей». Данный процесс, по мнению основоположников названной концепции, приводит к сглаживанию классовых различий и затуханию классовой борьбы, конвергенции мировых социально-экономических и политических систем. По существу, подчеркнем это, концепция деидеологизации была фрагментом теорий индустриального и постиндустриального общества и их определенным обоснованием.

Однако изменение политической обстановки в мире, связанное, прежде всего, с противоборством двух сверхдержав, которое пронизывало все сферы общества, обусловило пересмотр оценок идеологии в современном социуме и явилось одной из главных причин движения: «назад к идеологии». Другой причиной выступила необходимость идеологически противостоять коммунистическим и рабочим идеологиям, мощно заявившим о себе в 70-е годы XX века.

Ситуация идеологического противостояния странам Запада, а также изменения целей партийных программ (построение коммунизма, хозрасчет, реформы 60 - 70-х годов, концепции “ускорения” и “демократизации” и т.д.) в странах социализма, привели к необходимости отражения данных изменений в содержании коммунистической идеологии, которое повлекло за собой ее развитие именно в этом направлении. Одним из путей такого развития было создание «научной теории идеологии», в рамках которой идеологическая жизнь общества рассматривается как объект научного управления. Со стороны советской науки это был продуктивный шаг на пути совершенствования теории идеологии. Кроме того, он адекватно отвечал на изменение социальной среды и не мог не вызвать соответствующей реакции на Западе.

Процессы, происходящие в духовной сфере жизни общества под лозунгом деидеологизации, породили определенный вакуум общенациональных идей и ценностей, которые традиционно оставались питательной почвой для интеллигентской, научной и студенческой среды. Обострение социальных противоречий на Западе и во всем мире вызвало к жизни много новых общественных движений: зеленые, пацифисты, феминисты, новые левые и т.д. Они поставили под сомнение теорию деидеологизации, увидев в ней причину данного вакуума, и начали говорить о том, что он противоестественен социальному развитию в условиях существования классовых обществ. Ответ на данный запрос общественного сознания прозвучал в новой идеологической концепции — *реидеологизации*. Представители этого направления -

А. Винер, Дж. Лодж, а также *значительное число авторов концепции деидеологизации*. Это, на наш взгляд, подтверждает, что деидеологизация — тоже тип идеологии, ориентированной на несколько иные ценности и реализующий другие принципы. То есть, реидеологизация — это одновременно отрицание и своеобразное продолжение (впрочем, как позже станет ясно — не для всех) теории деидеологизации.

Сохранив основной тезис деидеологизации, авторы концепции реидеологизации исходят из того, что общественные науки не способны дать ответы на вопросы о смысле человеческой жизни, о социальных ценностях, идеалах и целях. Ответы на подобные вопросы призвана дать идеология. Она должна играть основную роль в духовном самовоспроизводстве общества. Не случайно один из основоположников концепции деидеологизации Д.Белл, реагируя на вызовы социального развития, констатирует: «Конец идеологии» как гигантская историческая смена убеждений и ориентиров, на мой взгляд, исчерпал себя. *И теперь вновь начинается история*» (31).

В настоящее время, рассматривающееся в отечественной литературе как «постсоветский период», научные споры по проблемам идеологии не закончились. Несмотря на сравнительно небольшой промежуток времени, который квалифицируется как «постсоветский», в нем условно можно выделить две части, разграничивающиеся взглядами на идеологию. Сначала в общественном сознании доминировало представление о негативном содержании всего советского, что соответственно реанимировало отрицательное отношение и к советской идеологии, в том числе под видом отрицания идеологии вообще. Субъектами критики советских идеалов духовной жизни общества выступали, в большей степени СМИ и политики, пытающиеся на этой волне достичь своих конъюнктурных целей. Вновь получил распространение лозунг «деидеологизации», который активно внедрялся в общественное сознание без необходимой аргументации и достаточного основания. Наука в этот период фактически не занималась исследованием идеологии как специфического социального феномена.

Второй промежуток времени, связанный с постсоветским периодом, ознаменовался серьезными потрясениями в общественной жизни и завершением, в связи с этим, «катарсической» (32) эйфории, в которой пребывал отечественный социум. Действительность потребовала от социальных философов возвращения к осмыслению происходящих в обществе и науке изменений. В связи с этим осмыслению подвергся и феномен идеологии.

Таким образом, как показала история, интерес к идеологии, как социальному явлению, в разные периоды времени то возрастал, то сокращался, причем это зависело, главным образом, от состояния политической сферы, а исследования идеологии, как правило, стимулировались политическими господствующими группами и государством. В настоящее время существуют разные подходы к данному явлению. Не вступая в детальную полемику с их авторами и не претендуя на истину в последней инстанции, предложим свое видение данной проблемы, которое во многом созвучно с позициями, выделенными А.А.Кокориным в работе «Идеология: хрестоматийные заметки» (33). Оно явно отвечает логике социально-философского анализа и реализуется в контексте нашего исследования. Следуя материалистической традиции, определим сущность и содержание данного явления, т.е. ответим на вопрос — какие элементы, части формируют идеологию и как они взаимодействуют между собой.

Очевидно, что одним из основных элементов идеологии выступают *идеи*, ко-

торые находятся в специфическом взаимодействии друг с другом. Идеи являются элементами духовной сферы жизни общества, продуктами духовного производства (общественного сознания). Если рассматривать признаки, характерные для идей, выступающих элементами идеологии, то следует выделить: во-первых, идеи, выражающие коренные интересы конкретных социальных групп.

Во-вторых, идеологию формируют не любые идеи, а только те, которые взаимодополняют друг друга, составляя некое целостное образование. Т.е., ключевой характеристикой идеологии выступает целостность идеального образа общества (социальной группы) или его самосознания.

В-третьих, это не просто целостное, завершенное единство идей, а их система. Как известно, система имеет специфическое качество, которое не сводится к простой сумме элементов, ее образующих.

В-четвертых, идеология, по всей вероятности, не вызывала бы такого пристального внимания со стороны заинтересованных социальных групп, если бы она не представляла собой систему идей, ориентирующих людей на определенные практические действия.

Таким образом, *идеология* — это система идей, выражающая коренные интересы определенных социальных групп, ориентирующая людей на конкретные социальные действия. По сути — это во многом хрестоматийное определение идеологии, ориентированное именно на сущностные признаки данного явления. Оно, по нашему мнению, может быть дополнено рядом содержательных аспектов, которые не нашли своего прямого отражения в определении, но их раскрытие значительно расширяет диапазон знаний об исследуемом феномене.

Однако прежде чем приступить к данной процедуре, необходимо четко определить научно — теоретические и методологические основания нашего подхода к ней. В контексте сказанного отметим, что идеологии не возникают в обществе произвольно, по желанию народа и власти. Их формирование детерминировано определенными условиями, причинами и основаниями. Практика доказывает, что определенной эпохе соответствуют только (или по преимуществу) ей присущие идеологии, так как перечисленные обстоятельства специфичны для каждой конкретной эпохи. Можно выделить страны, в определенные исторические моменты более предрасположенные к усвоению конкретной идеологии. Заметим, что доминирующей эту идеологию делает не только ее истинность, но и социальные условия и причины. На наш взгляд применительно к идеологии условиями формирования являются наличие в обществе определенных социальных групп, классов и стратов, имеющих свои специфические интересы. Без существования названных феноменов возникновение идеологий как социальных явлений невозможно.

Впрочем, они являются необходимой но не достаточной базой данного процесса. Для его полноценности необходимы причины, т.е. явления среды, непосредственно влияющие на объект познания. В рассматриваемом процессе причинами являются отношения в обществе между социальными группами, имеющими различные интересы. Говоря об основаниях формирования идеологий, мы имеем в виду общественные институты, организации, создаваемые социальными группами для реализации своих интересов, идеи, которые они генерируют, а также средства и инструменты для их реализации.

Всякое человеческое общество, поднявшееся по уровню развития выше первобытного, разделено на множество классов и социальных групп. Взаимоотношения между ними по поводу власти (а это основа политики) вызывают объективную пот-

ребность в идеологическом обосновании своих претензий. Социальная практика дает примеры того, как в некоторых странах возникают партии, объявляющие в своих программах борьбу за интересы классов, отсутствующих в их общественной структуре. Нечто подобное имело место в России 90-ых гг., когда периодически появлялись на политической сцене партии, объявляющие своей социальной базой «средний класс», наличие которого в условиях жесточайшего социального расслоения на кучку сверхбогатых олигархов и еле сводящих концы с концами основной массы граждан, являлось проблематичным.

Следующая принципиальная позиция, которую необходимо конкретизировать в контексте предстоящего анализа содержательных признаков идеологии — *ее отношение с наукой*. В предпринятом ретроспективном рассмотрении процесса формирования понятия идеологии, мы отмечали, что ряд исследователей данного феномена отстаивали позицию его принципиального различия с наукой. По нашему мнению этот подход не корректен. Мы не оспариваем самостоятельности такого значимого общественного явления как наука. *Ее можно определить как систему знаний о сущностях явлений конкретной предметной области, сформированных на базе определенных методологии и методики, выраженных с помощью теоретических форм: категорий, законов, принципов и содержательно — логических определений, служащих познанию и преобразованию явлений действительности* (34).

Вместе с тем, сравнительный анализ данных феноменов позволяет наряду с различиями, выделить их сходные черты. К ним отнесем следующие:

- и идеология и наука — элементы единого информационного процесса, идущего в современном обществе;
- объективная идеология отражает явления своей предметной области (коренные интересы определенной социальной группы) на уровне их сущностей, как это делает и наука. Это позволяет говорить о научной идеологии как о правомерном явлении;
- и идеология, и наука — это системы идей;
- содержание идеологии и науки ориентировано на практическую деятельность людей;
- много сходств и в их функциях. И одна и другая выполняют гносеологическую, логическую, методологическую, методическую, мировоззренческую функции;
- оба рассматриваемых явления выражаются посредством одних и тех же форм: понятий, законов, принципов, идей.

Мы еще раз акцентируем внимание на том, что речь идет о настоящей, объективной идеологии. В то же время, идеология может формироваться и обыденным сознанием и в этом случае она будет принципиально отличаться от науки. В силу своей неоднородности и инерционности обыденное сознание, в котором аккумулируются как результаты опыта, так и продукты идеологии, является сложным и противоречивым явлением. Став частью обыденного сознания, идеологические феномены придают ему дополнительный вес и аргументированность, но не сообщают ему научности, так как эклектичность и беспорядочность в его организации сохраняется.

Некоторые исследователи, подчеркивая, что идеология как социальное явление обладает таким качеством как многослойность, выделяют ее внутреннюю структуру. В частности, одну из интерпретаций подобной структуры предложил Б.Г. Капустин, выделив три уровня или среза идеологии: 1) «массовое сознание» в по-

литическом измерении; 2) операционализированная идеология, т.е. программы и риторика политиков; 3) политическая философия (35). В приведенной структуре третий уровень позиционируется как научный.

Сфера взаимодействия идеологии и науки достаточно широка. Не занимаясь ее конкретным рассмотрением, обозначим некоторые фрагменты, которые представляют наибольший интерес для нашего исследования. Есть много наук, имеющих идеологическую функцию. Каждая серьезная (не надуманная) идеология имеет научные основания. Одним из примеров такого взаимодействия может служить марксизм, воспринимаемый многими исследователями до настоящего времени как научная идеология. В качестве другого примера можно привести либерализм. Его ключевые понятия: свобода, права человека, частная собственность (или просто собственность), — впервые появились в трудах предшественников собственно либеральной идеологии (Д. Локка, Т. Гоббса, Ш. Монтескье и др.) — появились именно как элементы рациональных, систематизированных социальных учений. И, наконец, одна и та же наука может быть основой нескольких идеологий.

Поэтому возвращаясь к анализу содержательных признаков идеологии, выделим важнейшие из них: во-первых, *идеи, составляющие элементную базу идеологии, соответственно своей природе, сущности и целям обладают определенными особенностями, характерными для них, как для элементов сферы духовного производства.* Возникнув и доказав свою практическую значимость, они достаточно долго сохраняются в социальной памяти — в общественном сознании, расширяя, или сужая круг своего социального влияния; идеи эти являются необходимым элементом духовного производства — средством духовного труда, с помощью которого, формируются более сложные духовные конструкции: идеалы, традиции, идеологические системы и другие продукты духовного производства; они изначально общественны, т.е. по своей природе в большей степени ориентированы не на индивидуальное, а на общественное (групповое) потребление; эти идеи обладают большой притягательной силой, способностью активно воздействовать на личность, социальную группу и общество в целом, стимулировать деятельную активность, обеспечивать целеполагание; идеи эти как продукты духовной деятельности, относительно самостоятельны, применительно к материальной сфере жизни общества. Их самостоятельность проявляется, прежде всего, в возможности активного обратного воздействия на материальную сферу (в том числе и на своего носителя), в способности опережать или отставать от ее потребностей.

В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что мир идей может далеко оторваться от материальной действительности, но окончательно избавиться от своей материальной основы он не способен ни по субъекту, ни по целям. Кроме того, допуская такой отрыв, он изменяет свою сущность и теряет социальную значимость. Вот что по этому поводу писал в свое время А. Грамши: «Один из элементов ошибки, совершающейся при анализе значения идеологий, объясняется, по-моему, тем фактом (факт этот, впрочем, не случаен), что идеологией называют как необходимую надстройку определенного базиса, так и произвольные построения, плод научного корпения определенных индивидов... *Необходимо, следовательно, различать исторически органичные идеологии, то есть необходимые определенному базису, и идеологии произвольные, рационалистические, «придуманные»*» (36).

Известно немало примеров, когда такие «вымученные» (оторванные от реальности) построения не получали никакого признания и забывались сразу после появления. Однако, истории известны и противоположные примеры, обусловленные,

как правило, формой правления обществом. Кроме того, необходимо понимать, что *идеология как элемент общественного сознания, в отличие от научных теорий, утрачивает авторскую специфику, и ее бытие начинает определяться в основном социальными факторами*. Однако не следует и абсолютизировать прямую социальную детерминацию развития идеологии. Любое колебание идеологического климата, на наш взгляд, ошибочно объяснять непосредственными изменениями в базисе, оно, чаще всего, отражает лишь тенденции развития базиса.

Во-вторых, в представленном нами определении идеологии выделена позиция выражения *коренных интересов определенных социальных групп*. Для придания ему большего содержательного звучания, необходимо раскрытие этой позиции. В основе понятия «интерес», по мнению многих социальных философов, лежит не менее важное социальное свойство - потребность. Известный социальный философ Момджян К.Х., например, считает, что «отношение к необходимым средствам удовлетворения потребности» фиксируется понятием «интерес». (37) Через интересы человек выстраивает и встраивается в систему общественных отношений, определяя приоритеты и программу собственных действий. В понятие «интерес» часто вкладывается различное содержание: с одной стороны - объективное отношение к социальным условиям и институтам, с другой - степень осознания людьми своего интереса. На наш взгляд, разница в подходах отражает реальное противоречие интереса как диалектического единства объективной и субъективной сторон деятельности социального субъекта.

До конца прослеживая развитие указанного противоречия, мы приходим к пониманию того, как интересы и потребности преломляются в идеологическую плоскость, определяя ее ключевые положения. Вместе с тем, выводить все содержание идеологии из интересов определенной группы или класса, видимо не корректно. Помимо них туда включено много «второстепенных» элементов, которые слабо связаны с подлинной мотивацией. Кроме того, важнейшие идеи могут казаться адептам конкретной идеологии малозначительными, а чаще всего, именно они определяют ее социальную значимость и будущее.

В-третьих, *идеология — это совокупность идей, а не просто мыслей, определенных, понятий*. Идея имеет свои существенные параметры. Некоторые из них мы уже рассмотрели, абстрагируясь от степени значимости. Поэтому, в данном случае подчеркиваем, что главным параметром является то, что идея квалифицируется субъектами конкретной идеологии как мысль, достигшая с их точки зрения, высшей степени объективности в данных конкретных условиях. Кроме того, идеи, формирующие любую идеологию, не являются неизменными и мы уже подчеркивали этот факт. Они развиваются, углубляется понимание их сущности. И, наконец, изменяются параметры индикации степени объективности истинности той или иной идеи. Этот факт нужно учитывать при определении содержания идеологии. Таким образом, настоящей, претендующей на объективность идеологии вреден как догматизм, так и релятивизм. Определение диалектических взаимодействий между ними — путь к пониманию сути идей, формирующих любую идеологию.

В-четвертых, *идеология — это не просто совокупность идей, а их система*. Поясним данное суждение. Совокупность — это набор идей, пусть даже очень глубоких и продуктивных. Система же идей имеет специфические качественные признаки. К ним необходимо отнести, как минимум, следующие: а) система, прежде всего, характеризуется тем, что входящие в нее идеи логично взаимодополняют друг друга, что между ними существуют прочные смысловые связи; б) в результате данных свя-

зей и взаимодействие идей, формирующих идеологию, у нее появляется возможность более глубоко, более продуктивно реализовать свое предназначение; в) если идеология — система, то у нее неизбежно формируются свойства, которые нельзя свести только к свойствам формирующих ее идей, хотя полностью отрицать факт такой генетической преемственности тоже некорректно; г) нельзя не признать, что идеология как система имеет способность к саморегуляции. На практике это значит, что она обладает способностью эффективно реагировать на изменяющиеся условия среды, сохраняя при этом свое качество и свое целевое предназначение.

В-пятых, *идеология — это система идей, выражающая в основном, главные интересы социальных групп, или, по крайней мере, те, которые органически связаны с их подлинной мотивацией.* Чем отличается коренной интерес социальной группы от всех других, случайных интересов? Прежде всего тем, что он формируется в связи с обеспечением процесса жизнедеятельности конкретных социальных групп (этот факт мы частично уже отмечали, применительно к детерминации потребностей и интересов). Исходя из предложенных суждений, можно сделать вывод, что при оценке идеологии с точки зрения социально-классовой детерминации на первый план выдвигается, главным образом, генетический аспект, т.е. проблема происхождения. Далее, процесс его формирования требует определенного времени. В основании его формирования лежат конкретные условия, причины и основания, которые продуцируются в идеологию в течение определенного социального периода. Наконец, для реализации этих идей требуется адекватный их содержанию и возможностям социума исторический срок, работа определенных средств, ориентированных на их объективацию.

В-шестых, идеология — это не просто система идей, отражающих бытие людей. *Данная система идей обязательно должна быть ориентирована на практическую реализацию интересов конкретных социальных групп, которым она служит.*

В-седьмых, *идеология, базирующаяся на научных основах, не только продукт общественного сознания, но и его высший уровень.* Такой подход к данному социальному явлению во многом традиционен в отечественной науке. Общественное сознание не аккумулирует в себе все явления духовной жизни общества, а лишь те, которые выражают *идеальный образ общества*, целостное осознание обществом самого себя. Сказанное относительно общественного сознания в целом справедливо и для идеологии как его высшего уровня.

В-восьмых, *бытие идеологии как идеального явления невозможно без функционирования ее институциональных воплощений* — это особое диалектическое единство (например, религия и церковь, политическое учение и партия, наука и соответствующие институты). Очевидно, что *идеология существует не только как самостоятельное явление, но и в синтезе с другими социальными феноменами и процессами: философией, наукой, искусством, религией* и реализуется через их институты.

В-девятых, в развитие суждения, высказанного в предыдущем пункте, особое внимание следует уделить *сфере проявления идеологии.* В этом отношении в отечественной науке сложились два наиболее выраженных подхода. Сторонники одного (и первого) — склонны ограничивать область существования идеологии только политикой, мотивируя свою позицию очевидной зависимостью идеологии от состояния политической сферы общества, а также от целей господствующих социальных групп и государства, которые выступают ее основными заказчиками. Среди отечественных исследователей подобной точки зрения придерживаются О.Ю. Маликова, А.И. Соловьев и др. (38) Сторонники альтернативного подхода признают, что идеология

оказывает большое влияние на политику (и наоборот). Но ограничение ее существования только областью политики представляется некорректным, поскольку, как подчеркивают представители данной традиции, идеология охватывает помимо политических правовые, этические, эстетические, философские и религиозные взгляды и идеи. (39)

Таким образом, названные детали, по нашему мнению, углубляют представления о сущности и содержании идеологии, и их рассмотрение позволяет перейти к собственно проблеме взаимодействия художественной литературы и идеологии. Т.е. — к основной проблематике следующей нашей статьи по проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дестют де Трасси (Destutt de Tracy A.L.C. Elements d'ideologie. P., 1817-1818. Vol. 1-5).
2. Рачков П.А. Общественное сознание. — М., 2002. — С. 140.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2. — С. 137.
4. Шапиро И. Введение в типологию либерализма // Политические исследования, 1994. — № 3.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2. — С. 137; Там же, т. 3. — С. 25; Там же, т. 30. — С. 168.
6. Философская энциклопедия, т. 2. М., 1962. — С. 229; Советский энциклопедический словарь/ Гл. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — С.475; История философии, т. 6, ч. 1. М., 1965. — С. 302; Т. Ойзерман. Социалистическая идеология и исторический опыт народов // Вопросы философии, 1965, N 4. С. 39-49 и др.
7. Философский энциклопедический словарь/Гл. ред. П.Н.Федосеев. — М.: Гардарики, 2001. — С.371; Спиркин А. Г. Философия. М., 1998. С. 719; Шевченко В. Н. Идеология // Философский словарь. М., 2001. С. 199.
8. Weber 1922 — Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr (Siebeck). [1. Aufl. — 1920]. Вебер М. Избр. произведения. — М., 1990. — С.534- 541.
9. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 56-58.
10. Lemberg E. Ideologic und Gesellschaft. Stuttgart, 1974. S.25 - 64. (Цитируется по книге Ю.Г.Волкова: Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М.: Орехово-Зуевская типография, 2000. 138с.).
11. Ковалев А.М. Государственная идеология. Что это такое?// Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования, 1994, № 1. С. 78-85.
12. Адоратский В. Об идеологии. - Под знаменем марксизма, 1922, N 11 — 12. С. 206, 207, 209.
13. Разумовский И. Сущность идеологического воззрения // Вестник Социалистической Академии, 1923, кн. 4. С. 223, 252.
14. Румий В. Ответ одному из талмудистов. - Под знаменем марксизма, 1923, N 8-9. С. 145-160.
15. См.: напр. Баллаев А.Б. Читая Маркса: Истоико-философские очерки. — М., 2004. — С. 108-109, 123.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 21. — С. 313.
17. Там же, т. 4. — С. 445-446.
18. Там же, т. 3. — С. 24.
19. Там же, т. 20. — С. 97.
20. Там же, т. 21. — С. 308, 313.
21. Там же, т. 8. С. 190.
22. Там же, т. 4. — С. 434.
23. Иегошуа Яхот, окончил в 1943 г. философский факультет МГУ, доктор философских наук, многие годы преподавал в Московском финансовом институте. В СССР он выпустил несколько книг по диалектическому материализму и философским проблемам социальной статистики. В 1977 г. переехал в Израиль.
24. Яхот И. Подавление философии в СССР (20—30-е годы). Chalidze Publicatios. N.Y., 1981. См.: Вопросы философии, 1991. №9. С.44-68.
25. См.: В. И. Ленин о целостности пролетарской идеологии : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук : 09.00.02
26. Ленин В.И. О социалистической идеологии и культуре : Сб-к. 4-е изд. М. Прогресс, 1982. 223 с.
27. Богданов А. Из психологии общества. С. - Петербург, 1906. С. 111.
28. Там же. С. 120.

-
29. Богданов А. Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии). М., 1910. С. 3
30. Там же. С. 4-6.
31. Белл Д. Возобновление истории в новом столетии. «Конец идеологии» // Вопросы философии, 2002, с. 25.
32. Катарсис (от греч. catharsis — очищение) — сильное эмоциональное потрясение, которое вызвано не реальными событиями жизни, а их символическим отображением, например в произведении искусства, в массовой пропаганде и т.д. Термин был привнесен в психологию и психоанализ из античной трагедии.
33. Кокорин А.А. Идеология: хрестоматийные заметки. — М.: Изд-во МГОУ, 2007. — С. 19-21.
34. См.: Кокорин А.А. Идеология: хрестоматийные заметки. — М.: Изд-во МГОУ, 2007. — С. 253-258.
35. Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? // Полис. — 1997. — № 1. — С. 151-152.
36. Грамши А. Избр. произведения: В 3 т. — М., 1959. — Т. 3: Тюремные тетради. — С. 71.
37. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. — М., 1997. — С. 272.
38. Маликова О. Когда «идеи» становятся «идеологиями»? К вопросу об изучении «измов» // Философский век. Вып. 18. История идей как методология гуманитарных исследований. — Ч. 2. — СПб., 2001. — С. 11; Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. — 2001. — № 2. — С. 5.
39. Рачков П.А. Общественное сознание. — М., 2002. — С. 11.

Аннотация: Предлагаемая читателю статья посвящена исследованию диалектических связей художественной литературы и идеологии и методологическим аспектам данной проблемы.

Abstract: The article offered to readers is dedicated to investigate dialectical connections of fiction (belles-lettres) and ideology as well as methodological aspects of the present problem.

Песоцкий В.А.,
Московский государственный
областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Мы определили, что идеология проявляет себя во многих социальных явлениях и процессах. Достаточно рельефно это происходит в художественной литературе — наиболее значимом виде вербального искусства. Каждое произведение художественной литературы в политическом мире так или иначе, активно или пассивно, но обязательно реализует определенную идеологию.

Во все времена литература была в авангарде идеологических движений, их противоборств, мировоззренческой конфронтации, оказывалась трибуной для выражения общественных взглядов и настроений. И эти взгляды не всегда имели прогрессивный характер. История знает немало примеров, когда литература из орудия прогресса, из «светильника» разума, добра и красоты превращалась в источник реакции, застоя, насилия, в проповедника духовной антропофобии и настоящего геноцида (1). Будучи носителем определенных идеологий и имея возможность наиболее эффективно внедрять их в общественное сознание, художественная литература всегда была в центре внимания государства и господствующих социальных групп (классов).

С изобретением книгопечатания — по существу началом развития массовой литературы, когда она стала широко проникать в массы, идеологическая и в целом социальная значимость художественной литературы резко возросла. Если раньше она удовлетворяла духовные потребности немногочисленной элиты и, как правило, представляла ее идеологию, то с данного момента сфера потребления литературы, а следовательно и идеологическая палитра значительно расширились и, соответственно, расширились ее социальные функции. Говоря образным языком, из «лакомства» правителей и интеллектуалов литература постепенно превратилась в «духовного поводыря» народных масс. Процесс данного превращения осуществлялся под контролем и с заинтересованным участием государства. Правящие круги достаточно быстро поняли социальную значимость данного явления и включили его в арсенал действенных средств достижения своих целей. Отечественная история дает нам богатый материал для иллюстрации этого вывода.

При Иване Грозном литература, будучи носителем великодержавной идеологии, играла роль объединителя русских земель, во времена позднего средневековья она вместе с философией находилась на службе у церкви и, реализуя христианскую идеологию, активно содействовала духовному единению русского общества под эгидой православия. Далее ее назначением становится просвещение общества — и ее идеологическое содержание меняется в соответствии с этой задачей. Следует отметить, что, осознавая социальную значимость литературы и стремясь сделать ее носителем идеологии правящих классов, *государство все это время целенаправленно контролирует литературный процесс и сохраняет монополию на издательскую деятельность.* Все российские типографии рассматриваемого исторического периода были казенными.

К концу XVIII века русское общество достигло той стадии самоосознания, когда оно уже само могло и хотело мыслить без контроля и давления государственной власти. На этом этапе развития не только правительство, но и просвещенное общество осознает идеологическую и социальную роль литературы. Большой приток информации из западноевропейских стран, главным носителем которой была именно художественная литература, содержащая в себе новые идеи устройства общества, помог мыслящим людям по новому взглянуть на Россию, увидеть ее пороки и глубокие противоречия и сориентировал активную часть общества на поиск путей их разрешения. Активизируется процесс нарастания оппозиционных мнений, идей, *формирования новой, негосударственной идеологии. В условиях неразвитой политической организации общества основным инструментом данного процесса у оппозиции самодержавию выступает художественная литература.* Именно с этого времени у печатного слова в русском обществе появляется особый статус. Именно с этого времени можно начать подлинную историю социальной литературы в России.

Стремясь сохранить государственное влияние на литературный процесс в изменившихся социальных условиях, Екатерина II положила начало изданию литературно-публицистических журналов (например, «Всякая всячина» (1769)), которые, несмотря на нейтральное светское название, имели достаточно выраженное идеологическое содержание. В этом же году, в противовес официальным государственным изданиям, работающим под патронажем императрицы, открывает свой журнал «Трутень» «ревнитель русского просвещения» *Николай Иванович Новиков.*

Его *идейные взгляды расходились со взглядами господствующих социальных групп и государственной идеологией.* Данный журнал стал *первым носителем оппозиционной мысли*, вступив в полемику со «Всякой всячиной» по острым общественно-литературным и идеологическим вопросам. Именно эти журналы, по мнению И.А. Бутенко (2), уже с 40х годов XIX столетия являли собой не только и не столько издания, посвященные литературной критике и художественному слову, сколько общественные каналы выражения определенных политических взглядов. Не случайно Н.Новиков за свою деятельность был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Идеологическое противостояние в российской литературе еще более обострилось после того, как *в 1783 году был издан указ «О вольном книгопечатании», дававший официальное право на открытие частных типографий.* Формально этим указом отменялась монополия государства на издательскую деятельность. Для издания бесцензурных книг открыл свою типографию А.Н.Радищев, которого впоследствии за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Екатерина назвала «бунтовщиком хуже Пугачева» и он разделил участь Н.Новикова.

Арест и заключение Н.Новикова и А.Радищева — *первые в истории России аресты за неугодную правительству литературу, идеологическое содержание которой вступило в противоречие с государственной идеологией самодержавия.* Художественная и публицистическая литература становится полем идеологической борьбы. Ее острота и непримиримость приводит к принятию в 1804 году *первого цензурного устава.* Естественно, что борющиеся на литературном пространстве идеологии выражают интересы различных социальных слоев общества и поэтому относятся к различным типам. В рамках рассматриваемого исторического периода их объединяет направленность против правящего режима. Но это не исключает существующих между ними противоречий, обусловленных целями и средствами их достижения, приемлемыми для социальных групп, участвующих в политическом процессе. Поэтому и литература данного периода отличается идеологическим разнообразием. Часто на

страницах даже одного произведения в образной форме выступают идеи, характерные для разных типов идеологий.

Печатная литература второй половины XVIII века представлена, главным образом, тремя направлениями, имеющими соответственную идеологическую окраску. Первое из них — классицизм, наиболее ярко представленный в творчестве А. П. Сумарокова, который популяризировал в своих произведениях идеологию консервативного дворянства (его перу принадлежит множество лирических и сатирических стихотворений, 9 трагедий и 12 комедий). Он считал дворянство доминирующим сословием в государстве, а крепостное право незыблемым институтом политической жизни России. Вместе с тем он выступал против церковного суеверия и домостроевского уклада семейной жизни, был сторонником женского образования. Главное предназначение писателя он видел в просвещении дворянства.

Другим направлением в русской литературе было начинавшееся оформляться *художественно-реалистическое*. В нем самый крупный след оставил Д. И. Фонвизин — автор комедий «Бригадир» и бессмертного «Недоросля». Объективное значение комедий Фонвизина выходит за рамки бичевания недостатков воспитания, они обличают пороки крепостничества, допускавшего бесчеловечное обращение с крестьянами. Устами прогрессивного дворянина Стародума Д. Фонвизин выносит приговор крепостническому строю: «угнетать рабством себе подобных незаконно». Идеологически он близок французским просветителям и, выступая с позиций прогрессивного (просвещенного) дворянства по существу представляет в своих произведениях идеологию последнего. Язык героев комедии индивидуализирован, а художественная обобщенность её столь велика, что Митрофанушка стал нарицательным именем, а некоторые выражения комедии приобрели значения поговорок («не хочу учиться, хочу жениться», «убояся бездны премудрости» и др.).

Схожая идеологическая позиция, но в большей степени ориентированная на идеологию просвещенной монархии, представлена третьим направлением русской литературы, известным под именем *сентиментализма*. Приверженцы сентиментализма показывают чувства рядового человека, иногда ничем не выделяющегося. В психологических романах и повестях сентименталисты изображают интимную жизнь, семейный быт. Представители этого направления пропагандируют патернализм: барин проявляет отеческую заботу о крестьянах, а те отплачивают ему уважением и послушанием. Тем самым затушевываются социальные противоречия эпохи и рабское положение крепостного крестьянина. Вместе с тем, у сентименталистов крестьяне обладают теми же душевными качествами, что и дворяне. Самым крупным представителем этого направления был Н. М. Карамзин, а самым значительным его произведением сентиментализма «Бедная Лиза».

Интерес российского общества к художественной литературе, отвечающей его потребностям и идейным запросам вызывает ответную реакцию правительства (речь идет о просвещенном дворянском обществе, крепостные крестьяне в большинстве своем были неграмотны, а простые люди довольствовались лубочными и религиозными изданиями). *При Павле I большое количество иностранной литературы было запрещено к ввозу, тысячи книг — сожжены.* Эти факты подтверждают ту огромную роль, которую с конца XVIII века стала играть литература в политической жизни России.

К середине XIX века в России сложилось особое отношение к художественному литературному слову. *Интеллигенция, активно читающая и пишущая, исполняла роль, отводимую в гражданском обществе оппозиции.* В связи с длительным сущест-

вованием цензуры, отсутствием политических партий и, в целом, неразвитой политической организацией общества, *литературное творчество в России несло исключительную идеологическую нагрузку*. Оно оставалось единственной возможностью выразить взгляды, отличные от официальных. При этом *авторы нередко прибегали к эзопову языку*, что создало особую практику вдумчивого чтения, чтения между строк. Читатель стремился извлечь из текста нечто, не сказанное писателем прямо в силу цензурных ограничений, а «зашифрованное» им так, чтобы можно было понять намек, то есть существенно больше непосредственно напечатанного. Подобное чтение становится в значительно большей степени творческим актом, диалогом, в котором читатель играет весьма активную роль. Оно побуждает читателя к результативному формированию собственных идейных позиций, *вносит в общественное сознание идеологическую компоненту*.

Статус «серьезной» литературы на протяжении более чем столетия оставался в России таким высоким, прежде всего, в связи с ее обращением в художественной форме к проблемам, которые не обсуждались в художественной литературе ни одной страны мира. Это же обстоятельство придало особый статус и *литературно-художественной критике*, которая затрагивала не только проблемы самого литературного процесса, но, учитывая содержание литературы, естественно вторгалась в сферу идеологии. Этот статус сохранялся за ней вплоть до середины 90-х годов XIX века. Сложившиеся в духовной жизни общества условия явились одной из причин того, что, несмотря на политическую реакцию, XIX век стал временем расцвета художественной литературы. В нем творили А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский и многие другие выдающиеся писатели, поэты и литературные критики. В России росла численность пишущей и читающей публики.

Конечно, исключительный интерес к идеологической составляющей художественной литературы характеризовал далеко не всех российских читателей. *Массовое чтение отнюдь не сводилось к потреблению изданий, носивших на себе печать той или иной идеологии, выражавших ту или иную социальную тенденцию*. Говоря о русской культуре и о традиции вдумчивого чтения и отношения к литературе как к большой ценности (только русские люди традиционно в течение всей своей жизни собирают «домашнюю библиотеку», на Западе это не принято), очевидно, большинство исследователей, работающих в этой области, имеют в виду наиболее интеллектуально подготовленные слои общества.

В Западной Европе, на два века раньше обратившейся к капитализму, художественная литература никогда не являлась столь выраженной трибуной политических дебатов, не превращалась в арену идеологической борьбы между различными партиями, потому что существовали специальные политические институты, и власть в меньшей степени влияла на репертуар издаваемой литературы. В России же, по мнению И.А. Бутенко (3), за правительством традиционно признавалось право решать, что именно граждане могут публиковать и читать. Во многом поэтому, в условиях самодержавия, именно литература стала выражением мнений о судьбе страны, ее дальнейшем устройстве. Это привело к становлению устойчивой российской писательской традиции — объединяться вокруг того или иного издания в соответствии с разделяемыми или даже пропагандируемыми им идеями и общественно-политическими взглядами. В свою очередь, читатель, ориентируясь, на указанные идеи и взгляды, выбирает для себя отвечающего его запросам и художественному вкусу писателя, его произведения, а, следовательно, и издание, где они публикуются.

Таким образом, литературное произведение увеличивает сплоченность соци-

альной группы, в которой оно пользуется популярностью, вооружает ее интересующей информацией, идейно «подпитывает» и создает определенный психологический настрой. То есть, обобщая приведенные суждения, мы приходим к выводу о том, что *художественная литература*, пользуясь своими выразительными средствами, *активно формирует групповой субъект соответствующей идеологии*.

После Февральской революции социальная роль литературы в российском обществе радикально изменилась. Практически единственным достижением Временного правительства было введение относительной свободы печати, в связи с чем резко возросло количество изданий. Значение печатного слова как оппозиции существующему режиму и его идеологии снизило свою актуальность, так как реально появились политические свободы. Каждая партия должна была сконцентрировать внимание на своей программе, которая имманентно содержала идеологический аспект. *Литература, издаваемая в это время, носила ярко выраженный агитационный характер*. Популярность наряду с книгами, а иногда и в большей степени, приобрели газеты и листовки. Спрос на книги тоже изменился, так как изменился сам читатель. Выросло его политическое сознание, прежде всего, как осознание принадлежности к определенному классу (социальной группе). Теперь интерес к литературе получил выраженную идеологическую направленность. Книготорговец из Горловки, например, сообщал, что среди рабочих в данное время «поразительный спрос на книги, причем лубок и духовное не берут, требуют политические» (4).

После Великой октябрьской социалистической революции, одним из первых законодательных актов был *Декрет о печати* (27.10.1917), по которому *контрреволюционные органы печати подлежали закрытию*. Молодая советская республика в первые годы своей власти пыталась оградить себя от прямой идеологической агрессии. В 1919 году была проведена *централизация издательского дела* и фактически начинается активная борьба за переход писателя, художника, деятеля искусства на платформу советской власти.

Необходимо отметить, что *данные решения были негативно восприняты значительной частью русской интеллигенции*. Академик В.И.Вернадский, например, в 1939 году констатировал, что «свой народ революция не допустила реально пользоваться книгопечатаньем» (5). Исследователи развития литературного процесса советского периода корень зла государственной монополии на печатное слово видят в том, что она привела к излишней идеологизации художественной литературы, которая проявилась, главным образом, в формировании искаженного восприятия ею социальной действительности. Известный кинорежиссер А.Кончаловский (6) поставил любопытный социальный эксперимент. Жителям деревни, где снимался фильм, он задавал три вопроса, среди них «Знаете ли вы Пушкина?». Оказалось, что Пушкина знают всего 30% населения.

Сегодняшние социологи признают этот результат низким. Однако, немногим более ста лет назад, при установлении памятника Пушкину, собравшаяся толпа народа недоумевала, почему такая честь оказывается статскому советнику? Прогресс вроде бы налицо, но темпы его не соответствуют затраченным усилиям, так как многие годы Пушкина переиздавали огромными тиражами, его стихами открывались буквари и хрестоматии. Причину данного несоответствия А.Кончаловский видит в том, что вместо того чтобы рассказать и показать людям красоту пушкинской поэзии, говорилось о том, как Пушкин ненавидел самодержавие и всеми силами боролся за освобождение народа. Можно согласиться, или не согласиться с этим суждением, но очевидно, что *литература не может быть только идеологическим яв-*

лением, предметом исключительно общественного потребления, нельзя искусственно внедрять ее в массы. Именно индивидуальный осознанный характер потребления художественного произведения ведет к активному диалогу его создателя и читателя, а результатом такого прочтения книги является пробуждение творческого воображения человека.

Несмотря на негативную оценку некоторыми современными политологами данных решений, следует признать, что это был целесообразный шаг советского правительства. Учитывая враждебное окружение и наличие внутри страны серьезных сил, представляющих открыто враждебные идеологии и поддержанных зарубежными единомышленниками, необходимо было создать прочную основу для утверждения принципиально новой государственной идеологии. Чрезвычайные условия требовали чрезвычайных мер. В рамках выполнения данной задачи шла активная борьба за писателя, художника, деятеля искусства, стоявшего на идейной платформе советской власти, пусть даже имевшего свою точку зрения по тому или иному вопросу. Следует отметить, что эти меры осуществлялись на фоне борьбы с всеобщей безграмотностью, которая в конечном итоге, и сообщала им необходимый идеологический смысл (в 1920 году из тысячи человек грамотными были только 320, то есть 68% населения России было неграмотным) (7).

По признанию социологов перенасыщенность литературы идеологией привела к тому, что в 60-е годы в Советском Союзе было два вида литературы: официально издаваемая и так называемый самиздат — самостоятельно печатаемая и переплетаемая литература. (8) Утверждается, что у значительной части общества, принадлежащей к творческой интеллигенции, популярностью пользовалась именно самиздатовская литература. Вместе с тем, официальная статистика свидетельствовала, что наибольшим спросом в советском обществе пользовались сочинения Маркса и Энгельса, В.И. Ленина. Некоторые исследователи пытаются на этом примере продемонстрировать ложность названных показателей и впадают в очевидное заблуждение. Во-первых, в Советском Союзе марксизм был признан официальной научной идеологией. В связи с этим гуманитарные науки были ориентированы на изучение данного феномена и пропаганду его основных положений. Незнание марксизма в среде представителей гуманитарного знания считалось невежеством. Поэтому востребованность произведений основоположников марксизма была очень высокой. Во-вторых, в рассуждениях критиков присутствует двойной стандарт. Основной объем «самиздатовской» литературы относился к разряду художественной, а произведения классиков марксизма — к научной. Сравнивать результаты социологических исследований, не учитывая приведенный элемент выборки, на наш взгляд, не корректно.

Кроме того, применительно к 60-м годам говорить о монополии одной идеологии, в том числе и в художественной литературе, ошибочно. Общеизвестно эти годы вошли в историю нашей страны как «оттепель», проявившаяся во всех сферах духовной жизни общества. В числе первых ее ощутила именно художественная литература. *В литературных произведениях данного периода идеологическое присутствие характеризуется разнообразием.* Они отличаются гуманизмом, прогностическим оптимизмом и романтизмом. Это наиболее продуктивный период творчества известных советских писателей Д.Гранина, Ю.Бондарева, И.Ефремова, Н.Тендрякова, А.Солженицина, В.Аксенова, Л.Жуховицкого, М.Анчарова, братьев Стругацких и многих других.

Их произведения этого периода «работают» на формирование новых социаль-

ных ценностей и в значительной степени отвечают духовным потребностям общества. Они успешно конкурируют с «самиздатом», оставляя его вниманию наиболее «изысканной» части творческой интеллигенции. Именно этот период совпадает с первой волной так называемой деидеологизации, в значительной степени, коснувшейся и советской литературы. Следует отметить, что отечественная литература переживала три этапа данной социальной «болезни». О первом мы уже сказали, второй пришелся на 80-е перестроечные годы и привел к серьезной деформации духовной сферы жизни общества, которая, естественно отразилась и на содержании художественной литературы. Третий — начавшись в 90-е годы, с разной степенью интенсивности переживается до настоящего времени.

Социальный заказ на идею деидеологизации особенно ярко проявил себя накануне и в ходе распада мировой системы социализма и СССР. Нетрудно понять, что «идеологи деидеологизации» преследовали конкретную цель — отрицание коммунистической идеологии. Учитывая значение художественной литературы, как одного из основных носителей идеологии в нашей стране, о котором мы уже говорили, серьезный удар был нанесен именно в этой области. Художественная литература стала одним из главных фронтов «идеологической войны», развернутой идеологами «деидеологизации». Следует отметить, что многие исследователи (особенно в области филологической науки) характеризовали произошедшие в содержании и настрое литературы изменения как чисто позитивные, настаивая на том, что ее освобождение от идеологии значительно расширило социальное представительство и тематику художественной литературы.

Не вступая с ними в дискуссию и признавая положительную в целом динамику литературного процесса в 60-е годы, отметим, что *она была связана не с деидеологизацией — явлением, существование которого в политическом обществе представляется принципиально невозможным, а с расширением идеологического представительства в содержании художественной литературы.* Что же касается самого факта присутствия идеологии в литературе, то мы уже достаточно внимания уделили его обоснованию и в определенном смысле согласны с позицией высказанной Владимиром Бондаренко на круглом столе Литературной газеты:

«На мой взгляд, литература в России со времен “Слова о полку Игореве” в той или иной степени несла в себе идеологию, определяла идеологию всего общества. Нынешний отказ государства и общества от идеологии в литературе скорее является лишним доказательством размытости, неуверенности, беспринципности нынешнего общества и нынешнего государства. Для любителей спокойной семантики, для тех, кто боится слова «идеология», я предложу другое слово — мировоззрение» (9). С определенной условностью можно согласиться и с последним предложением В.Бондаренко. *Мировоззрение человека — это его своеобразная внутренняя идеология.* В пользу данного утверждения свидетельствуют, по нашему мнению, следующие обстоятельства: во-первых, и идеология и мировоззрение — это феномены сознания; во-вторых, они характеризуются системностью, т.е. идеи, их формирующие, находятся в системном взаимодействии друг с другом; в-третьих, идеология и мировоззрение людей имеют практическую нацеленность, определяют отношение людей к действительности и направления их деятельности.

Впрочем, учитывая сохраняющийся до сегодняшнего дня интерес к феномену деидеологизации, *рассмотрим более полно вопрос о последствиях, к которым привело излишнее и зачастую четко неосмысленное увлечение им в литературной области.*

Рассматривая литературный процесс последних двадцати лет, некоторые ис-

следователи приходят к выводу, что его основной чертой стало освобождение от идеологий (10). На чем основывается такой вывод? Анализ изменений, произошедших в обществе в указанный период, позволяет предложить ответы на данный вопрос, которые, на наш взгляд, в достаточной степени соответствуют реальной динамике социального развития.

Прежде всего, системный кризис, потрясший страну в 90-е годы, коснулся всех сторон жизни общества. Учитывая, что его причины до настоящего времени полностью не устранены, можно констатировать, что он в определенной степени, проявляет себя и сегодня. В настоящее время ни один здравомыслящий обществовед не отрицает сам факт кризиса, хотя анализ его последствий, часто имеет выраженный материальный аспект. Видимо, такой подход обусловлен теми обстоятельствами, что именно в материальной сфере общественного бытия он проявился наиболее рельефно, а динамика его развития была наиболее активной и быстрой. Не оспаривая правомерность данного подхода, тем не менее, отметим, что *наибольший урон, по нашему мнению, кризис нанес именно духовной сфере жизни общества, серьезно деформировав ее содержание и организацию.*

Отказавшись от системы идеалов, наработанных обществом в социалистический период и прочно вошедших в его традицию, новая власть не смогла предложить равноценной замены, да это было и невозможно, если учесть, что ее представители сами воспитывались на этих идеалах, а социального времени для выработки новых было явно недостаточно. Компенсационные попытки правительства и политических партий оказались либо некорректными, либо беспомощными. Да, подлинная идеология всегда объективна, ее нельзя сочинить по приказу. Когда в 1996 г. президент России Б.Н. Ельцин заявил о необходимости создания объединяющей национальной идеологии, это свидетельствовало не только об отсутствии какой — либо идеологии у правящей российской верхушки, но и об отсутствии у нее необходимых знаний в этой области. Формирование подобной идеологии в политически разобщенном обществе просто невозможно. И никакая политическая воля, даже руководствуясь жизненной необходимостью (а она очевидно присутствовала) не может добиться реализации требования, вступившего в противоречие с социальным бытием. Исходя из предложенного суждения и приведенного примера, можно констатировать, что именно мир идей оказался передовой линией «духовных сражений».

Кризис идей непосредственно связан, на наш взгляд, с кризисом самой мыслящей части общества — субъектами духовного производства, которые отчасти утратили социальную идентичность при переходе в разряд «наемных интеллектуалов». В результате, интеллигенция сегодня призывает людей голосовать не за «идеи», а за «личности». Эта же мысль развивается и широко пропагандируется властью, которой все больше нравится идеология монархизма, имеющая глубокие социальные корни в России, хотя это тщательно скрывается за семантическими шторами сегодняшних идеологических дискуссий. В пользу данного суждения свидетельствует и то, что власть, восхваляющая свою легитимность и идейную преемственность, до сегодняшнего дня так и не предложила никакой идеологической программы. А поиск общенациональной идеи, усиленно декларируемый последнее время, свелся к поиску *идеи государственной.* Данная подмена тезиса была необходима, так как общенациональную идею в политически раздробленном мире найти невозможно — такой поиск противоречит и самой научной логике.

Сложившаяся ситуация находит отражение и в современной литературе. Долгая и ожесточенная борьба различных, в том числе антагонистических идеологий,

в нашем обществе, проходящая на фоне декларированного стремления к эфемерной деидеологизации, привела к *идеологической усталости*. Она возникла на фоне шока — репутация идей, на которые с энтузиазмом откликнулось мыслящее сообщество в конце 80-х, оказалась опороченной практикой их реализации. *Идеологическое противостояние на страницах литературных изданий, граничащее с войной, переросло в войну компроматов, где предметом дискуссии стали не идеологические программы, а индивидуальные особенности и пороки конкретных личностей*. Например, идеологические по своей сути дискуссии «Огонька» с «Молодой гвардией» и «Нашим современником» постепенно переродились в межличностные разборки на собственных территориях.

Критическая литература охотно объясняет появление данного феномена эффектом деидеологизации — освобождением литературы от идеологии. На самом деле, произошло ее освобождение от доминирующей длительное время идеологии, которое привело к идеологической неразберихе, идеологической всеядности и в итоге — к кризису. Освободившись от вынужденной, как многим казалось, втянутости в идеологические противостояния литература освободилась и от значительной части своего содержания. Обращаясь к образному языку, можно сказать, что произошел широко представленный в литературе казус, перешедший в разряд поговорок — когда одна унтерофицерская вдова сама себя высекла.

С определенной степенью условности можно говорить о *возникновении своеобразного вакуума в мире идей*. Данный вакуум обусловило постепенное вытеснение из общественного сознания глобальной идеологии, какой, безусловно, являлся (и во многом является!) марксизм. Освободившееся пространство активно заполняется идеологическими феноменами агрессивного плана. Современная художественная литература в значительной степени пропагандирует агрессию, насилие, антисоциальное поведение. Героями литературных произведений становятся воры, бандиты, аморальные личности. В качестве идеалов предлагаются типажи, отягощенные всеми возможными человеческими пороками. На смену интеллектуалу — созидателю приходит моральный урод, ориентированный не на духовные ценности, а на «его величество доллар». По существу «деидеологизированная» литература, продолжая выполнять идеологическую функцию, активно содействует формированию и пропаганде идеологии терроризма. Это первое следствие данного явления в литературном процессе.

Следующий феномен, порожденный стремлением к деидеологизации в литературном процессе возникает на фоне действительного желания некоторой части писателей и издателей уйти от идеологии. Коль скоро такой уход декларирован, он должен как-то подтверждаться содержанием литературы. *Следуя этой выдуманной цели* и прозаики, и критики стали тщательно избегать политической или социальной ориентации в своем творчестве. В определенной степени такой подход можно мотивировать реакцией на действительно излишнюю идеологизированность литературы периода перестройки. Однако, следует признать, что в этот период именно усиленная идеологичность обеспечивала безусловный успех романов Василия Гроссмана, Владимира Максимова, Владимира Дудинцева, Анатолия Приставкина, Юрия Домбровского, Владимира Войновича, Феликса Светова — авторов абсолютно разных и поколенчески, и эстетически, но единых по моменту идеологического присутствия в их произведениях.

Они были социально востребованы и, «опьяненные» свободой творчества, иногда не слишком заботясь об исторической правде (уповая на то, что художес-

твенная литература может себе позволить такую вольность), вызвали к жизни социальные феномены, которые жестко срезонировали в обществе через десяток лет, явившись, в том числе, и предпосылками рассматриваемого кризиса. Поэтому разговор об ответственности писателя, ведущийся во все времена, имеет под собой серьезное объективное основание. Писатели, стремящиеся выражать интересы большей части общества и востребованные им, должны быть особенно внимательными к судьбам данного общества, чтобы по меткому выражению Леонида Бородина, не превратиться в «сборище наемников, сознательно работающих на смуту, кормящихся смутой и более прочих в ее продлении заинтересованных. Ведь, в таком случае, может лопнуть терпение подопытных» (11). *Именно поэтому, идеологический критерий, на наш взгляд, остается одним из главных в оценке литературного произведения.*

Острота идеологического противостояния, доведенная до пределов талантливый использованием художественных средств, неизбежно завершается социальной депрессией. И общество, на уровне политической власти и социальных институтов, должно быть к этому готово, если оно хочет избежать указанных последствий, чего, к сожалению, не произошло в России. Неприязнь к открытому выражению идеологических предпочтений, даже отвращение к идеологии последовательно взращивались самими либералами и демократами. Словом, с того момента как компартия перестала быть правящей, в умах либералов наступил период деидеологизации, не нашедший своего отражения в общественных отношениях.

В процессе реализации этой, во многом надуманной цели, одновременно, как у нас водится, с водой был выплеснут и ребенок. Литература утратила политический тонус, критика стеснялась быть реальной. Чуть ли не все субъекты литературного процесса, вне зависимости от особенностей своего таланта и жанрового разнообразия, стали эстетами. Утрата политической заинтересованности и вовлеченности отразилась даже на публикации мемуаров. Журналы и издательства, пытаясь избежать возможных упреков в ангажированности, встали на путь неразборчивости, всеядности и эстетства. Одновременно в недрах литературы начинают вызревать и резонировать ранее упомянутые нами феномены, формировавшиеся в период перестройки и направленные не только на соцреалистическую литературу — она уже давно была объявлена неактуальной, — а на идеологизированную *словесность в целом*. Прибавим к этому все более заметное вторжение произведений, которые ориентированы прежде всего на художественное слово, на особую эстетику, на артистизм. Даже Солженицын, наиболее идеологизированный писатель второй половины XX века, после прерванных попыток прямого идеологического высказывания постепенно ушел в смежные литературные области, занявшись составлением своей «Литературной коллекции», статьями и эссе, посвященными скорее поэтике, нежели идеологии, — эстетическим особенностям того или иного избранного им предмета. Он продолжает писать и идеологическую публицистику, но книга «Россия в обвале» уже не вызывает прежнего волнения у аудитории, и это объяснимо, предлагаемый им набор соображений и размышлений прогнозируем, и хорошо знаком. Сами же артистизм и эстетика, лишённые социальной основы, вырождаются в достаточно изученное эстетство, которое присуще «гламурной литературе» и может интеллектуально подпитывать только очень «сытую» и не взыскательную часть общества.

Кроме того, сегодняшняя литература характеризуется не только доминацией названной идеологии (и достаточно пассивно борется с нею). *Речь идет о противостоянии разных поэтик, разных литературных культур:* одна из которых, пусть даже не безупречная, своими корнями уходит в русскую традицию, сохраняя тяготение к

серьезной книге, другая — смеховая, на первый взгляд также достаточно традиционная для русского общества, но претерпевшая серьезные изменения в кризисный период, и, принявшая в свое содержание не свойственные российскому социуму идеологические феномены, о которых мы уже говорили.

Вторая же, реагируя на социальные коллизии, по мнению отдельных критиков, скорее художественно, нежели идеологично, по сути тоже представляет идеологию, но реализуемую другими жанровыми средствами. Ее ущербность, по нашему мнению, проявляется, прежде всего, в том, что *создаваемые ею противоречия и парадоксы, часто не подкрепляются социально*, а, значит, не работают на развитие. В предлагаемых обществу литературных произведениях *форма превращается в самодовлеющий фактор*, а сохранившееся в дефиците содержание либо неинтересно, в силу своей социальной абстрактности, либо хорошо известно читателю. А в то же самое время в реальной жизни продолжают работать реальные противоречия, обнаруживаются действующая НРА с бывшей учительницей, ныне террористкой, скины и «лимоновцы» с установкой на террор... Не говоря уже о реальном терроре и реальной войне в Чечне, которая тянется по времени (с перерывами и различной степенью интенсивности) вот уже более десятилетия.

Следующий шаг по пути деидеологизации делается авторами, которые, осознавая необходимость заполнения идеологической ниши в литературе, предлагают для этого не совсем адекватные средства. Например, в романах В.Пелевина («Generation П») и Н. Климонтовича («Последняя газета») *идеология в литературе, вытесняется технологией*. Они посвящены «виртуальным» технологиям (идеологическим, рекламным, политическим и др.). В *технологии* идеологическую борьбу заменяют деньги, их зарабатывание и их растрата. В ходе чтения, даже не очень взыскательный читатель начинает понимать, что это опять та же самая идеология, но другого «цвета». Специфическая цель (и функция) идеологии — формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, формирование определенного качества сознания и управление людьми путем воздействия на их реальное сознание. Именно это происходит, когда вместо российской национальной идеи препарируется извечная американская мечта (идеологичная по своей сути). Словом, из литературы, несмотря на усилия некоторых писателей, исчезла не идеология, а идеи, могущие стать элементами необходимой национальной идеологии. А ведь писатель, который не генерирует востребованные обществом идеи не только пуст, но способствует духовной манипуляции.

Можно, конечно, представить себе, что одни живут реальной жизнью, а другие сидят и читают литературные журналы. На самом же деле это совсем не так. И *складывающаяся в литературном процессе тенденция, на наш взгляд, все больше и больше уводит читателя от литературы к другим средствам культурной коммуникации*. Одним из проявлений данной тенденции становится привычка отслеживать идеологию и политику по СМИ, газетам и ТВ, а не через литературные ежемесячники, как это было раньше. В одном из номеров «Нового мира» были опубликованы литературные заметки Сергея Аверинцева «О духе времени и чувстве юмора». В этой работе, анализируя юмористический «цех» современной литературы, он, по существу, говорит и о некоторых проблемах, которые стали предметом нашего рассмотрения.

В частности, А.Аверинцев пишет: «Только из противоположности, из полярности, из напряжения возникает игра энергий». И дальше: «Нет и не может быть юмора без противоположности взаимосоотнесенных полюсов, без контраста между

консервативными ценностями — и мятежом, между правилом — и исключением, между нормой — и прагматикой, между стабильными табу унаследованной этики — и правами конкретного, единократного, действительного; и притом необходимо, чтобы эта противоположность воспринималась достаточно остро, чтобы она и вправду доводила до слез — но и до смеха, иначе — какой уж юмор?» (12).

Таким образом, предложенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что современная отечественная литература характеризуется не деидеологизацией, а реидеологизацией — процессом, в результате которого на смену глобальной, длительное время доминирующей в нашем обществе идеологии, внедряются идеологии альтернативные, в большинстве своем ангажированные западными идеологическими институтами, а также созданные внутри России (отечественные, но опять же — альтернативные), являющиеся результатом духовной деятельности партий, общественных движений, сект и пр., чей продукт обладает чаще всего малым идейным потенциалом и не имеет серьезных социальных перспектив, но от этого не менее опасный. Тем более, что хлынувший в Россию мощный, ничем не сдерживаемый поток западной идеологии с поразительной быстротой овладел большей частью средств массовой информации и художественной литературы, ставших, своего рода глашатаями западничества. Западная система ценностей, западная массовая культура, являющаяся орудием идеологии западничества, стала покорять души россиян, особенно новых поколений.

По мнению А.Зиновьева (которое, в данном случае, мы разделяем) — одного из оригинальных философов (философ, логик, социолог, публицист), в 90-е годы много работавшего, в том числе, и в публицистическом жанре, уникальность сложившейся в духовной жизни России ситуации состоит в том, что она не может сохраниться в качестве исторически значительной величины, если не сумеет создать в кратчайшие сроки идеологическую сферу, сопоставимую по интеллектуальному уровню и по организации с той, которая имела место в советские годы (13).

Анализируя далее собственно взаимодействие художественной литературы и идеологии, необходимо отметить, что идеологические феномены часто находят свое отражение в литературных произведениях по социальному заказу тех или иных идеологий. Однако это взаимодействие детерминировано различными условиями, складывающимися в обществе, которые, в конечном итоге, и определяют различие уровней связи между данными феноменами. То есть, их связь, можно структурировать, рассмотрев ее в зависимости от проблем, решаемых обществом, особенностей социальных отношений и специфики самого литературного процесса. Исходя из этого, *можно выделить следующие структурные уровни данных связей: прямая связь, опосредованная и вульгаризованная*. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, *прямая связь*. Она реализуется в экстремальных условиях, когда необходимо максимальное напряжение всех духовных сил общества для решения общесоциальной (национальной, государственной) задачи, связанной с проблемой существования самого социума, или для решения жизненно важных задач общегосударственного масштаба. Идеологическая установка, в данном случае, предопределяет поэтику. В названных условиях *идеологии формируют заказ на целые направления в литературе, создают предпосылки для возникновения новых литературных жанров*.

Истории известно достаточно примеров, подтверждающих данное суждение. В частности, возникновение во Франции философского романа и политического памфлета во многом было обусловлено формированием буржуазной идеологии, идейно подготовившей Великую французскую революцию. Во время Великой

Отечественной войны советская идеология ориентировала литературу на решение задач, связанных с защитой социалистической Родины и уничтожением фашизма. Чтобы побудить граждан страны защищать ее от врага, преодолевая даже естественную потребность человека к самосохранению, художественная литература должна была создавать в художественных образах и типажах апологетическую картину своего общества, т.е. выделять и подчеркивать его достоинства и преуменьшать или вообще замалчивать его недостатки, и критически-негативную картину общества врага, т.е. фактически замалчивать его достоинства и выделять его недостатки.

И образ врага должен был создаваться таким, чтобы к нему возникала ненависть. Вспомните военную лирику К.Симонова, П.Антакольского, Э.Асадова, А.Ахматовой, Ю.Друниной, О.Берггольц, Н.Майорова, Э.Багрицкого, Е.Кульчицкого, В.Суворова и других поэтов, создавших целое направление в отечественной поэзии (военная лирика), мастеров короткой повести и рассказа на военную тему: А.Бека, Л.Соболева, М.Шолохова, Л.Леонова, А.Фадеева и др., которые с честью выполнили возложенную на них социальную задачу и достойно ответили на вызов времени. Советское время было периодом реализации масштабных программ, великих строек, которые в сложных экономических условиях были бы невозможны без всенародной поддержки. Идеология решала данную задачу, в том числе и средствами художественного слова. Братская ГЭС, Целина, БАМ, космические проекты нашли свое отражение в лучших произведениях советских писателей и поэтов: Д.Гранина, В.Орлова, Е.Евтушенко, Р.Рождественского, А.Межирова и многих других.

Во-вторых, *опосредованная связь* художественной литературы и идеологии. Она *опосредована особенностями художественного процесса и социальными условиями его существования*. Идеология в литературе присутствует всегда, но форма и уровень ее присутствия различны. Непосредственное выполнение идеологического заказа в том или ином жанре художественной литературы не всегда целесообразно и оправдано. При отсутствии необходимых социальных условий, оно может привести к потере самой художественности: когда форма, вступает в противоречие с содержанием. Разрешение данного противоречия приводит, как правило, к изменению качества произведения и оно переходит в другой вид литературы — из разряда художественной, например, — в публицистическую, или научно — популярную. По нашему мнению, именно указанная разность подходов к вопросу идеологического содержания художественной литературы определяет тонкую грань между правомерным присутствием в ней идеологической компоненты и заидеологизированностью.

Литературные критики, по своему осмысливая и позиционируя данное явление, иногда используют в своих работах его критический потенциал. Например, в №5 журнала «Знамя» за 2000 г. подобный упрек был сделан в адрес Г.Горбовского и Ю.Козлова, которые, один — в стихах, а другой — в прозе якобы совершили данный переход, в ущерб словесности, которую они поставили в зависимость от своих идеологических убеждений и установок соответствующих политических партий. Полемика такого рода не входит в задачу нашего исследования. Тем не менее отметим, что, говоря об идеологичности литературы, мы не имеем в виду прямую подчиненность писателей тем или иным партиям, то есть прямую ангажированность писателей, или — скорее речь здесь идет об ангажированности партий по отношению к литературе и культуре. Именно партии, определяя свою идеологию, определяют и тот сектор культуры, который им наиболее близок, ориентируясь на конкретных авторов, писателей, поэтов и т.д.

Связь художественной литературы и идеологии опосредована, на наш взгляд, еще одним обстоятельством. У литературы есть то преимущество, что ее творения остаются в книгах и потом изучаются обществом. Если бы не изучались (иногда и принудительно, если говорить о школьных и вузовских программах), многие из них погибли бы. Их востребованность часто обусловлена другими социальными явлениями, включая идеологию. Она тоже остается в книгах, великих аккумуляторах социальной памяти, но для специалистов, круг которых ограничен. Однако в содержании художественной литературы мы обязательно найдем феномены идеологии, которые определяли содержание той или иной эпохи. В этом смысле, *с определенной долей условности, можно сказать, что сама литература есть продукт идеологии*, то есть ее творение. Даже если она создается ей вопреки. Невозможно представить А.Радищева, А.Герцена, Н.Чернышевского вне русской имперской идеологии, а А.Солженицына или В.Войновича - вне советской.

В-третьих, существует еще один уровень связи художественной литературы и идеологии. С некоторой степенью условности мы его определяем как *вульгаризованный*. В большей степени он относится к так называемой «массовой» (коммерческой) литературе и часто обусловлен, на наш взгляд, необоснованными попытками намеренного «вывода» из литературного произведения феноменов идеологии (идеологических ситуаций). Такой подход, часто употребляемый в подобной литературе, представляется неоправданным. Рассмотрим примеры художественных произведений наиболее удачливых в коммерческом отношении, а, следовательно, — популярных у массового читателя писателей.

У Бориса Акунина, например, привлекательность образа Эраста Фандорина, не в последнюю очередь, объясняется тем, что он — человек, верный своему долгу, убежденный противник любых революционных потрясений, верящий исключительно в эволюцию, не приемлющий подлости и интриг власти, но ясно понимающий, что радикальное противостояние власти тоже порождает чудовищ (как и сон разума). В этом, с известной долей допущения, можно увидеть элементы идеологии художественного творчества Ф.Достоевского.

Идеологичны и книги Д.Донцовой, которые некоторые критики лишь с большой долей условности относят к разряду художественных в силу терпимого присутствия в них асоциальных элементов (например, А.Кабаков — лауреат популярных литературных премий «Русский Буккер», «Большая книга»). В ее произведениях (да и не только в ее) нормальными явлениями считаются пошлость, тупость, бездарные шутки. Подобный подход характерен и для нашего литературно — юмористического «цеха», который пошлость (ненормативную лексику) превратил в один из вербальных инструментов создания «художественных» образов, предлагая не смеяться над «быдлом», как это было раньше, а превратиться в «быдло», поскольку это нормально и весело.

Попытка литературы под лозунгом деидеологизации уйти от актуальных проблем политической жизни общества, лишает ее социальной основы, того, без чего она теряет свое главное качество. Когда из литературных произведений извлекается один из основных содержательно-сущностных элементов, главным в них становится «телесность», ориентированная на исполнение физиологических желаний. Следует отметить, что это тоже феномен идеологии, но какой? Может ли она вывести общество из духовного кризиса? — Вряд ли. Идеология, как правило, учит людей тому, что они могут и должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях. Можно сказать, что идеология дает людям

априорную систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде.

Таким образом, диалектика взаимодействия (связи) художественной литературы и идеологии проявляется также и в том, что идеология без литературы не нашла бы достаточно широкой аудитории апологетов, а литература без идеологии — потеряла большую часть своей социальной востребованности. Это так. Но в дополнение и развитие данного вывода необходимо отметить еще ряд признаков, характерных для взаимодействия литературы и идеологии в общественной жизни, но пока не нашедших акцентированного отражения в нашем исследовании. О чем речь?

В последние годы в художественной литературе резче обозначилась *тенденция к социально-философскому осмыслению судьбы России* на переломе XX-XXI веков, в ее настоящем, прошлом и будущем. Об этом, в частности, — дискуссионные романы «Из России, с любовью» (2006) Анатолия Салуцкого (назван лучшей книгой 2006 года в номинации «Проза») (14), «Бег волчицы во мгле» (2005) Юрия Голубицкого (15), где перелом в жизни и мировоззрении героев происходит в момент резкого идеологического противостояния власти и народа в октябре 1993-го.

Бытовавшая продолжительное время растерянность нашей литературы перед этим роковым событием, состояние невнятности и замалчивания проходят. *Наступает время четкости и полноты проявленного в художественном сознании социально - исторического факта.* Она отразилась, в частности, в произнесенном автором (устах героя, участника кровавых событий) вердикте, констатирующем начавшееся в 90-х годах социально-политическое расслоение общества: «Господи, самое страшное — это гражданская бойня, где перемешиваются кровца и кривца, казни и козни, где все дьявольски меняются местами, где братья — по разные стороны баррикад, а хозяева и холопы вместе». В романах этих, на наш взгляд, *сделана достаточно удачная попытка вскрыть с применением художественных средств механизмы разрушения государства и политической системы, идеологии и экономики, военного комплекса.* Показать, как в 1980-х-90-х годах, активистам перемен в наукообразной форме внушали мысль о необходимости, прежде всего, раскачать, расколоть общество, доказывая, что это неизбежные издержки для пробуждения гражданской активности. К числу таких издержек отнесены и массовые жертвы, которые сегодня ещё многими не принято связывать с рассматриваемыми событиями.

С другой стороны — в указанных романах *проявились упорные поиски литераторами своего героя как носителя определенной идеи.* Так, в них наблюдается попытка отобразить, в позитивном плане, те социопсихологические типы, которые нередко фигурировали в нынешней литературе с нарицательными ярлыками («замороженный» перестройкой представитель низовой научно-технической интеллигенции Вульф и бывший цэкашник Аршинин, не пожелавший участвовать в перестроечном развале страны — у А.Салуцкого, плейбойствующий кинематографист с загадочным именем Калистрат в романе Голубицкого и др.). По мнению обозревателя «Российской газеты П.Басинского, это первый серьезный роман о перестройке: «О том, что мы пережили за это время. Вне зависимости от выводов автора, которые он хотя и спрятал за мысли персонажей, но которые, тем не менее, вполне прозрачно просматриваются, этот роман стоит прочитать для того, чтобы просто вспомнить «как это было» (16).

Безусловно, это не единственные, но одни из первых, произведения художественной литературы, несущие в своем содержании перечисленные признаки. Мы уделяем специальное внимание им не только потому, что они стали явлением

в современном литературном процессе и вызвали небывалую активность «серьезной критики» (Лев Аннинский, Павел Басинский (дважды), Владимир Бондаренко, Алла Большакова и Алла Латынина охотно и много пишут о мегаромане Анатолия Салуцкого «Из России, с любовью»; роман широко обсуждался в РИА «Новости» на «круглом столе» – редкий случай), но, прежде всего потому, что они наглядно и убедительно доказывают: во-первых, чем более предметно в произведении художественной литературы реализованы идеи конкретных идеологических систем, тем продуктивнее они влияют на жизнь общества; во-вторых, чем более «идеологичны» художественные образы, представленные в литературном произведении, тем большее влияние они оказывают на бытие людей.

Таким образом, анализ особенностей, характеризующих взаимодействие художественной литературы и идеологии позволяет выявить в содержании названных феноменов по разным основаниям много различий и сходств. *В качестве данных оснований выступают: объект; субъект; генезис, способ и глубина отражения реальности; средства отражения реальности; условия (среда), в которых работают идеология и художественная литература; функции; глубина воздействия на общественную жизнь.* Сравним анализируемые явления по предложенным основаниям.

Во-первых, объектом воздействия анализируемых феноменов является, прежде всего, общество. Это детерминирует их сходство. Вместе с тем, интересы литературы распространяются не только на совокупность отношений, существующих в социуме, но и на все виды бытия, включая существование природы. Объектом художественной литературы так же является духовный мир человека, его внутренние переживания, чувства, отношения со средой. *Художественная литература решает эти проблемы в контексте, прежде всего, индивидуальных интересов личности. В то время как объект идеологии, это прежде всего и главным образом, коренные (главные) интересы классов (страт, социальных групп).*

Во-вторых, идеология и художественная литература относятся к феноменам духовной сферы жизни общества. Они являются продуктами духовного производства, активно взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. В этом заключается их единство. Вместе с тем, у них разные субъекты. *Субъектом художественной литературы является личность. Она, главным образом ориентирована на личностное восприятие, отражение тех или иных интересов, чувств, переживаний конкретного человека. Субъектом идеологии является социальная группа. Вместе с тем, личность и социальная группа взаимосвязаны. Духовность личности — элемент духовности социальной группы, а социальная группа своей духовностью воздействует на духовность личности.*

Художественная литература способствует формированию субъекта идеологии, так как в своем содержании имеет феномены идеологии (идеологий) либо в виде отдельных явлений, либо в виде относительно целостной совокупности идей, носителями которых являются художественные образы. А каждый читатель, являясь представителем конкретной социальной группы и воспринимает названные феномены на уровне осознания своей принадлежности к данной социальной группе. Он превращает их в элементы своего сознания и, таким образом, опосредует свое «включение» в субъект идеологии, а тем самым обуславливает обратное воздействие идеологии на субъект художественной литературы.

В-третьих, и литература, и идеология – едины, и, в то же время, различаются по своему генезису. Они возникают как реакция на насущные потребности общества, отражают основные тенденции его развития и, на базе своих средств, воспроизводят

эти процессы. В этом их единство. Их различие проявляется в том, что основные генетические детерминанты идеологии связаны с существованием политических сообществ, а для художественной литературы — с самим существованием социума.

В-четвертых, и художественная литература, и идеология отражают реальность в виде образов. Однако данные образы, имея в своем содержании сходные элементы, вместе с тем, существенно отличаются друг от друга. *Художественная литература формирует свои образы*, существенной стороной которых является эстетическое отражение действительности. Их нравственная компонента передается, главным образом, через поведение и индивидуальные переживания человека — художественный типаж. *В образах, создаваемых идеологией доминирует социальное содержание*, интересы и нравственное состояние определенных социальных групп. Поэтому идеология ближе к политике, а художественная литература — к эстетике. Однако, феномены политики в ней тоже присутствуют. Это определяется замыслом произведения, целями и задачами его создания и *существенно обогащает содержание литературы*, придает ей дополнительное социальное значение. Эстетическая составляющая не отрицается идеологией, хотя используется ею, в большей степени, в пропагандистских целях и в этом отношении, *литература выполняет функцию художественного средства решения идеологических задач*.

В-пятых, оба исследуемых явления едины и в то же время *различаются по глубине отражения явлений социальной действительности*. И идеология, и художественная литература стремятся более полно и всесторонне отобразить социальную реальность — в этом их единство. Однако, они различаются по глубине отражения. Это обусловлено, прежде всего, особенностями идеологии и литературного процесса, а также средствами, которые используют данные феномены для достижения указанной цели. *И для литературы, и для идеологии разрыв с социальной действительностью ведет к потере общественной основы*, а, следовательно, к снижению их социальной роли.

Научная идеология, используя, главным образом, инструментарий науки и философскую методологию способна отражать социальные процессы на сущностном уровне, раскрывая их природу и характерные особенности. *Художественная литература*, в большей степени, решает данную проблему на уровне явлений, художественных образов, хотя не исключает при этом и философскую методологию. *Вместе с тем, художественная литература обладает большей свободой в этом процессе*. Выполняя прогностическую функцию, она в некоторых своих жанрах осознанно абстрагируется от действительности, не теряя при этом художественной ценности и социальной значимости (фэнтези, научная и социальная фантастика). Однако, полностью оторваться от нее она не может ни генетически, ни телеологически, так как и все упомянутые жанры рождены социальной потребностью и ориентированы на реализацию определенных общественных целей.

В-шестых, *и художественная литература, и идеология способны влиять на условия своего существования, то есть на среду*. Но степень данного влияния и механизмы его реализации — различны и обусловлены функциональными возможностями анализируемых явлений. *Идеология*, отражая в своем содержании главные тенденции развития общественных отношений и определяя цели социальных действий людей, способна существенно влиять на среду. Она, при определенных условиях, имеет возможность через деятельность людей, вооруженных ее идеями, даже воздействовать на изменение способов производства. *Художественная литература* не обладает такой способностью, но она может активно содействовать продвижению

данных идей в сознание общества и создавать условия для реализации идеологических целей. Вместе с тем, художественная литература несет в себе и идеологическое содержание, но оно не является ее сущностной чертой (квинтэссенцией). При этом, следует подчеркнуть, что «наидеологической» художественной литературы в политическом обществе быть не может, речь идет только о степени ее идеологичности, о не превышении меры, чтобы литературное произведение не превратилось в собственно идеологическую конструкцию.

В-седьмых, художественная литература и идеология выполняют в обществе определенные функции, которые во многом схожи — *в этом их единство*. Однако, эти функции различным образом проявляют себя в социальном процессе. *Они отличаются разной направленностью, различной общественной значимостью и различной степенью взаимного воздействия*. Конкретизация данного положения, предполагает анализ функций посредством которых взаимодействуют идеология и художественная литература. В этом контексте выделим и рассмотрим шесть функций: информационную, мобилизационную, методологическую, мировоззренческую, телеологическую и аксеологическую.

Идеология с необходимостью генерирует *информацию* о социальных процессах, их остроте и интенсивности. Это находит отражение в художественной литературе. Таким образом, *идеология* во многом определяет содержание художественной литературы. Вместе с тем, *художественная литература*, выполняя аккумулятивную и коммуникативную роли (функции), расширяет социальную сферу и историческую перспективу распространения идеологии. Художественная литература с помощью своих средств может делать ее привлекательной или не привлекательной, востребованной или не востребованной.

Идеология формирует социальный заказ (*мобилизует субъекты духовного производства*) на создание тех, или иных произведений, а иногда, жанров и направлений художественной литературы, а также определяет их *цели* (телеологическая функция). Партии, формируя свои идеологии, определяют тот сектор культуры, художественной литературы, который может быть наиболее продуктивно использован для их распространения и популяризации. Однако, художественная литература обладает относительной идеологической самостоятельностью.

С одной стороны — это находит выражение в том, что в одном литературном произведении могут присутствовать идеи, относящиеся к разным идеологиям. Как известно, общество наиболее восприимчиво к тем идеям, для понимания и осознания которых оно в большей степени подготовлено. В связи с этим, выполнение любого идеологического заказа художественными средствами может дать противоположный ожидаемому результат. С другой — художественная литература не единственный носитель и распространитель идеологии в общественном сознании. Она «работает» в единстве с другими феноменами духовной сферы. И все они способны оказывать воздействие на духовный мир социума. Поэтому, социальный заказ, чаще всего, ориентирован на их комплексное применение. В этом случае он должен быть правильно регламентирован и, избегая идеологической перегруженности, сохранять относительную свободу творчества субъектов духовного производства, которая не только не вредит конечному результату, а наоборот, делает его более убедительным.

Научная *идеология* при анализе общественных отношений, потребностей и целей определенных социальных групп пользуется философской (научной) методологией. *Художественная литература*, включая фрагменты данных знаний в свое

содержание, в той или иной степени становится преемницей указанной *методологии*. При этом, качество и широта преемственности определяется, прежде всего, объективностью отражения социальных феноменов.

И у художественной литературы, и у идеологии есть *мировоззренческая* функция. Оказывая влияние на содержание мировоззрения людей, *идеология* формирует определенное их отношение ко всем социальным процессам, включая художественную литературу. Кроме того, научная идеология участвует в формировании теоретического ядра мировоззрения (миропонимание), вооружает его системой идей, детерминирующих социальную идентификацию личности, а также предлагает ей соответствующую систему социальных *ценностей* (мировосприятие). Названные компоненты находят отражение в содержании художественной литературы, которая за счет них повышает свою социальную значимость и мировоззренческую глубину. Вместе с тем, *художественная литература* по отношению к идеологии тоже выполняет мировоззренческую и пропагандистскую функции, используя свой эстетический и нравственный потенциалы.

Наконец, подчеркнем специально: по отношению к художественной литературе *идеология* выполняет *аксеологическую, оценочную* функцию, как и наоборот. Учитывая то, что феномены идеологии составляют существенную часть содержания литературных произведений правомерно, по нашему мнению, утверждать наличие идеологического критерия их оценки. Что же касается *художественной литературы*, то она, как правило, дает нравственно — эстетическую оценку существующих идеологий.

Таким образом, взаимодействия художественной литературы и идеологии многоплановы, но вполне конкретны. Как феномены духовной жизни общества, они взаимно дополняют друг друга. Учитывая их подвижность, обусловленную социальным развитием, следует подчеркнуть, что интенсивность и глубина взаимодействия названных явлений носит исторический характер и изменяется вместе с обществом. Неизменным остается одно — пока они существуют, их взаимодействие будет продолжаться и развиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Словьев А.И. Плюрализм современной книжной культуры: пути удовлетворения потребностей в книге // Книга. Исследования и материалы. Сборник 60. — М.: Книжная палата, 1990.
2. Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX века: социологические аспекты. М.: Наука, 1997. С. 15; 3. Там же. С.10.
4. Книжное дело, 1909. № 46. С.53
5. Вернадский В.И. Дневник 1939 // Дружба народов № 11. С. 29.
6. Андрей Кончаловский играет в русскую рулетку // Известия, 19.11.1994.
7. Динерштейн Е.А. Книга в советском обществе // Книга. Исследования и материалы. Сборник 74. С. 166.
8. Эскарпи Р. Революция в мире книг. М.: Книга, 1972. С.20-30.
9. См.: Литературная газета N 46, 10 ноября 2004.
10. См.: Знамя, № 5, 2000 .
11. См.: Москва, № 1, 2000.
12. См.: Новый мир, №1, 200.
13. См.: Зиновьев А. Русская трагедия (гибель утопии). М.: Алгоритм, 2002. — С. 268-273.
14. Салуцкий А. Из России с любовью: Роман. — М.: Тера — Книжный клуб, 2006, 688с.
15. Голубицкий Юрий., Бег волчицы во тьме: Литературный триптих. Книги первая и вторая. — М.: Вече, 2005. — 800 с.
16. Российская газета - Центральный выпуск №4179, 25 сентября 2006 г.

Аннотация: Предлагаемая читателю статья посвящена рассмотрению проблемы природы и сущности идеологии, идей, идеалов и принципов в контексте анализа взаимодействия художественной литературы и идеологии.

Abstract: The article offered to readers examines the problems of Nature and the main point of ideology, ideas, ideals and principles, giving analysis in a context of reciprocity of fiction (belles-lettres) and ideology.

Пугачева Л.Г.,
Российская академия
государственной службы (РАГС) г. Москва,
докторант кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛА: ОСОЗНАНИЕ ТЕЛЕСНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ ИНДИВИДА

Мы еще не вполне находимся там, где мы, собственно, уже есть.
Так где же мы? В какой констелляции бытия и человека?
М. Хайдеггер [4, с.13]

В основании вопрошания разума о бытии (экзистенциализм, философская антропология, кибернетическая эпистемология) лежит вопрос о человеке как духовном и телесном единстве, имплицитно структурирующий исследование любых возможных схем опыта. В постнеклассическом познании объективность классического знания утрачивает свою безусловность: цели, ценности, влияние позиции наблюдателя на результаты исследования, методологический инструментарий, личностный компонент знания — все эти факторы определяют научную (и повседневную) «картину мира», представляющую собой становление в режиме живого intersubjectивного диалога.

Вклад философии в этот диалог состоит в переосмыслении предельных оснований его осуществления. В XX и XXI вв. в фокус философского анализа условий диалога попадают проблемы «тела» и «телесности», реализующиеся в форме идей «феноменологического тела» М.Мерло-Понти, «организма плюс среда обитания» Гр.Бейтсона, «социального тела» Ж.Делеза и Ф.Гваттари, «текстуального тела» Р.Барта, «тела без органов» А.Арто, «трансгрессивного тела» Ж.Батая, «познающего организма» К.Кастанеды.

На пересечении установок философской антропологии — *что есть человек*, кибернетической эпистемологии — *какова должна быть структура знания, чтобы человек мог стать самим собой в полной мере*, а также радикального конструктивизма — *жизнь и познание тождественны, аутопоэтические системы* это когнитивные системы — формируется вариант вопроса о предельных условиях существования человека как индивида, имеющего конечную во времени и пространстве телесную организацию и обладающего потенциально бесконечным в своем проявлении понятийным интеллектом.

С этой точки зрения, человек — эмпирический субъект, реальный индивид — представляет собой наделенное жизнью единство: уникальное, всегда «мое» тело плюс универсальная «всеобщая» речь [3, с. 55-60]. С одной стороны, условием его существования выступает Космос, объективная создающая материальная природа — *natura naturans* Б.Спинозы, творящая отдельные индивидуальные вещи, а с другой — сам Космос получает существование, о котором возможно говорить и мыслить только в человеческом коммуникативном опыте.

Объективный бесконечный Космос и субъективное ограниченное человеческое восприятие держат друг друга в гигантской петле обратной связи. Безымянное грандиозное *нечто* за пределами речи дает человеку что-то, что опознается им как первичное и вполне внутренне определенное осознание своей собственной жизни,

на базе которого он уже получает возможность обращаться к этому *нечто* с речью. Он именует его, порождая структурированное восприятие живого тела, Космоса и всего остального, что возникает в процессе их взаимодействия, предпринимаемого для поддержания жизни индивида и социума. Космос приобретает структуру только по мере именования — вне науки бессмысленно говорить о структуре вещества, вне религии — о Боге, вне повседневного опыта восприятия о том, что «солнце греет» и «трава растет».

Но первичная Плерома (бесконечный Космос) и вторичная Креатура (воспринимаемая естественной установкой сознания в качестве объективной реальность) связаны иначе, чем «совокупность явлений и процессов» и ее различные «описания». В данной эпистемологии *«описание» и есть «творение» реальности: деятельность человека, связанная с именованием, создает в плероматической неопределенности интерсубъективные структуры, поддерживаемые пониманием и практикой множества людей*, которые работают вполне объективно. Однако эти интерсубъективные структуры не могут быть какими угодно, они должны выполнять условия первично выбранной базовой до-предикативной позиции человека: индивидуальной жизни. Описания должны быть таковы, чтобы порождаемые ими состояния и действия обеспечивали массе человеческих существ индивидуальную (в основе своей, телесную) жизнь. Таким образом *жизнь человека как жизнь тела является абсолютной формальной границей (при содержательной бесконечности) познания*. Следовательно, *тело является тем пределом, осознание которого является объективной задачей познания на пути понимания разумом своей возможной эволюции*. И здесь с неизбежностью встает вопрос о характере этого познания и знания, о типе знания о теле, которое будет соответствовать цели осознания.

Такое знание, *знание о теле как личностное аутопоэтическое знание человека*, это особый тип знания — осознание тела как формальной границы использования разума (познания), и к нему предъявляются специфические требования. Это знание должно быть исключительно индивидуальным, поскольку предназначено для поддержания жизни конкретного организма и допредикативным, поскольку еще не говорящие дети используют его с момента рождения также хорошо, как и взрослые. Оно принципиально не коммуникативно — другой организм не сможет им воспользоваться, потому что процесс осознания мира и себя самого уникален, как и жизнь каждого тела: та разница, что делает это тело «моим» как раз обеспечивает невозможность и бессмысленность его трансляции. Цель, которой служит данный тип знания — обеспечение телу (как исключительно «моему» телу) понимания того, как ему осуществлять аутопоэзис — самосозидание своих жизненно важных параметров.

На практике каждый человек уже осуществляет это индивидуальное до-предикативное знание почти автоматически, прибегая к его осознанию лишь в той мере, в какой это необходимо для выживания организма в критических ситуациях. В актуальности аутопоэзиса каждый индивид осознает пределы своих физических (и ментальных) возможностей и старается их не преступать, если это угрожает жизни тела. Но это знание почти никогда не бывает полностью осознанным прежде всего потому, что современный человек не ставил до сих пор перед собой такой задачи.

Однако если считать пределом эволюции разума его полное осознание (что не кладет предел развитию содержания познания), то такая задача вполне логична: человек хочет понять, что такое есть его разум и поэтому должен в каком-то смысловом поле очертить его границы. Для человека как индивидуального существа таким

естественным полем является его жизнь. Очевидно, если мы рассматриваем разум как телесно укорененное явление, разум в аспекте индивидуации, границы разума совпадут с границами осознания тела как условий осуществления жизни индивида.

Идея индивидуального характера жизни развита в XX в. радикальным конструктивизмом: «Единицей (квантом) жизни является живущая (выживающая) индивидуальная особь, а не эволюционирующий вид: «... без индивидуумов не может быть и речи о какой-либо феноменологии жизни. ...Пора перестать использовать биологическую науку для оправдания пренебрежения индивидуумами во имя вида, общества или человечества на том основании, что единственное их предназначение состоит в поддержании существования последних. Индивидуумами, с позиции биологии, недопустимо пренебрегать ни в каком смысле» (У. Матурана).... Общество для индивидуумов, а не индивидуумы для общества» [5, с.203-204]. Индивид как «квант жизни» является и квантом практического знания о том, как жить. Логично предположить поэтому, что жизнь изначально связана с осознанием, имеющим телесный характер.

Основной аргумент онтологической связи «жизни» и «осознания» заключается в том, что жизнь — сложно организованное явление, для созидания которого необходимы целенаправленные усилия живого существа: жизнь это то, что составляет процессуальную цель каждого живого индивида и не может быть результатом «случайного» стечения обстоятельств. Кроме того, осознание жизни телесно, так как целенаправленная забота о поддержании жизни начинается задолго до того, как у человека появляется способность говорить. С момента физического отделения ребенка от матери, ребенок начинает телесно стремиться к выживанию: тело ребенка совершает «выбор без выбора», оно недвусмысленно стремится жить.

Принято даже говорить, используя для «биологического объяснения» метафору из механики, что это *инстинктивный автоматический процесс*. Но, в действительности в полной мере автоматические процессы имеют внешнюю обусловленность — в этом проявляется невозможность выбора иного пути развития событий (суть автоматизма), их механический детерминизм. Например, стрела, подвергшаяся воздействию упругой силы тетивы, может лететь только в заданном направлении. «Инстинкты» же, если мы договариваемся использовать это понятие, скорее образно могут быть соотнесены с механическими «автоматами».

У живого существа нет никакой внешней обусловленности «жить», это его внутреннее несгибаемое намерение, от которого он, теоретически, может отказаться. Этого не происходит, потому, что жизненный потенциал, которым обладает его организм, сам по себе уже есть внешнее выражение выбора разума, который индивидуализирован в этом теле. Под *потенциалом* понимается не что-то мистическое, а биологические показатели организма: в их обеспечивающих жизнь значениях выражает свой выбор индивидуализированный разум на уровне тела.

Очевидно, что никакие знаково-цифровые дискурсивные схемы не могут помочь конкретному человеку в этом практическом вопросе. Что касается знаково-цифрового познания, поддерживающего воспроизводство жизни рода, то с помощью него коллективный разум социума строит в первичной Плероме интерсубъективную реальность, нащупывая опытным путем разрешаемые ею конфигурации и закрепляя их в виде дискурсивных знаний-описаний, коммуникативных социальных технологий «правильного» (соответствующего цели «воспроизводства») обращения с природой, обществом, другими индивидами. Массовое одновременное использование этих технологий восприятия мира делает реальность относительно

неизменной и «осязаемой», и в этом смысле объективной.

Однако эта «объективность», описанная в языке, не может помочь человеку осуществлять как *гармоничное целое* свою физиологию (дышать, спать и т.д.), а также в качестве ментально-физического *целого* принимать решения: от ситуативных — какой дорогой пойти на работу, до контекстуальных — совершения экзистенциального выбора. И, хотя она обеспечивает для этого все необходимые условия, сам процесс «действия» принадлежит исключительно индивиду. Это знание-действие, непосредственно включенное в актуальность аутопоэзиса, сращено с конкретным индивидом *телесно*, то есть *присутствует во всех познавательных процессах индивида*.

Именно его как *личностное знание* описывает в своей концепции М.Полани. «В дополнение к явному, выраженному в словах и имперсональному знанию человек в любых познавательных процедурах оперирует знанием неявным, имплицитным. Иными словами, «существуют вещи, о которых мы знаем, но не можем сказать... Я могу сказать, что умею водить велосипед, плавать, но это не значит, что я могу сказать, как сохранять равновесие... знаю, как осуществлять эти операции в целом и по элементарным актам, их составляющим, но не могу выразить свое знание в словах»» [2, с.138].

Н.М. Смирнова комментирует М.Полани: либо человек стремится использовать в процессе совершения действия хорошо известные ему, дискурсивно-выраженные, логико-вербальные принципы и тогда рискует упасть с велосипеда, либо использует это «целостное» знание напрямую, не обращаясь к языку. «Неявное знание в принципе не допускает полной экстерееоризации и может простирается за пределы сознания» [2, с.139], — простая констатация этого факта существования невыраженного в слове знания заставляет искать, в какой же форме это знание все-таки явлено пониманию человека. Ведь вне осознанного внимания человека знания не существует: человек должен знать хотя бы то, что он нечто умеет, при этом он, конечно, может не знать, как он это умеет, умеет делать.

Такое неотделимое от жизни «знание» не может не иметь выражения — и оно должно иметь совершенно понятную форму, четкую определенность для осознанного восприятия человека, поскольку это знание сращено с аутопоэзисом, оно постоянно используется индивидом, так сказать, *во внутреннем режиме*, вне вербально-логического интересубъективного мышления. Поскольку это внутреннее аутопоэтическое знание не может быть применено на практике никем, кроме «меня», до сих пор оно не было представлено в публичном, интересубъективном познании. Причина, по которой это знание становится предметом дискурсивного научного публичного мышления, заключается в достижении коллективным разумом определенной эволюционной ступени: понимания связи качества становящейся в интересубъективном взаимодействии реальности, личных задач конкретных индивидов, намеривающих становление этой реальности непосредственно в процессе познания и абстрактной цели поддержания жизни индивида и рода.

Складывающееся в современной эпистемологии общее понимание связи целей, результатов познания и роли в этом аутопоэтических задач конкретных индивидов требует переосмысления того, что необходимо называть «разумом» и «знанием». В частности, требует *включения в сферу разума его телесного аспекта, а в сферу знания — знания, проявляющегося только в режиме актуального бытия, личностного аутопоэтического знания* как уровня развития того, что можно назвать по контрасту с вербально-логическим осознанием — *осознанием тела*.

Следом встает вопрос о форме этого телесного аспекта разума и телесного аспекта знания, в которой они могут быть явлены intersубъективному дискурсивному разуму социума, в частности, науке. Эта форма по определению не может быть знаково-цифровой. Следовательно, дискурсивный разум должен так *указать* на *телесное знание*, чтобы индивид в собственном опыте смог обнаружить его в качестве основы своего аутопоэзиса и, при желании, смог бы привести аутопоэзис «в порядок» — развить осознание тела до возможного предела.

В поисках понимания формы осуществления *аутопоэзического знания* мы пришли к его связи с *осознанием тела* человека: ведь кроме речи, все, что есть у человека — его *тело*. Конкретизация этой связи позволит осознать форму, *технические характеристики* личностного аутопоэзического знания, следовательно, создаст условия его осознаваемого целенаправленного развития и сделает его инструментом разума человека. Но это не только эпистемологический (технический), но и идеологический вопрос: ведь современный социум не рассматривает разум лишь как индивидуальное явление. Это становится понятно в контексте приоритетной цели социума — воспроизводства себя самого (конкретного сообщества, политической системы), что и отражается в структуре знания. Конкретный индивид в этой ситуации не имеет самостоятельного значения, поэтому разум индивида в его телесном аспекте также не является предметом познания и *тело, телесность* как понятия вообще «выводятся» за рамки сферы разумного. Процессы тела считаются «животными», «бессознательными» только на основании того, что на них нельзя подействовать с помощью директивных словесных приказов.

В современной западной культуре такой подход приводит к кризисам, вызванным противоречием понятийного и телесного аспектов разума индивида. Невнимание к *состояниям тела, которые задают изначальный уровень смысла, управляющий аутопоэзисом организма*, разрушает цивилизованного человека, живущего только понятийным интеллектом — коммуникативным разумом социума. *Состояние тела человека на самом абстрактном уровне выражает идею индивидуации разума, что реализуется на практике как процесс аутопоэзиса — жизни индивида*. Другими словами, разум в аспекте тела выражает предельно возможный для индивида смысл: «жить», «существовать». Этот абстрактный смысл в актуальном становлении бытия индивида выражается по отношению к различным явлениям и процессам по-разному.

Осознание состояний тела можно определить, как свидетельство в сфере внимания вот-происходящего в «моем» теле здесь-и-сейчас без попытки обозначить процесс словами, но с незамедлительной реакцией действием на происходящее: так осознает-реагирует на изменения телесного состояния велосипедист, сохраняющий равновесие или собеседник, внезапно улыбающийся, делающий паузу в разговоре и т.д. Изначально тело реагирует на все происходящее сложным дифференцированным образом, но социальная практика (обучения и труда) организована так, что у взрослого человека действительно четкое *осознание состояний тела* часто сохраняется только на физиологическом уровне, причем это осознание все-таки подкреплено словами: голод, жажда, боль и т.д. Осознание состояний тела, связанных с взаимодействием с людьми и решением интеллектуальных задач, развиты гораздо хуже. Потому, что целенаправленно общество готовит людей только к intersубъективному взаимодействию в целях воспроизводства социума: учит умению манипулировать словами (говорить и писать). Но осознавать свои *телесные состояния* люди учатся стихийно, хотя именно осознание состояний тела является источником речи.

Телесное состояние является ключом к речи (и наоборот). Когда «я» осознает некое «понимание», оно имеет определенное допредикативное состояние осознания, которое в дальнейшем служит границей и основанием для поиска подходящих слов. В свою очередь, слово открывает, актуализирует ощущение: например, упоминание о том, что «полегчало на душе» в точности соответствует висцеральным кинестетическим ощущениям говорящего (можно интроспективно проверить на личном опыте). Об этой связи слов и внутренних чувств — образов, ощущений, звуков — писал М.Мерло-Понти [1,с.302-303], она также используется в практической когнитологии.

В современном цивилизованном обществе отсутствует культура осознания связи тонких *смыслопорождающих состояний тела и речи*, а также *поступков человека*. Феноменология восприятия призвана восстановить *целостное представление о разуме как единстве телесных и дискурсивных процессов*. Включение понимания роли состояний тела в процессы интеллектуального познания мира, культивирование гармоничных состояний, приведет к изменению направленности интеллектуального познания. Оно будет осуществляться в иных абстрактных пределах: ориентируясь не столько и не только на воспроизводство социальной системы, а прежде всего и в первую очередь на выживание и эволюцию *разума каждого конкретного индивида*, без которого не существует общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб. — 1999.
2. Смирнова, Н.М. Теоретико-познавательная концепция М.Полани // Вопросы философии. — 1986. — №2.
3. Суриков, К.А. Ум, в котором мы живем. Технологии навигации реального мира: эпистемология объективной реальности. / / Монография / К.А.Суриков, Л.Г.Пугачева. — М., 2005.
4. Хайдеггер, М. Тождество и различие. — М., 1997.
5. Цоколов С., Дискурс радикального конструктивизма. Традиции современного скептицизма в современной философии и теории познания.// Монография. С.Цоколов — Мюнхен, 2000.

Аннотация: В постнеклассическом познании объективность научного знания утрачивает свою безусловность: появляется понимание влияния на результаты исследования личностного компонента знания. Автор предлагает феноменологическое рассмотрение разума как индивидуального дискурсивно-телесного феномена, включающего осознание состояний тела в качестве смыслообразующего фундамента познавательной деятельности человека.

Abstract: PHENOMENOLOGY OF THE BODY: THE UNDERSTANDING OF CORPORAL STATE AS PERSONAL KNOWLEDGE OF THE INDIVIDUAL

In the postnonclassical study the objective character of the scientific knowledge loses its absoluteness: there appears the understanding of the personal component of knowledge and its effect on the research results. The author suggests the phenomenological consideration of the mind as personal discursive and corporal phenomenon including the understanding of corporal states as a sense-forming base of the person's cognitive activity.

Ромашкин К. И.,
Российская государственная
сельскохозяйственная академия,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

ПАРАДОКС ЭЙНШТЕЙНА – ПОДОЛЬСКОГО – РОЗЕНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Формально-логическая формулировка парадокса предложена А. Эйнштейном, Б. Подольским, Н. Розеном (ЭПР) в 1935 г. в контексте научно-философской дискуссии между Бором и Эйнштейном о характере квантомеханических законов, когнитивном статусе квантовой механики. Авторы исходили из двух предпосылок:

1. В полной теории каждый элемент физической реальности должен иметь соответствующее теоретическое выражение;

2. Если, не возмущая систему, можно измерить некоторую величину с вероятностью, близкой к единице, существует некоторый элемент физической реальности, ей соответствующий.

Для наглядной демонстрации ЭПР-парадокса предложен мысленный эксперимент. Некоторая частица с нулевым спином распадается на две частицы со спинами, соответственно, S и $-S$ (ЭПР-пара). Далее обе частицы проходят через некоторую измерительную установку, в которой определяется направление проекции спина на магнитное поле установки, ориентированное вдоль оси z . Поскольку спин сохраняется, направление проекции спина второй частицы можно установить а priori (оно будет обратным). Таким образом, согласно условию 2, проекции спина второй частицы на ось z соответствует некоторый элемент физической реальности. В то же время, если бы поле было ориентировано вдоль оси x , следовало бы ожидать, что установленному направлению проекции спина на эту ось тоже отвечал бы указанный элемент физической реальности. Однако, одновременно определить направление проекции спина на обе оси, не возмущая систему, невозможно в силу принципа неопределенности Гейзенберга. Из этого следует, что, поскольку требование 1 не выполняется, квантовая механика принципиально неполна.

Такой вывод ЭПР, однако, неправомошен, поскольку для определения проекции спинов на разные оси потребовались бы разные, притом взаимоисключающие экспериментальные установки. ЭПР допускали, что если параметры некоторой микросистемы A и B , взятые по отдельности, есть элементы физической реальности, их совокупность $\{A, B\}$ - элемент физической реальности, что не всегда выполняется в квантовой механике. С другой стороны, ЭПР-парадокс поставил новые, нерешенные вопросы о том, что если совокупность параметров $\{A, B\}$ в силу несовместности наблюдений не есть элемент физической реальности, то, возможно, причина тому - существование некоторых скрытых параметров субквантового уровня, без знания которых невозможно полное, причинное в детерминистском понимании описание реальности.

При анализе эксперимента Эйнштейн, Подольский, Розен полагали, что два различных измерения над первой частью квантовой системы не могут привести к различным состояниям второй в силу отсутствия взаимодействия между ними. Это гипотетическое свойство квантовых систем получило впоследствии название локальности (т. е. делимости на независимые части). Альтернативную точку зре-

ния, согласно которой «в результате двух различных измерений, произведенных над первой системой, вторая система может оказаться в двух различных состояниях...» [2], исследователи отвергли.

Критика выводов эксперимента дана Бором, который показал, что возникший парадокс есть результат предположения локальности квантовых систем. Отказ от него, т. е. признание корреляции между разделившимися частями квантовой системы (характеризуемого термином «целостность»), устраняет парадокс ЭПР.

В 1951 г. Д. Бом сформулировал новую версию ЭПР-эксперимента, которая упрощала математический анализ. Он рассмотрел пару одинаковых квантовых частиц с половинным спином, изготовленную так, чтобы их полный спин равнялся нулю (электроны). После распада они станут удаляться в различных направлениях. Поставим на их пути магнитные детекторы, измеряющие спин.

В идеальной модели электроны движутся сквозь щель, пронизанную параллельными силовыми линиями постоянного, но неоднородного магнитного поля. Из-за квантовой природы до измерения спин вообще не имеет определенной ориентации, а после него ориентируется либо в направлении поля, либо против него.

Пусть один детектор сообщил, что спин «его» электрона направлен вверх. Можно утверждать, что спин второго электрона направлен вниз. И опыт это подтверждает. Пусть второй электрон движется в сторону более удаленного детектора с такой же ориентацией поля. Прибор с некоторой задержкой отметит, что спин направлен вниз, как и ожидалось. Таким образом, мы достоверно предсказали спин второй частицы, никак на нее не воздействуя. Согласно логике ЭПР, направление ее спина считается элементом физической реальности.

В чем парадокс? Допустим, что детекторы ориентированы иначе, скажем, слева направо. Если спин одного электрона смотрит вправо, мы должны заключить, что спин второго направлен влево. Однако какой же это элемент физической реальности, если его можно изменять по собственному усмотрению!

Установим теперь ближний детектор вертикально, а дальний — горизонтально. Если наблюдатель у первого детектора увидит, что спин смотрит вверх, он посчитает, что спин электрона-партнера направлен вниз. Однако второй прибор регистрирует горизонтальное значение спина. При повторении эксперимента спин второго электрона в половине случаев будет смотреть вправо, а в половине — влево. Второй наблюдатель будет вправе заключить, что спин первого электрона направлен, соответственно, влево или вправо. В итоге выводы наблюдателей окажутся несовместимыми. Что делать с физической реальностью?

С точки зрения Бора, парадокса нет. Если ориентация спина возникает в ходе измерения, не приходится говорить о ней вне эксперимента. Вспомним, что мы вольны в выборе детекторов. Откуда спину заранее «знать», в каком направлении его измерят? Похоже, что первый электрон мгновенно сообщает своему близнецу, что он проскочил через детектор. Но ведь физического взаимодействия между ними нет, как они ухитряются общаться?

Из этого тупика можно выбраться с помощью догадки Шредингера: квантовые корреляции сильнее классических. Тогда все встает на свои места. Мы изготовили пару электронов в запутанном состоянии, отсюда и необычность их поведения в ЭПР-эксперименте. Но Шредингер сформулировал свою гипотезу в языке качественном.

Линию Шредингера усилил Д.С. Белл, сформулировавший неравенства, выполняющиеся для любой классической (неквантовой) статистической теории, где

действует требование локальности (передача информации невозможна со скоростью, превышающей скорость света) (объективная локальная теория, ОЛТ), имевшие целью продемонстрировать принципиальное отличие предсказаний любой ОЛТ от предсказаний квантовой механики. В квантовой механике при измерении проекций спинов ЭПР-пары на различные оси эти неравенства обязаны нарушаться.

Белл показал, как можно подтвердить или опровергнуть реальность спутанных состояний на основе боровской версии мысленного эксперимента ЭПР. Во-первых, нужно использовать не два детектора спина, а не меньше трех. Во-вторых, детекторы следует располагать не параллельно или ортогонально, а под произвольными углами. Со временем в теоретической физике возникло целое направление, посвященное поиску новых вариантов теоремы Белла.

Идеальная схема эксперимента: имеется источник электронных пар с нулевым суммарным спином, посылающий частицы в противоположных направлениях. Ставится пара спиновых детекторов, повернутых по отношению друг к другу произвольно. После каждого “включения” источника срабатывает один левый и один правый детектор, но какие именно — заранее неизвестно.

Дальше — главное. Кодировются исходы каждого измерения по определенному правилу числами от -1 до $+1$, подставляются в алгебраическую формулу, усредняются результаты по измерениям. В итоге получается величина S , зависящая от угла, под которым установлены детекторы (речь идет о математическом ожидании). Теорема Белла утверждает: для неспутанных частиц значения функции S при любом расположении детекторов всегда лежат в промежутке от -2 до $+2$ (неравенство Белла). Такой вывод следует лишь из предположения, что каждый член любой электронной пары, уйдя от источника, сохраняет собственное состояние, не подвергаясь воздействию далекого близнеца. Если же электроны-партнеры вдали от источника связаны друг с другом, то выполнение неравенства Белла не гарантируется. Более того, из квантовомеханических вычислений следует, что при каких-то ориентациях детекторов S может быть как больше $+2$, так и меньше -2 . Следовательно, экспериментальная проверка неравенства Белла открывает путь к решению проблемы.

С помощью такой локальной причинной Теории Скрытых Параметров (ТСП) Белл вычислил функцию корреляции показаний приборов в зависимости от их установок и показал, что линейная комбинация трех функций корреляции, вычисленных для трех различных установок удовлетворяет некоторому неравенству (теореме Белла), которому не удовлетворяют аналогичные функции корреляции, вычисленные с помощью КМ. Таким образом, возникла принципиальная возможность выбора между ТСП и КМ.

Между локальной причинной ТСП и КМ имеются существенные отличия: 1) классическая причинность ТСП и статистичность КМ; 2) локальность ТСП и целостность КМ. Естественно возник вопрос, какое из различий приводит к различию в функциях корреляции. Ответ на него дан Беллом в 1971 г., и Клаузером и Горном в 1974 г. Они построили ТСП, в которой сохранена локальность, а классическая причинная связь между значением скрытого параметра и показанием прибора заменена статистической. Оказалось, что и в такой локальной статистической ТСП теорема Белла остается в силе. Таким образом, постулат локальности приводит к теореме Белла. Хотя ТСП построена для восстановления причинных связей в квантовой физике, решающее различие между существующими ТСП и КМ состоит не в характере причинных связей, а в альтернативе: локальность или целостность.

Для экспериментальной проверки теоремы Белла начались измерения функции корреляции в опыте ЭПР и сравнения результатов с теоремой и предсказаниями КМ. Так, А. Аспект провел серию прецизионных опытов со спутанными фотонами, признанных убедительными. Он доказал, что S действительно может зашкалить и за $+2$, и за -2 . А значит, спутанные частицы ощущают присутствие друг друга на любом расстоянии, что говорит против выдвинутых ЭПР гипотезы скрытых параметров квантовомеханических систем. Невозможность одновременного выполнения несовместных измерений связано с тем, что поворот одного прибора, регистрирующего частицу, меняет информацию о системе и, таким образом, на вероятность измерения второго прибора. Носителя (частицы или поля) этого взаимодействия не существует. Эффект связан с редукцией волнового пакета и демонстрирует невыполнение белловского требования локальности (невозможность влияния измерения в точке А на результаты измерения в точке В). Таким образом, невыполнение неравенств Белла свидетельствует о наличии нелокальной корреляции между частицами, однажды входившими в контакт.

Эксперименты Аспекта говорят в пользу существования нелокальной квантовой корреляции между компонентами ЭПР-пары: измерение параметра одного из компонентов в некотором смысле предопределяет результаты измерения параметра второго компонента, даже если они разделены пространственноподобным интервалом (Пространственноподобный интервал - одно из понятий теории относительности. В системе координат Минковского это длина вектора с началом в точке О, лежащего вне пределов светового конуса. Проще говоря, два события в пространстве-времени, разделенные пространственноподобным интервалом, могут быть причинно связаны только сверхсветовым сигналом). Субстанциональная основа этой корреляции, как уже говорили, неясна. Возможно, это все-таки следствие существования скрытых параметров, о которых говорил Эйнштейн. Такой поворот событий чисто философски в силу проблемы индукции не является принципиально невозможным: быть может, более точные эксперименты смогут сказать в пользу скрытых параметров. Однако, современная физика не имеет оснований к однозначному их признанию.

Разъясняя природу несиловой корреляции в поведении квантовых подсистем, А.Д. Александров вполне оправданно использовал своеобразный метод доказательства путем обращения к противоположному допущению. По поводу ЭПР-парадокса он писал: «Если ... мы отбросим допущение о разделенности частиц, то остается опущение, что частицы связаны, а тогда ... парадокс разрешается ... простой ссылкой на связь частиц» [1]. Такая «связь частиц», - писал А.Д. Александров, - отражаемая в наличии в них общей ψ -функции, не есть, конечно, механическая связь посредством веревок или сил: это есть особая форма связи в зависимости от условий. Но именно взаимная связь, выражаемая наличием общей ψ , есть главная основа всех успехов квантовой теории систем многих частиц. Одна из важнейших особенностей квантовой механики состоит в том, что она открыла новую форму взаимной связи явлений в атомной области. Понимание этой особенности ... имеет решающее значение для понимания квантовой механики» [1].

Природа этой связи становится вполне понятной и очевидной, если окончательно отказаться от универсальности и абсолютности образов отдельного элемента и их множеств в интерпретации квантовых состояний и принять неизбежную дополненность многого единым (как неразложимым на многое) в свойствах квантовых систем. Исчерпывающая и полная, проводимая неограниченной точностью детали-

зация-разложение физических состояний на множества каких-либо образующих их элементов так, что в природе данных состояний ничего не должно оставаться помимо этих точно определимых элементов и их множеств, соответствует классическому идеалу описания природы.

Принципиально неполная (не могущая быть полной и исчерпывающей в силу существования кванта действия) разложимость физических состояний на множества каких-либо элементов, их «образующих», соответствует квантовому языку. Произвольную квантовую систему нельзя подвергнуть исчерпывающему разложению на множества каких-либо элементов, «составляющих» ее. Поэтому описание квантовой системы в терминах элементов и их множеств имеет неизбежно вероятностный смысл. Не вполне точно выделяемые элементы структуры квантовой системы в общем случае могут быть представлены лишь в форме потенциальных возможностей, (их выделения или получения). Какие из этих элементов будут реально получены в эксперименте - определяется конкретным характером выбранного типа опыта или измерения (это и есть знаменитая «зависимость от условий измерения»).

Имеющее несомненно объективный смысл квантовое свойство системы как неделимой в конечном счете обуславливает взаимную согласованность потенциальных возможностей ее подсистем не только при жизни исходной системы, но и после ее распада, поскольку никакой распад и физическое деление не может затронуть субквантовый уровень и субквантовая целостность исходного состояния всегда сохраняется.

Эта корреляция квантовых подсистем, принадлежащих единой квантовой системе, имеет неотвратимый характер, довлеет над их поведением. Нетривиальным, однако, является отказ от абсолютности и универсальности понятия множества в описании физической реальности и признание специфических свойств конечной неделимости и неразложимости физических систем на множество каких-либо элементов. Но это — необходимая плата за понимание вероятностной природы ψ -функции, редукции волновой функции, несиловой корреляции и т.д.

Природа квантовой корреляции активно обсуждается в научной литературе. Существует несколько версий. Во-первых, можно посмотреть на этот феномен с точки зрения отсутствия априорных значений фотонов до их регистрации. Формально парадокс нивелируется, однако остается открытым вопрос о природе корреляции. Физиков такая формулировка не вполне устраивает. Во-вторых, можно предположить существование некоторой таинственной пока необъяснимой связи, которую «до выяснения обстоятельств» следует называть квантовой нелокальностью. В-третьих, некоторые авторы предлагают принять, что одна из частиц «живет» в обратном направлении, то есть, движется во времени в направлении, обратном общему его ходу - из «будущего» в «прошлое». Такая частица рождается в детекторе и движется в пространстве по направлению к источнику, а во времени - по направлению к моменту рождения первой частицы. Ю.С. Владимиров выдвинул оригинальную гипотезу, об отсутствии в микромире всеобщего пространства-времени.

На основании имеющихся теоретических и экспериментальных работ можно прийти к следующим выводам относительно ТСП:

1. Экспериментальные данные, по-видимому, противоречат локальной ТСП и основанной на ней теореме Белла. Эксперименты, согласующиеся с теоремой Белла, относятся к числу ранних, выполнены недостаточно чисто и не подтверждаются более поздними работами. Существующие ТСП противоречат наблюдаемым свойствам квантовых систем. Пока не удалось «подставить» ТСП под КМ

и восстановить классическую причинность в квантовой физике. Нерелятивистская КМ в своей области пока остается единственной теорией, описывающей экспериментальные факты.

2. Существование в квантовых системах дальних корреляций установлено экспериментально: непосредственно — путем подтверждения КМ — и косвенно — путем фальсификации теоремы Белла и постулата локальности, на котором она основана.

3. Альтернатива — локальность или целостность — решается в пользу целостности квантовых систем, которая заложена в КМ в виде принципа неразличимости одинаковых частиц и принципа дополнительности.

Наблюдаемое экспериментально и описываемое аппаратом КМ свойство квантовых систем — сохранение корреляций между частями системы при стремлении к нулю взаимодействия между ними — не является тривиальным. Для его интерпретации необходим комплексный подход.

4. Особенно остро проблема целостности, вопрос о соотношении части и целого, поставлен физикой элементарных частиц. Достигнутое объединение электромагнитного и слабого взаимодействия и стоящая перед современной физикой задача «великого объединения» всех взаимодействий по сути представляет различные этапы отображения в физике целостности окружающего мира, где существует всеобщая связь и взаимозависимость явлений.

5. На вопрос: что изучает КМ? не удастся получить однозначного ответа. Любой возможный ответ здесь должен быть связан прежде всего с гносеологической оценкой роли прибора и средств наблюдения в физическом исследовании.

Относительно же интерпретации предмета КМ можно выделить следующие позиции:

1. КМ описывает поведение элементарных частиц самих по себе, поскольку они ведут себя в наблюдении так же, как и вне наблюдения; вопрос об исключительной роли средств наблюдения лишен какого бы то ни было гносеологического смысла.

2. Элементарная частица ведет себя в наблюдении вовсе не так, как вне наблюдения, само взаимодействие наблюдательного устройства и элементарной частицы порождает непосредственный объект науки, за пределами которого нет оснований искать подлинный прототип.

3. КМ является феноменологической теорией, поскольку имеются неизвестные «скрытые параметры», определяющие Реальные поведения КМ-систем; во всякое данное время можно наблюдать лишь проявление следствий их действий.

Наконец, надо подчеркнуть, что обсуждение на первый взгляд чисто физической проблемы предполагает обращение к философской доктрине, раскрывающей сущность и роль экспериментальных устройств в познании. В настоящий момент господствует позиция, настаивающая на том, что описание действия измерительных приборов является ... необходимым условием для определения самого КМ-явления (2).

Дальнейшее упрочение этой позиции, связанное, в частности, с устранением парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена, обуславливает необходимость углубления опять же философских представлений о природе КМ-реальности, требуя оценки возможности «неделимой целостности» (Бом), «несиловых взаимодействий» (Фок, Хааг), «связи на уровне ψ -функции» (Фейнман), «особой формы связей в зависимости от условий» (Александров), «детерминации будущим» и «опережающих взаимодействий» (де Борегаар) и т.п.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Александров А.Д. О парадоксе Эйнштейна в квантовой механике // Докл. АН СССР. 1952. Т. 84, № 2.
2. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 3. — М., 1967. - С. 604-611.

Аннотация: ЭПР-парадокс обуславливает необходимость углубления онтологических представлений о природе КМ-реальности, требуя оценки «связи на уровне ψ -функции».

Abstract: EPR-paradox initiates the necessity of reflection of ontological foundations of QM-reality, especially hypothesis of «correlation on ψ -function level».

С.В. Трегуб,*Военный университет МО РФ,
соискатель кафедры философии и религиоведения*

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

На рубеже XX — XXI вв. наша страна оказалась в уникальной ситуации: с одной стороны — возникший системный кризис внутри страны и как следствие неспособность сохранившейся системы отвечать вызову времени. С другой — информационно-технологическая революция и глобальные процессы во всем мире. В очередной раз российское общество попало в сложнейшую ситуацию — в отсутствие прямого физического воздействия со стороны других государств Россия оказалась перед проблемой утери своей независимости и идентичности как нации. Подтверждение тому и мысли В. Ларионова, который отмечает:

«С сожалением нужно признать, что большинство наших современников уже не способны воспринимать священные понятия и идеалы не только духовно, но и психологически. За рекордно короткий период масса русского населения прошла важнейшие ступени контрэволюции: от человека духовного — через человека разумного — до человека неразумного. Процесс продолжается, угрожая оставить от последнего словосочетания лишь прилагательное. Сбываются мечты творцов (или фальсификаторов) плана «Ост» Гимmlера, Розенберга и их товарищей по партии. Ими планировалось искусственное снижение рождаемости русских. Для русских людей не допускалась возможность получения высшего образования... Нацисты ставили перед собой... цель: на месте государства русского народа и союзных ему народов и племен создать управляемую территорию... Вот именно эту ситуацию мы и видим сейчас в постсоветской России в изумительной завершенности» [1; с. 365].

Это яркий пример того, что в современную эпоху не самое главное быть мощным в военном отношении государством, важно иметь сохраняющую нацию оболочку в виде ценностей и культуры. В сложившихся условиях именно цивилизационная идентичность и превращается в один из главных ресурсов обеспечения свободы и безопасности страны, развития нации и ее сохранения в условиях нарастающей глобализации.

Анализ проблемы цивилизационной идентичности России в условиях модернизации всех сторон жизнедеятельности человека и общества предполагает обращение к содержанию понятий «идентичность», «цивилизация» и «российская цивилизация». По мнению М.М. Мчедловой, идентичность общероссийская — это категория, фиксирующая социокультурную самобытность российской цивилизации, предельно широкий уровень культурного самоотождествления индивидов [2; с. 69]. Она также отмечает, что «содержательная эволюция понятия «идентичность», столь часто употребляемого сегодня в контексте определения цивилизационной специфики России, имеет своеобразную историю, наложившую отпечаток на ее современное понимание.

Первоначальный статус категории «идентичность» — собственно философский, относящийся к метафизической проблематике. В таком качестве «идентичность» употребляется Б. Спинозой, и она «не есть причина универсума, а сам универсум». М. Хайдеггер также рассматривал идентичность как собственно философскую категорию, определяя ее как «всеобщность бытия». Позднее происходит переход от

понимания идентичности как философско-метафизической, онтологической категории к социальной. Д. Мид и Ч. Кули считают, что идентичность (самость) по своей природе является социальным образованием. Американский социолог Р. Мертон настаивает, что идентичность индивида формируется вследствие его соотнесения с коллективом, являющимся для него значимым. Одновременно существует также вариант рассмотрения идентичности как категории психологической.

В современном обществознании ясно прослеживается традиция употребления понятия «идентичность» в качестве категории собственно социального знания, прежде всего при исследовании социокультурных общностей различного порядка. На наш взгляд, можно провести аналогию между термином «идентичность» и такими понятиями, как «самоопределение», «самоотождествление», «самобытность» [2; с. 69].

Д. Тренин под идентичностью понимает не столько самобытность той или иной страны и ее народа (это больше относится к области культуры и антропологии), сколько место и роль этой страны среди других и связанные с этим представления [3; с. 60]. По мнению исследователя, идентичность тесно связана с государственностью и ее характером, равно как и с позиционированием государства в международной системе, амбициями его элит и самоощущением нации.

Страна может утратить идентичность вместе с государственностью (как Польша в 1795–1918 гг.), радикально изменить ее (подобно сегодняшней объединенной Германии), наконец, самобытные народы могут приобрести идентичность, как это сделали, в частности, республики бывшего СССР, ставшие — большинство из них — впервые в современной истории независимыми государствами [3; с. 60]. Тренин утверждает, что идентичность не есть что-то неизменное, данное раз и навсегда. Только в XX в. Россия испытала две резкие смены идентичности (1917 и 1991 гг.) и несколько существенных по последствиям корректировок (середина 1920-х, середина 1940-х, конец 1980-х).

Весьма плодотворными являются идеи А.С. Панарина о российской идентичности, которая определяется следующими взаимосвязанными факторами: «единство территории (месторазвития), истории, образующей источник коллективной культурной памяти, и ценностной нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения. Все это выражает язык, непрерывно актуализирующий все три единства в сознании данного народа» [4; с. 136].

Однако существуют и другие точки зрения на существо понятия «идентичность». Например, некоторые исследователи саму идентичность сводят только к эмоциональной стороне самоопределения индивида. Так, В.В. Кочетков под идентичностью понимает культурную норму, отражающую эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [5; с. 26]. Но и он выделяет основные характеристики идентичности, к которым относит общность и отличительность. Общность — это степень гомогенности нации, которая достигается мифами и представлениями о своей истории, территории, институтах, языке и религии. Общность может быть описана как в количественных, так и в качественных показателях. Отличительность же показывает, насколько похожа /отлична нация от других наций — членов международного сообщества.

Таким образом, идентичность представляет собой *осознание* индивидом и социальной группой *своей принадлежности* к определенной социальной общности как носительнице конкретной культуры на основе единства мировоззренческих, ценностных и смысложизненных ориентаций, предпочтений, поведения и деятельнос-

ти.

Понятие «идентичность» сегодня все чаще ассоциируется с понятием цивилизации. В XX в. содержание понятия «цивилизация» существенно расширилось в своем значении и помимо тех смысловых значений, которые были связаны с хорошими манерами, воспитанностью и навыками, помогающими достичь «цивилизованного поведения», стало применяться еще и для характеристики стадий развития человечества. Заметный вклад в уточнение сущности и расширение представлений о цивилизации внесли как зарубежные, так и отечественные ученые: Л. Морган, И. Валлерстайн, А.Г. Франк, Д. Уилкинсон, О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, П. Сорокин, К. Ясперс, Ф. Бродель, Н.Н. Моисеев, Б.С. Ерасов и др. [6]

Так, например, О. Шпенглер рассматривал цивилизацию как завершающий этап развития культуры, которая вырождается в цивилизацию в результате своей гибели. А. Тойнби видел в цивилизации особый, ограниченный определенными пространственно-временными рамками социокультурный феномен, основу которого составляют религия и четко выраженные параметры технологического развития. Религиозную основу в зарождении и развитии цивилизаций усматривал и немецкий социолог М. Вебер. По суждению С. Хантингтона, цивилизация есть культурная общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Она определяется наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. А главным фактором, определяющим цивилизационную идентичность страны, является религия [7].

В современной отечественной науке понятие «цивилизация» также интерпретируется неоднозначно, особенно при анализе соотношения цивилизации и культуры. В частности, в энциклопедическом словаре «Философия» (под редакцией А.А. Ивина) цивилизация определяется как одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами [8; с. 972]. Б.С. Ерасов считает, что культура «большей частью выступает как компонент цивилизации» [9; с. 11]. На этой же позиции стоит и Ю.В. Яковец, который полагает, что культура является составной частью цивилизационного развития человечества [10].

На позиции тождества цивилизации и культуры стоит и В.С. Стёпин, который рассматривает ее «как некоторый целостный социальный организм, предполагающий определенный тип культуры». Выделяя два типа цивилизационного развития (традиционалистский и западный), он употребляет понятия «техногенная цивилизация» и «техногенная культура», а также «традиционная цивилизация» и «традиционная культура» фактически как синонимы [11; с. 12].

Свою трактовку цивилизации дает Н.Н. Моисеев, у которого она выступает как совокупность форм существования человека на Земле, вся совокупность особенностей его активной деятельности, его духовного мира, его взаимоотношений с Природой, с другими людьми [12; с. 96]. Интересно указание ученого и на то обстоятельство, что при принятом делении на цивилизации традиционные, к которым относятся все общества Востока, и техногенные, западные, славяне не укладываются в эту цивилизационную дихотомию.

В.В. Радаев и А.В. Бузгалин цивилизацию определяют как «состояние общества, выделенное в отличие от формации не по производственно-экономическим факторам, а по всей совокупности элементов материальной и духовной культуры, с

акцентом не на общественном богатстве, а на развитии человека» [13; с. 26].

Для более полного анализа проблемы цивилизационной идентичности представляет интерес подход к пониманию сущности цивилизации, реализуемый И.Б. Орловой, которая определяет цивилизацию как социетальную культурно-историческую систему, объединяющую на суперэтническом уровне население, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой. По ее суждению, универсальным, общим отличительным признаком, свойственным всем цивилизациям, является только один — признание каждым индивидом, входящим в ее состав, дихотомии «мы» и «они», «мы такие-то, а все прочие другие», «свои» и «чужие». Оно является индикатором, служащим для определения цивилизационной принадлежности на субъективном уровне и одним из типов системообразующей связи [14; с. 25].

Таким образом, *цивилизация* определяется как важнейшая характеристика общества, как его качество и представляет собой единую социоприродную целостность, которая характеризуется соответствующим способом производства, определенной степенью развития материальной и духовной культуры, определенной системой ценностных установок и ориентиров, а также специфическим характером взаимоотношений общества с окружающей средой. Цивилизация характеризуется не только моделью общественного устройства и развития с соответствующими условиями и уровнем жизни людей, но и совокупностью ценностей, традиций, норм, правил, предписаний, регламентирующих общественные отношения.

Главным лозунгом начала 2000-х гг. для всех стран, в том числе и для России, стал лозунг *идентичности* — самобытности, суверенности, независимости страны. Не «раствориться» в глобализирующем мире, не потерять свою самобытность и культурную особенность, сохранить традиционную систему ценностей, обеспечить национальную безопасность страны и т.д. — проблема для России весьма актуальная и своевременная, решение которой способно сохранить общество и государство в современных условиях.

Большинством ученых Российская цивилизация определяется так. Это — «одна из наиболее крупных по территории цивилизаций, сформировавшаяся на пространствах Восточной Европы и Северной Азии, самобытность которой обусловлена взаимодействием специфических географических, климатических, этнических, конфессиональных, политических, исторических факторов» [2; с.490]. Исследователи отмечают, что особенностью России является её цивилизационный характер [15; с. 484-486], православная культура как основа духовно-нравственного определения [16]. Даже в условиях секуляризации эта цивилизационная черта нашла для себя новое воплощение в форме русского коммунизма [17] и предстала советской цивилизацией [18].

Сегодня проблема цивилизационной идентичности России весьма активно исследуется отечественными и зарубежными учеными, интерес к которой был вызван тем, что в конце 90-х гг. прошлого столетия в результате распада Советского Союза Россия оказалась на перепутье. Данное обстоятельство подтверждают и слова С.А. Белковского, который отмечает: «Одна из ключевых проблем современной России состоит в следующем: после распада СССР мы не прошли стадию национальной самоидентификации. Оставшись лишь большей частью погибшей общности — советского народа. А в такой ситуации никакое поступательное национальное развитие невозможно, ибо отсутствует субъект развития. Чем кончается подобная бессубъектность, мы видим на примере некоторых стран бывшего СССР, ска-

жем, Молдавии, которая через несколько лет так или иначе окажется румынской провинцией» [19; с.41].

Схожую оценку сложившейся ситуации дают и зарубежные исследователи процессов идентификации в современной России. Так, Д. Биллингтон, связывающий идентификационный кризис России с индивидуализмом российской интеллигенции, утверждает: «Поиски индивидуальности привели к тому, что в России начались бурные дебаты в интеллектуальных слоях общества в XIX веке, а в начале XX века произошли беспрецедентные социальные катаклизмы, результатом которых стало формирование утопической идеократии, возникновение великорусского национализма, санкционированного вождизма и авторитарного правления. Все это стало прелюдией к полным драматизма и хаотическим поискам национальной идентичности после краха системы, основанной на коммунистической идеологии, глубоким переменам в сознании людей, характеризующимся уходом в безразличие, пессимизм и религиозность» [20; с. 4].

Процесс самоидентификации страны, то есть определения ее места в мировой цивилизации и поиска нового типа социокультурного развития, очень сложен, противоречив и мучителен. Поэтому в современных условиях, осуществляя реформирование государственного устройства, надо исходить из того, что Россия является самостоятельным культурно-историческим типом или цивилизацией, с присущими только ей национальными ценностями и традициями. Попытки игнорировать особенности цивилизационного развития России, ее ценности и интересы всегда имели и будут иметь трагические последствия. Это не означает, что, осуществляя реформы, необходимо самоизолироваться от всего мира. Наоборот, надо искать контакты и пути сближения цивилизаций, развивать сотрудничество, перенимать полезный опыт, ценить культуру других стран и народов, воспитывать доброжелательность и т.п. Но краеугольным камнем всех реформ и преобразований должны быть обязательные условия как важнейшие, сущностные.

Во-первых, весь опыт и достижения цивилизаций Запада и Востока при попытках переноса на отечественную почву необходимо соотносить с российскими национальными традициями, ценностями, интересами и особенностями развития. При этом в первую очередь надо думать о собственном Отечестве, его культуре и прежде всего духовных приоритетах, ибо в них заключается основное отличие России как самостоятельного культурно-исторического типа от Запада и Востока. К примеру, технологии можно разработать или купить, а вот духовность народа, его национальный характер и духовные ценности — никогда, ибо все это формируется веками.

Следовательно, в основе возрождения российской цивилизации должны находиться ее традиционные национальные ценности, и прежде всего новая государственно-патриотическая идея. Она должна задавать основной вектор внутреннего развития страны и ее внешней политики, аккумулировать жизненные силы народа, его национально-исторические традиции. Основные духовные приоритеты и ценности могут и должны составить стержень менталитета народов России, дальнейшего развития страны и государства.

И, во-вторых, при преобразованиях основных сфер жизни общества следует учитывать то обстоятельство, что цивилизация может заимствовать из других культурно-исторических типов только те идеи и элементы, к восприятию которых она уже подготовлена всем ходом своего социально-экономического, политического и духовного развития. Любые попытки слепого копирования или механического

переноса чуждых данному культурно-историческому типу ценностей обречены на неудачу. Более того, они могут привести к духовному истощению, и даже гибели цивилизации, о чем свидетельствует и опыт мировой истории. К примеру, «идеологи» перестройки начала 80-х взяли курс на развенчание ложных кумиров и обучение людей гласностью, на своего рода духовную шокотерапию. И, несмотря на то, что перестройка не принесла ощутимых результатов, она не прошла бесследно для нашего государства. Из исторической памяти уже невозможно вычеркнуть страницы трагедии нашего народа: сталинизм, проблемы «эпохи застоя», надежды и разочарования от так называемых нового мышления и общечеловеческих ценностей. И не в последнюю очередь реформ пятнадцатилетия, начатого в январе 1992 г.

Только в результате соблюдения вышеуказанных требований Россия сможет в полной мере сохранить национальные культурные ценности, традиции и исторический опыт, результативно решить саму проблему самоидентификации страны, определить свое место в мировой цивилизации и обрести новый тип социокультурного развития. Другими словами, «государство должно стать обществом, а общество — государством. Только таким образом мы можем сохранить в меняющемся мире национальную идентичность и конкурентоспособность» [1; с.265].

В заключение отметим, что цивилизационная идентичность (идентификация) современной России вызвана кризисом идентичностей в современном мире и представляет собой процесс самоопределения индивидов, социальных групп, регионов, народностей и народов России на основе переоценки собственного цивилизационного исторического опыта и опыта других цивилизаций в целях поиска, выработки и реализации наиболее адекватного образа, архитектуры и стратегии их цивилизационного развития, отвечающего современным вызовам и угрозам.

Своевременная постановка и реализация проблемы цивилизационной идентичности России позволит ей обрести стабильность, всесторонне развиваться, обеспечить безопасность граждан в рамках российского социума.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ларионов В.Е. Православная Монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М., 2007.
2. Мchedлова М.М. Идентичность общероссийская //Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: энц. словарь. М., 2001.
3. Тренин Д. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М., 2006.
4. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003.
5. Кочетков В.В. Цивилизационная идентичность России /Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2006. № 3.
6. См., например: Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 2004; Тойнби А. Постижение истории. М., 1991; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Ясперс К. Смысл и значение истории. М., 1987; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. В 3-х т. М., 1988; Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002 и др.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций //Полис. 1994. № 1.
8. Философия: энциклопедический словарь /Под ред. А.А. Ивина. М., 2006.
9. Ерасов Б.С. Цивилизация: слово — термин — теория //Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1999.
10. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003.
11. Стёпин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации //Вестник РФО. 2005. № 4 (36).
12. Моисеев Н.Н. Цивилизация на переломе. Пути России. М., 1996.
13. Экономика переходного периода /Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М., 1995.
14. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998.

15. Ахиезер А.А. Цивилизационная специфика российского общества // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: энц. словарь. М., 2001.
16. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М., 1990.
18. См.: Кожин В.В. Россия. Век XX-ый (1901-1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. Опыт беспристрастного исследования. М., 2002; Он же: Россия. Век XX-ый (1939-1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 2002; Он же: Победы и беды России. М., 2000; Платонов О.А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. В 2-х т. М., 1997. Т.1, Т. 2; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С.213-398; Шафаревич И.Р. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2003. С. 13-308 и др.
19. Белковский С.А. Империя Владимира Путина. М., 2007.
20. Биллингтон Д. Россия в поисках себя. М., 2006.

Аннотация: В статье обоснована актуальность постановки проблемы цивилизационной идентичности современной России в условиях глобализации. С позиций семантического анализа в статье уточнены сущность и содержание понятий «идентичность», «цивилизация», «российская цивилизация», выступающих основой определения смысла цивилизационной идентичности России в современных условиях. Рассмотрены основные подходы к анализу условий и факторов, определяющих необходимость и своевременность определения (нахождения) российским социумом своей цивилизационной идентичности, а также выделены и обоснованы некоторые ее компоненты.

Annotation: In the article is proved the urgency of statement of a problem civilized identity of modern Russia in the conditions of globalization. In the article is specified the essence and the maintenance of concepts a “civilization”, “identity” and “civilized identity” acting by a basis of definition of sense civilized identity of Russia in the modern conditions from the positions of semantic analysis. In the article are considered the basic approaches to the analysis of the conditions and of the facts determing the necessity and the modernity of finding civilized identity by the Russian society and the Russian state and also are proved some its components.

РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И
ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Анненков А. А.,
аспирант кафедры истории
и философии образования и науки
Академии повышения квалификации
и профессиональной переподготовки
работников образования

В.Ф. ЭРН О ТВОРЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КУЛЬТУРЫ

Владимир Францевич Эрн (1882-1917) является одним из оригинальных русских мыслителей начала 20 века, основополагающим понятием философии которого был так называемый им «универсальный онтологизм», то есть возврат к бытию через откровение божественной мысли Логоса и Церкви.

Исходным положением философии В.Ф. Эрна являлась идея борьбы между Востоком и Западом, то есть Логосом (Разум, Бог, Слово) и Ratio (формальный рассудок, личное мировоззрение). Таким образом, В.Ф. Эрн отметил противостояние между онтологизмом философии христианского Востока с его устремлённостью к Истине, к Богопознанию и характерным для западной мысли утверждением индивидуализма и отрывом от Бога.

Своеобразие онтологизма В.Ф. Эрна в существенной мере связано с его критикой «меонизма» рационалистической философии. Решая эту задачу, В.Ф. Эрн показал, что в Новое время произошел разрыв с онтологизмом античной и средневековой мысли и началась эпоха господства безбытийной философии. В.Ф. Эрн был убежден, что созданный новоевропейским рационализмом образ действительности ориентируется на миф о возможности отвлеченного познания природы. Подлинную альтернативу «меонизму», считает В.Ф. Эрн, является философия Логоса. Понимание этой связи становится источником онтологизма античной философии, религиозно преображенной в христианство. Это, в свою очередь, означало, что сознание понималось русским мыслителем как особый вид бытия. В результате такой предпосылки старое декартовское воззрение согласно которому *cogito* исчерпывает собою все *sum*, оценивается как заблуждение в духовной жизни европейского человечества.

Рассматривая эту проблему, В.Ф. Эрн считал, что «для приверженцев философии Слова самое понятие Истины онтологично» (1), а Бытие в Истине возможно через усвоение смысла Слова. Такое понимание В.Ф. Эрном смысла слова во многом определило его концепцию культуры. Понятие творения, божественного творческого акта становится в философии В.Ф. Эрна основным первопринципом, отвечающим природе культуры. Культура в понимании В.Ф. Эрна есть творчество.

Одну из причин кризиса философии и трагического положения культуры В.Ф. Эрн видит в непонимании креативной сущности культуры, её созидательного характера. «Рационализм не понимает в культуре самого главного. Ведь корень культуры - творчество. Созидается культура лишь творчеством» (2).

Определив культуру как творчество, В.Ф. Эрн переходит к вопросу каким образом происходит процесс созидания культуры. Решая эту проблему, В.Ф. Эрн утверждает, что «всякое творчество есть воплощение формы (идеи) в той или иной ма-

терии (материале)» (3). Таким образом, творчество, по Эрну, это процесс, сущность которого состоит в установлении единства между творцом и творением, а также в постижении глубинных стихий жизни через преодоление дисгармонии и хаоса.

Критикуя рационалистическое понимание природы культуры, В.Ф. Эрн отмечает, что рационализм отрицает самую возможность творческого акта. В таком случае творчество, а значит и культура, становится иллюзорным процессом переживания хаоса из одной формы в другую, то есть чисто психологическим, а не онтологическим явлением. В.Ф. Эрн полагает, что творец это прежде всего деятель, скульптор, режиссёр Божественной драмы. Таким образом, понимание В.Ф. Эрном истинной культуры как явления онтологического порядка связано, с одной стороны, с реальностью окружающей жизни, с другой стороны, с высочайшим духовным подвигом.

Анализируя природу творческого процесса, В.Ф. Эрн раскрывает взаимоотношения апполлонического и дионисийского как непосредственно необходимых тенденций, составляющих творческий процесс, причем проблема проецируется у В.Ф. Эрна на отношения между материей и формой. В соответствии с этим, Дионис, по Эрну - бурлящая стихия жизни, основа творчества. Апполон же - завершённая форма, исходный продукт творчества.

Креативный подход характерен и для гносеологической концепции В.Ф. Эрна. Подчёркивая, что процесс познания является одним из видов творчества, В.Ф. Эрн полагал, что идеал, будучи эстетической категорией, находится в сфере классической культуры, причем «классичность» мироощущения мыслителя проявляется в тяготении к единству внутреннего и внешнего, формы и содержания, в стремлении к гармонии и цельности. Определив культуру как творчество, В.Ф. Эрн переходит к вопросу, каким образом происходит процесс творения.

Возникновение творческого процесса, согласно В.Ф. Эрну, предполагает единство творца и творения, обеспечивающего целостность постижения глубинных стихий жизни через преодоление творцом дисгармонии, хаоса, грубого материала. Процесс творчества, таким образом, он определяет как созидательное преодоление или созидание того или иного материала в светоносной форме и выход к осмыслению Богопознания. Такое понимание природы культуры как творчества - самая характерная черта мировоззрения В.Ф. Эрна, имеющая прямое отношение к его общей концепции культуры.

Для русского философа, художника, поэта культура всегда была высоким служением — «святым ремеслом». Понимание истинной культуры как явления онтологического порядка, как «дела», ремесла связано не только с реальностью окружающей жизни, но и с высочайшим духовным подвигом. Примером тому может служить творчество А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, П.И. Чайковского, Л.Н. Толстого, М.И. Цветаевой, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, для которых творчество было активной познавательной деятельностью, пронизанной Божественным вдохновением.

Но если потеряна вера, то ничего не остается как принять теорию рационализма. В этом случае, показывает В.Ф. Эрн, история должна была бы остановиться. Концепции хаотизации жизни, характерной для рационалистического понимания культуры, В.Ф. Эрн противопоставляет понимание культуры как цветения жизни, то есть как живого организма, как высшую творческую организацию глубинных стихий жизни. Усиление же процесса хаотизации жизни В.Ф. Эрн связывает с превращением философии рационализма в явление разрушающей исторической силы, опираясь на которую новое человечество оторвалось от природы как сущего и ору-

дием своего властного самоутверждения провозгласило рационализм.

Рассматривая далее эту проблему, В.Ф. Эрн выделил два основных направления в европейской истории: развитие духовной культуры и развитие цивилизации.

Первое направление, полагает Эрн, питаясь великими традициями прошлого, продолжает развитие вселенской культуры, то есть искусства, мистики, духовных основ католичества, а также всего гениального в «мысли, слове и деле». Корни подлинной гениальности, отмечает Эрн, «всегда уходят в мистические глубины Сущего, и потому как бы не отрекался от Сущего гений, как бы ни поддавался рационализму, он в силу своей гениальности свидетельствует против всех своих заблуждений»(4).

Второе направление определяется цивилизацией Нового времени, враждебной исторически сложившейся культуре. Рассматривая это противоречие, В.Ф. Эрн полагает, что цивилизация является изнанкой культуры. Суть состоит в том, что культура не может быть пищей, пригодной для большинства, поскольку она всегда есть не готовое, а завоёванное творческим поиском личности. Цивилизация же предлагает готовую к употреблению продукцию некоему адресату.

Способ воздействия (а значит и существования) культуры и цивилизации принципиально различный. Если «культурой как творчеством можно заражать», то цивилизация передаётся механически, предлагая заведомо известный набор предметов, схем, форм, решений, приёмов. Таким образом, делает вывод В.Ф. Эрн, достижения цивилизации передаются механически, «ею не заражаются, ее внушают»(5). Это обстоятельство дает основание В.Ф. Эрну назвать цивилизации «овеществленным рационализмом».

Отрыв от Природы как Сущего становится, говоря словами Эрна, космической магической силой, которая вкладывается в каждый продукт цивилизации. В.Ф. Эрн категорически не принимает достижения цивилизации, поскольку агрессивный характер цивилизации способен разрушить до основания основы культуры прошлого. Другой вопрос, каким образом достижения действенных, мощнейших наук могут быть обращены во благо человечества, не форсируя при этом необходимости его духовного развития.

Определяя культуру как солидарную преемственность творчества, В.Ф. Эрн много раз подчеркивает, что главным разрушителем культуры является философский рационализм, острие которого устремляется на самую душу культуры, на творчество, делая невозможным не только создавать культурные ценности, но даже понимать то, что уже сделано, что делается и что должно делаться в будущем.

В результате В.Ф. Эрн делает вывод, согласно которому «культура есть соби-
рание и высшая творческая организация самых глубинных стихий жизни, а рационализм, как мы видели, принципиально и безнадежно-сознательно *хаотизирует* жизнь»(6). Таким образом, положение культуры становится трагическим от роста успехов цивилизации. Истоки этой трагедии в господстве рационализма, который уничтожает «полные ноуменальной прелести цветы культуры».

Возвращаясь вновь и вновь к рационалистическому пониманию и рассмотрению природы культуры, В.Ф. Эрн отмечает: «Рационализм не понимает в культуре самого главного. Ведь корень культуры творчество. Создается культуры лишь творчеством. Всякое же творчество двуедино. Дионис вдохновенно катартически ищет исхода в апполлонической форме. Где нет Диониса, там нет основы для творчества. Где нет Аполлона, так нет исхода для творческого порыва» (7). В таком случае творчество, а значит и культура становится иллюзорным процессом переливания хаоса из одной формы в другую, то есть психологическим, а не онтологическим феноме-

ном.

Творец, по Эрну, прежде всего демиург, деятель, скульптор, режиссёр Божественной драмы. Культура - это ноуменальное явление, достижения её объединены тончайшими взаимосвязями. Понимание истинной культуры как явления онтологического порядка, как «дела», ремесла связано, с одной стороны, с реальностью окружающей жизни, с другой - с высочайшим духовным подвигом.

В работе «Смысл онтологизма Джоберти в связи с проблемами современной философии» В.Ф. Эрн называет философию итальянского мыслителя философией творческого акта. Эти слова могут быть отнесены и к философии самого В.Ф. Эрна и, соответственно, распространены на его концепцию культуры, согласно которой творческий акт воплощает отношение между существующим в форме человеческого «я» и миром божественного Сущего. Эта связь единит без слияния и различает без разъединения. Таким образом, творческая природа культуры, по Эрну, раскрывается в процессе созидательного преодоления. А подлинное понимание культуры - есть результат эзотерического познания, духовного поиска, служения. Да, культура «всегда есть не готовое, а завоёванное» и способ воздействия (а значит и существования) культуры и цивилизации разный. Культурой как творчеством можно заражать. Цивилизация передается механически. Ею не заражают - ее внушают.

Делая вывод о сущности современной цивилизации, В.Ф. Эрн называет её овеществлённым рационализмом. Отрыв от Сущего становится, говоря словами Эрна, космической магической силой, которая вкладывается в каждый продукт цивилизации. В.Ф. Эрн считает, что агрессивный характер цивилизации способен разрушить до основания величественный храм культуры.

В результате В.Ф. Эрн объявляет непримиримую войну рационализму и цивилизации, войну мировоззрений, прежде всего за сознательный и закрепляемый отрыв от природы как сущего. Преклонение перед благами технократической цивилизации заглушает в человеке инстинктивную мудрость, и личность неизбежно превращается в «среднего потребителя», в «зомби», с подготовленным к очередному внушению запрограммированным сознанием.

Впрочем, теснейшее взаимодействие культуры и цивилизации стало реальностью XX века. Состояние, которое пережила культура в XX веке, можно было бы определить словами шекспировского Гамлета: «Распалась связь времён». Суть процесса в том, что стремительно возрастающая мощь цивилизации заслоняет культуру, превращает её в объект утилитарный, объект потенциального использования как части цивилизации - как рядового продукта человеческой деятельности. Широкий поток цивилизации использует все стихийные материалы для изготовления своих «шлягеров», «адаптированных ценностей», когда, говоря словами М.И. Цветаевой, «не только масло едят, а мозг». Так, культура, «перерабатываясь», уничтожается на образно-семантическом уровне, и превращается в «китч».

Очевидно, что протест В.Ф. Эрна направлен против «торгующих», которых истинный творец должен, подобно Христу, изгнать из храма. Подчёркивая глубину водораздела между культурой и цивилизацией, В.Ф. Эрн говорит о противоположности и несовместимости двух этих потоков. «Культура против цивилизации» - такой тезис выдвигает Эрн, культура должна бороться против цивилизации, особенно против её меркантильного установления.

Трагическое, дисгармоническое восприятие современности было одной из характернейших черт мироощущения художника, мыслителя в XX веке, в отличие от гармоничного мироощущения Античности, Средних веков и эпохи Возрождения,

когда гений творил в согласии с окружающим миром. В XX веке попытки преодолеть трагичность ситуации сводятся, как пишет Эрн, к «одиноким попыткам одиноких людей». Единственный путь спасения культуры В.Ф. Эрн видит в необходимости осознания метафизической основы подлинного творчества, в вере в то, что «зиждательная форма божественного Логоса неслиянно и неразрывно соединилась с материей человечества. Богоматерь с Христом - вот скрытая основа человеческой культуры и вечный смысл всего истинного культурного делания человечества» (8).

Только с этой верой, можно, по Эрну, уединяясь в катакомбах, подобно первым христианам, «религиозно соединяясь с метафизическим средоточием культуры», копить силы в ожидании катастрофического взрыва, который разрушит гордые сооружения Вавилона - человечества, которое решило устроить жизнь без Бога.

В.Ф. Эрн резко отвергает, опирающееся на догмат меонизма природы, понимание искусства и поэзии исключительно как «вымысла» и обращает внимание на необходимость философского осознания «реалистической правды языка символов», которыми говорило и будет говорить искусство, которое в конечном итоге сможет преодолеть хаос современной философии, восстановить утрачиваемые основы духовной культуры: язык, ценности, идеи. Это возможно на пути сознания Божественного Логоса как творческой причины всего существующего. Такое осмысление сущности творчества В.Ф. Эрн противопоставляет рационалистическому самоопределению мысли, приводящему мир в конечном счёте к хаосу и безумию.

Истоки философии Логоса В.Ф. Эрн усматривает в античности, ее развитие в христианском Востоке, а также в русской философии логизма, где следует выделить имена А. Козлова, В.С. Соловьёва, Л.Лопатина, кн. С.Н.Трубецкого. В.Ф. Эрн обосновывает необходимость исторического изучения восточно-христианского логизма, которое ни в России, ни на Западе не поставлено на принципиальную почву. Но возврат к логическому миропониманию, подчеркивает Эрн, возможен лишь творческим путём. Метафизические истины могут быть найдены в глубине нашего самосознания, через творческую борьбу, через подвиг творческого прозрения в природу вещей и раскрытия их средствами современного мышления. «Вперёд к Логизму», - провозглашает В.Ф.Эрн, завершая работу «На пути к Логизму».

А полемизируя с С.Л. Франком, в статье «Культурное непонимание», В.Ф. Эрн излагает основы своей концепции Логизма, включая три аспекта понимания Логоса: Логос космический; Логос дискурсивно-логический; Логос небесный, божественный. Логос космический - это, по Эрну, натуральная религия и искусство. Логос небесный - христианская религия. Логос дискурсивно-логический - это философия, связанная со всеми данными опыта, «божественное орудие мысли» (9).

Философия по содержанию связана с Логосом космическим и божественным, «музыкально и неразрывно» - отмечает Эрн высшую степень гармонии и взаимосвязи всех аспектов Логоса. Вместе с тем области и задачи философии у Эрна резко отличаются от задач религии и искусства. Главная задача философии - приведение в единство всех данных человеческого опыта. Жизнь искусства - в неразрывном творческом созидании того, что открывает мир в абсолютном единстве эстетического переживания. Жизнь религии - в творческом подвиге просветления воли, который открывает в мире хаоса и зла абсолютное моральное, религиозное единство добра.

В.Ф. Эрн формулирует: Я противопоставляю два познавательных начала: ratio и Logos, а не две культуры: Россию и Запад. Вместе с тем, испытывая глубокое уважение к культуре Запада, которая «не обесположена рационализмом», В.Ф. Эрн считал, что борьба с рационализмом - одна из черт мировоззрения философа, и идея

противоборства познавательных начал пронизывает всё его творчество.

Статическому, рационалистическому, «музейному» пониманию культуры как «отвлечённого начала», где присутствует «засушенный Апполон и нет животворного Диониса», где каждой ценности есть место и цена, В.Ф. Эрн противопоставляет динамическое понимание культуры – как живого, развивающегося явления, как открытой системы, находящейся в «синтетической зависимости от творческой стихии жизни». Культура по Эрну, не гербарий и не «умопостигаемый музей» – гробница, это само цветение жизни, она самопроизвольна и богоданна. Поэтому в вечная и абсолютная ценность «не культуры, а жизни, творящей культуру»

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Нечто о Логосе, русской философии и научности // - С.79.
2. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. На пути к логизму. Сочинения. М., 1991. - С.281.
3. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. На пути к логизму. – С.281.
4. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // На пути к логизму// Сочинения, М., 1991 - С.284.
5. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // На пути к логизму// Сочинения, М., 1991 - С.284.
6. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // На пути к логизму // Сочинения. - С.283.
7. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // На пути к логизму // Сочинения. - С.281.
8. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // На пути к логизму // Сочинения. - С.285.
9. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // Культурное непонимание // Сочинения. - С.121.

Аннотация: Одну из причин кризиса философии и трагического положения культуры В.Ф. Эрн видит в недооценке созидательной природы культуры. Определив культуру как творчество, В.Ф. Эрн исходит из того, что всякое творчество есть воплощение формы (идеи) в той или иной материи (материале), то есть преодоление косности и сопротивления материала. Сущность творческого процесса В.Ф. Эрн усматривает в единстве между творцом и творением, в целостности постижения глубинных стихий жизни через преодоление творцом дисгармонии, хаоса.

Abstract: V.F. Ern supposes that one of the reasons of crisis in philosophy and tragedy in culture is underestimation of the culture creative essence. Considering culture as creative work, V.F. Ern thinks that each creative work is an embodiment of the form (idea) in some matter (material) that is overcoming of the material inertness and resistance. V.F. Ern considers the essence of creative process as the unity of the creator and the creature as the integral comprehension of the profound life elements through the creator's overcoming of disharmony, chaos, «rough material of his psychology by that his dazzling idea he feels in God».

ФОРМИРОВАНИЕ ИСХОДНЫХ ИДЕЙ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ: ОТ ПЛАТОНА ДО Ф. БЭКОНА

Эволюция технократических воззрений в контексте истории философской мысли носила перманентный характер и прошла две стадии: формирование самой технократической идеи как таковой и развитие собственно технократических концепций.

Начальный этап, предшествовавший возникновению классических теорий, связан с зарождением и эволюцией разрозненных технократических идей: созданием утопий, носящих, с современной точки зрения, технократический характер (Платон, Ф. Бэкон); осознанием отдельных теоретических оснований технократизма; формулированием системы предпосылок, первых понятий и исследовательских подходов, представлений о технике вообще, о ее роли в социальном развитии с позиций технического оптимизма. Носителей идей этого этапа в философской литературе чаще всего называют «пророками», «предтечами», «оракулами» технократизма.

По существу доклассический этап развития технократической мысли представлял собой теоретически выраженное прогностическое стремление человека традиционного общества заглянуть за обозримые горизонты социального развития. Сложность такого замысла обусловила важность и значимость не столько хронологической последовательности возникновения идей, оказавших решающее воздействие на технократические воззрения, сколько содержание этих идей.

Значимым намеком на будущие технократические замыслы следует считать идею Платона о совершенном государстве (государстве разума), управляемом специальным образом подготовленными носителями истинных знаний (философами), а не наследными сановниками. Носители истинных знаний, по Платону, как раз и обладали необходимыми социальными технологиями, применение которых позволяло построить «идеальное государство».

Государство Платон понимает в широком смысле, как совместное поселение. «Государство, - считает он, - возникает, ... когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом... Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства..., его (государство) создают наши потребности», и среди них «первая и самая большая потребность — это добыча пищи для существования жизни... Вторая потребность — жилье, третья — одежда и так далее»¹. Государство — необходимое условие личного совершенства. Основанное на разделении труда, оно способствует выявлению человеческих склонностей и их развитию.

Совершенная форма совместного существования — в прошлом, когда людей соединяли узы дружбы, они ни в чем не нуждались и все свободное время посвящали философским рассуждениям. Тогда управляли на земле сами боги. Вернуться к этому золотому веку невозможно, этому мешают постоянные войны, нужда, стихийные бедствия. Постепенно в государстве на первый план выступают стяжательство, насилие, раздор, отсутствие заботы об общем благе. В каждом государстве ныне «заключены два враждующих между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей...»².

Платон, как известно, выделял *четыре отрицательные* формы государства: тимократию — власть честолюбцев: еще сохраняются общие трапезы, правители еще пользуются почетом, воины не гонятся за материальными благами, но уже накапливаются богатства, появляется тяга к роскоши; олигархия — это уже господство немногих: власть в руках богатых, люди не совершенствуют свои способности, данные от рождения; демократия — власть большинства: усиливается раскол и насилие в обществе, зависть и злоба бедняков приводит к восстанию и «дележке» власти; тирания — наихудшая форма правления, вырождение демократии: тиран, вознесшийся на волне народного правительства, уничтожает своих врагов и подавляет соплеменников.

Возможно и другое устройство государства, основанное на идеях разума и справедливости. *Совершенное государство*, по замыслу Платона, должно было быть: а) единым, то есть в нем будет соблюдаться принцип морально-политического единства всех граждан; б) трехсословным, причем каждое сословие будет воплощать в себе одно из трех душевных начал; в) иерархическим; г) управляемым «разумным сословием»; д) управляемым на основе знания, а не мнения; е) наиболее адекватно воплощающим на земле мир идей (деятельность государства должна быть подчинена высшей идее блага)³. Не противоречит большинству концепций власти и мысль Платона о том, что совершенное государство (государство разума) должно лишь функционировать, но не развиваться.

На чрезвычайно важный для каждой технократической концепции вопрос о власти Платон отвечает по-разному. В одном случае он считает, что родится правитель-философ, сумеющий проникнуться идеей совершенного государства и сохранить верность ей независимо от окружения. В другом случае он утверждает, что осуществлять намеченный план необходимо, начиная с набора стражей. В третьем случае путь к созданию совершенного государства лежит через усовершенствование форм власти. В любом случае Платон полагает, что необходимо начать с убеждения людей в своей правоте, с убеждения в том, что в совершенном государстве им будет лучше. И тогда проект преобразования общества преодолеет черты утопичности и станет реальным.

Конечно, трудно найти правителя, который захочет прислушиваться к мнению философа, и который сам окажется философом, - но это возможно. Еще труднее переделать людей и объяснить им, что по сути природы своей они должны заниматься именно этим делом, а не чем-то другим. Но и это возможно, так как познание истины и справедливости равно самой справедливости; человек, который знает, что такое справедливость, уже в силу одного этого является справедливым.

Рассуждения Платона чрезвычайно важны для понимания того, что его совершенное государство (государство разума), которое современные исследователи, не без основания, считают тоталитарным, в значительной степени обременено признаками технократичности. Если вспомнить, что в переводе с греческого слово *techne* - означало «искусственный» и в первоначальном смысле употреблялось для противопоставления «естественного» и «искусственного», то эта мысль уже не кажется невероятной.

Однозначного ответа на вопрос, был ли Платон технократом-утопистом, - нет. Скорее всего, правильный ответ будет содержать в себе и утверждение, и отрицание. Ведь, как отмечал Карл Поппер, «чары Платона» оказались настолько сильны, что отголоски его учения об идеальном государстве можно обнаружить и во многих современных концепциях, социальных утопиях, политических программах, в том

числе и технократических по существу. В известной степени рассуждения об идеальном государстве повлияли и на представления об индустриальном (промышленном) государстве.

Объективно культура является воплощением технического овладения природой. «Технического» в широком смысле слова — как выражения человеческой «целесообразной деятельности» (по современной терминологии М. Вебера). Поэтому, на наш взгляд, вполне правомерно рассмотрение различного рода социокультурных, социополитических утопий в качестве предтеч формирования технократического сознания, технократического моделирования социального процесса.

Формирование социальной потребности в техническом совершенствовании общества и отражение ее в общественном сознании позволяют более определенно выявить механизм эволюции идеи идеального государства (государства разума) в идею индустриального государства (государства промышленного). Так, например, древние греки «уже владели техническими знаниями и научным пониманием, достаточными для того, чтобы создать индустриальные машины и предвосхитить XVIII век, — утверждает известный историк науки М.Льюэлиси. — А вместо этого придумывали механические фокусы и конструировали игрушки для развлечения во время праздников»⁴. Аристотель также считал, что изобретения «для удовлетворения необходимых потребностей» есть нечто куда менее достойное, чем, «изобретения для препровождения времени»⁵. Но, видимо, преобладание труда «говорящих» орудий, являлось серьезным тормозом в развитии техники и технократических идей. Именно поэтому государство техники (индустриальное общество) долгое время было в зачаточном состоянии, в тени идеального государства разумного управления.

Отношение цехового ремесленника к своему изделию также было в высшей степени специфично: в изделии ремесленник видел самого себя, его работа содержала моральную оценку, так как членом цеха мог быть лишь добросовестный работник, честно трудившийся и дававший только высококачественную продукцию. Забота о качестве каждого изготавливаемого ремесленниками изделия — свидетельство отсутствия массового производства, ограниченности рынка, на который они работали. Все это также сковывало интерес к технократическим воззрениям по причине ненадобности.

Однако было бы неправомерным считать Средние века полным застоем технических достижений и отсутствием технократических воззрений. Речь идет о средневековой «технологической революции», которая стала возможной благодаря двум выдающимся изобретениям: первое — это кривошип, позволяющий преобразовывать вращательное движение в возвратно-поступательное и наоборот; другое — маховик, позволяющий выравнивать неравномерное усилие двигателя, придавая равномерность вращению. В результате люди научились использовать силу ветра и воды, а ветряные и водяные мельницы стали неотъемлемой частью сельского пейзажа средневековой Европы, также как и использование воды в вальсовых, кузнечных и других трудовых процессах.

«Оказалось возможным заставить воду работать не только в обычных мельницах, где мелют зерно, но и приводить в движение различные машины: механические решета для просеивания муки, молоты в кузницах, машины в сукновальных и сыромятных. К началу двенадцатого века такие машины получили широкое распространение»⁶. Таким образом «технологическая революция» средневековья радикально преобразила производство и имела далеко идущие социальные последствия — изменение социальной структуры общества, рождение уважительного отношения

к технике. Возрастают роль и социальный статус ремесленника, изобретателя, технического специалиста. Создавалась благоприятная почва для возникновения очагов культуры. Появляются первые университеты⁷.

До идеи индустриального общества было еще далеко, но усиление интереса к этой проблематике на практическом уровне было очевидно. Следует отметить, что технические идеи не противоречили христианству, так как «согласно христианским заповедям, совершенство Бога состоит и в том, что Он создал природу в соответствии с определенными законами, а в человека вселил естественный свет разума и способность их постигать. Отсюда проистекала весьма характерная для мыслителей того времени мысль о том, что познание мира — богоугодное дело, ибо, постигая природу, мы постигаем Бога и приближаемся к Нему»⁸.

Новая волна интереса к технической проблематике стала проследиваться в философии эпохи Возрождения и Нового времени. В общественном сознании формируется идеал энциклопедически развитой личности ученого и инженера, равным образом хорошо знающего и умелого в самых различных областях науки и техники, а также разрабатывается идеал науки, в том числе и «технической», основанной на экспериментальных и математических средствах доказательства⁹.

В эпоху Возрождения создается новая социальная среда, в большой степени способствующая практической реализации достижений научной мысли и расцвету техники. Появляются инженеры-самоучки (ученые, обратившиеся к технике, или ремесленники, самостоятельно приобщившиеся к науке), конструирующие и обслуживающие ветряные и водяные мельницы, насосы, фонтаны и т.д. Со временем фигура «инженера», «техника» становится одной из основных, что обусловлено было развитием гражданских и военных технических сооружений, образцов техники. На смену средневековой анонимности мастера приходит обозначение нового отношения к ученому, инженеру, который занимает теперь место творца, подражающего творчеству божественного создателя самого бытия и равного в искусстве самому Богу, поскольку ум «истинного художника может породить идею совершенного творения, а руки его в силах воплотить сию идею»¹⁰.

Характеризуя эту эпоху, Чуковский М.А., исследователь творчества Леонардо да Винчи пишет: «...Техника доходит до состояния, в котором дальнейшее продвижение ее оказывается невозможным без насыщения ее наукой. Повсеместно начинает ощущаться потребность в создании новой технической теории, в кодификации технических знаний и подведении под них некоего общего технического базиса. Техника требует привлечения науки»¹¹.

Именно поэтому Леонардо да Винчи во фрагменте «О заблуждении тех, кто пользуется практикой без науки» писал: «Те, кто влюбляется в практику без науки, подобны кормчим, выходящим в плавание без руля и компаса... Практика всегда должна быть поставлена на хорошей теории, для которой перспектива — руководитель и вход, без нее ничто не может быть сделано хорошо в случаях живописи»¹². Для художников эпохи Возрождения живопись стала сложной наукой. Да и сами художники стремились быть одновременно и инженерами, и учеными. По мнению Леонардо, «живопись распространяется на философию природы», она «состоит из тончайших умозрений»¹³. Чертеж, рисунок, набросок — основа не только живописи, но и архитектуры, техники, в нем воплощается замысел художника. По Леонардо, именно с помощью визуальных образцов, а не вербальных описаний, можно достичь подлинного знания природных вещей и процессов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он чаще всего развивает аргументацию, пользуясь только чертежом

и обходясь минимальными словесными пояснениями. Он пытается соотнести три переменные — глаз наблюдателя, картинный план и объект наблюдения¹⁴.

Итак, значение и роль техники значительно возросли, но лишь в семнадцатом веке технократические идеи использования научных знаний для управления обществом получили свое дальнейшее развитие. Духовным вдохновителем идей индустриального общества (промышленного государства) стал «отец» промышленной революции Фр. Бэкон, который не только рассматривал технику как средство облегчения условий человеческого бытия, но и «предвидел новую эпоху, эпоху технологии и науки. Новая религия науки принесла обещание рая на земле, лучшего мира, который люди могут создать сами, благодаря знанию»¹⁵.

Провозглашенный им призыв преодолеть природу нашел горячий отклик как в сердцах технократов (эксплуатация природы через некую техническую хитрость), так и в сердцах их оппонентов (подчинение природы следовало понимать как ответственность перед природой). И, что очень характерно для формирующейся технократической идеи, в Новое время отношение «человек-природа» трансформируется в отношение «субъект-объект». Теперь человек представляется как познающее и действующее начало (субъект), а природа — как объект, подлежащий познанию и использованию. Причем субъект и объект одновременно и разделены, и связаны посредством инструментальной деятельности. Природа постепенно утрачивает образ прародительницы человеческой цивилизации, трепетное отношение (обоожествление) к природе постепенно сменяется технократическим прищуром, превращающим природу в объект воздействия, природный ресурс. Технический и социальный оптимизм Ф. Бэкона оказал большое влияние на дальнейшее развитие различных, часто взаимоисключающих направлений философской мысли, привел к возникновению «новой интеллектуальной атмосферы», основным пафос которой состоял в признании необходимости замены естественного порядка техническим.

Суть индустриального общества (промышленного государства) была изложена Фр. Бэконом в работе «Новая Атлантида», посвященная описанию государства техники, являющаяся первой собственно технократической утопией. Она появилась в 1623-1624 годах одновременно с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы. Написанная в жанре путешествия, весьма распространенном в Англии в шестнадцатом и последующих веках, «Новая Атлантида» содержит описание острова Бенсалам, находящегося в строгой изоляции от внешнего мира. Впрочем, изоляция эта носит односторонний характер: тайные посланники Бенсалама регулярно посещают страны внешнего мира, и жители острова хорошо осведомлены о происходящих там событиях и, особенно, обо всех научных достижениях и открытиях. На острове существует некий Орден или Общество, называемый «Дом Соломона», учреждение, служащее Бенсаламу «путеводным светочем» и посвященное изучению творений Господних.

Следует отметить, что не церковь, а «Дом Соломона», то есть научное учреждение, рассматривается в качестве центрального института «Новой Атлантиды», и не служители религиозного культа, а ученый-исследователь становится главной действующей фигурой этого общества. Целью этого социума является познание причин и скрытых сил всех вещей и, тем самым, расширение власти человека над природой, пока все не станет для него возможным. Такое понимание цели очень близко технократам. Использовать науку и технику для расширения власти над природой и людьми — сокровенная мечта технократов во все времена. Речь идет по существу о мастерских и лабораториях, где члены Ордена проводят свои естественнонаучные эксперименты.

Численность членов Соломонова Дома невелика — 36 человек, и только 12 из них имеют право отправляться в чужие края и привозить оттуда книги и описания опытов. Остальные разделены на 8 категорий (по трое), каждая из которых выполняет определенную функцию: «извлекают материал для опытов, содержащихся в книгах» («похитители»), трое других собирают опыты всех механических наук, свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку («охотники за секретами») и т.д. Следует обратить внимание на элитарный подход к управлению «Новой Атлантидой». Управлять может только небольшой круг избранных специалистов-управленцев, функции которых строго определены.

Программа разделения труда Соломонова Дома совпадает с теми этапами и аспектами научного исследования природы, которые Ф. Бэкон описывает и в «Новом органоне». Особого внимания заслуживает следующее правило Соломонова Дома: на своих совещаниях его члены решают, какие открытия и изобретения должны быть обнародованы, а какие нет. Относительно последних все члены научного сообщества дают «клятву о неразглашении». Хотя, из «секретных» открытий и изобретений некоторые сообщаются государству, а некоторые нет»¹⁶. Технократическая сакральность превращается, таким образом, в еще один мощный рычаг воздействия на граждан и государство.

К числу обычаев и обрядов Соломонова Дома относятся следующие: обычай сооружать статую и присуждать щедрое и почетное вознаграждение за каждое ценное изобретение; гимны и литургии, во время которых члены Ордена Соломона хвалят Бога и произносят особые молитвы о том, чтобы результаты их трудов пошли на цели благие и благочестивые; обычай посещать главные города Бенсалема, во время которых населению сообщают о новых открытиях Ордена и предсказывают всевозможные стихийные бедствия и потрясения (социальных потрясений Бенсалем, по видимому, не испытывает): эпидемии, недороды, наводнения и т.п.

Позитивные возможности государства техники («Новой Атлантиды») Ф. Бэконом неизмеримо расширены и основаны на безоговорочном одобрении технического развития существующего в ту эпоху социального организма. «Есть у нас дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения», — так рассказывает в «Новой Атлантиде» представитель Дома Соломона — технического и научного общества, сосредоточившего в своих руках изобретения, их техническое применение, научные открытия и их популяризацию. «Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большой легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая ее при помощи колес и других способов, — и получать его более мощным, чем это умеете вы... Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготавливая для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности»¹⁷. В фантастической для того времени картине, начертанной Ф. Бэконом, нет, тем не менее, ничего утопического, за исключением разве мечты о пресловутом «вечном двигателе»; картинка будущих открытий дана со строгим учетом реальных технических возможностей¹⁸.

Очевидно, что «интеллектуальная элита» (технократы) Ф. Бэкона в промышленном государстве не является вместе с тем «властвующей элитой». Члены Ордена

Соломона не вмешиваются в политическую жизнь Бенсалема. Хотя, на это можно возразить, что в Бенсалеме, строго говоря, и нет никакой политической жизни: все социальные процессы находятся в состоянии стагнации. Но и сама эта стагнация есть результат усилий не Ордена, а мудрого законодателя. С учетом этого замечания можно согласиться с мнением Д. Белла, автора теории «постиндустриальной цивилизации», называвшего Ф. Бэкона родоначальником идеи «интеллектуальной технократии». «У Ф. Бэкона в его «Новой Атлантиде», которой он намеревался заменить мифическую Атлантиду, изображенную Платоном..., король уже не философ, а ученый-исследователь. А на острове Бенсалем самое значительное здание — Дом Соломона — не церковь, а исследовательский институт, «благороднейшее учреждение... когда-либо существовавшее на земле, светоч королевства». Дом Соломона или Колледж творения шести дней есть государственное заведение, построенное «для созидания великих и замечательных творений на благо человека»¹⁹.

Мысль Ф. Бэкона о том, что власть человечества над природой обеспечивает одновременно и власть над общественными процессами, оказалась несостоятельной, а сам проект «Новой Атлантиды» — проектом еще одного мечтателя, положившего начало жанру научной фантастики. Однако, как отмечал К. Поппер, Ф. Бэкон «...стал вдохновителем промышленной революции. Он предвидел новую эпоху, эпоху технологии и науки. Новая религия науки принесла обещание рая на земле, лучшего мира, который люди могут создать сами, благодаря знанию». В то же время не следует забывать, что уже на ранних стадиях промышленной революции луддиты испытывали страх перед машинами, видя в них угрозу труду, посредством которого рабочие зарабатывали себе на жизнь. Таким образом, они предвосхитили социальное зло, ставшее бичом поздне-индустриального общества, — массовую безработицу»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Платон. Государство//Платон. Соч.: в 3-х т. Т.3. Ч.1. М., 1971. С.145.
2. Платон. Государство//Платон. Соч.: в 3-х т. Т.3. Ч.1. М., 1971. С.210.
3. См.: История теоретической социологии в 5-ти т. Т.1.- М.: Наука, 1995. С.28-29.
4. Льюис М. История физики. — М.: Наука, 1970. С.19-20.
5. См.: Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. — М.: Мысль, 1976. С.67.
6. Гайденко В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в Средние века.- М.: Наука. 1989. С.42.
7. См.: Шаповалов В.Ф. Философия науки и техники. О смысле науки и техники и о глобальных угрозах научно-технической эпохи.- М.:ФАИР-ПРЕСС, 2004. С.58-60.
8. Юревич А.В. Культурно-психологические основания научного знания.// Проблема знания в истории науки и культуры.- СПб., 2001. С.158.
9. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. — М.: Контакт-Альфа, 1995. С.296.
10. См.: Эстетика Ренессанса. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 397, 454, 539.
11. Чуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. — М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 303.
12. Эстетика Ренессанса. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С.363-367.
13. Чуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. — М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 315.
14. Горохов В.Г. Концепции современного естествознания. — М.: ИНФРА — М., 2003. С. 185.
15. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. Новое время. — ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 181-182.
16. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыта и наставления. Соч. Т.2. М., 1978. С.517.
17. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыта и наставления.- М.: Мысль. 1964. С. 157.
18. См.: История философии: Запад-Россия-Восток. — М.: Греко-латинский кабинет, 1996. Кн. II. С. 109-110.
19. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С.57.
20. Фон Вригт Г.Х. Философия техники Николая Бердяева // Вопросы философии, 1995. № 4. С. 70.

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды Платона на должное социально-политическое устройство «государства разума» и трансформация технократических воззрений доиндустриальной эпохи в идею «индустриального государства» Ф.Бэкона.

Abstract: In this article the author considers the Platon's views on the proper social and political structure of "state of mind" and the transformation of technocratic views of pre-industrial era in the idea of Bacon's industrial state.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ТЕХНОКРАТИЗМА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Появление классических концепции технократизма, созданных, главным образом, интеллектуальными усилиями Т. Веблена и Дж. Бэрнхема, было обусловлено не только достаточной индустриальной зрелостью общества, но и наличием объективных предпосылок к реальному объединению технических практиков (техников, инженеров, изобретателей), работодателей (предпринимателей, промышленников) и теоретиков (философов, экономистов, социологов и др.), что выразилось, в конечном счете, в образовании как технократической элиты, так и технократической социальной массы, разделяющей технократические воззрения.

Утверждение о «классическом характере» данных технократических теорий обосновывается тем, что именно в них был провозглашен своеобразный «манифест технократизма», обнародовавший стратегические цели технократии как зарождающейся социальной группы, осуществляющей теоретический прорыв, связанный с переходом от отдельных, разрозненных технократических высказываний к зрелой технократической теории, включающей в себя как экономические, социально-политические разделы, так и программу праксиологии, то есть системы практических действий по реализации поставленных теоретических задач. В трудах упомянутых выше Т. Веблена и Дж. Бэрнхема были сформулированы базовые ценности технократии, оставшиеся практически неизменными; «построена» своего рода метатеория технократизма, без понимания которой смысл всех последующих теорий технократизма остается неясным и будет понят весьма условно и приблизительно; создана теория, оказавшая серьезное влияние на развитие теоретических социальных воззрений.

В каком смысле мы можем говорить о метатеории технократизма применительно к рассматриваемым концепциям? Несмотря на то, что многие идеи «отцов технократизма» не были реализованы в социальной действительности, теоретическая значимость их учений огромна и во многом приобрела очертания метатеории. Традиционно под метатеорией понимают теорию, анализирующую структуру, методы и свойства какой либо другой, так называемой объектной теории. Как известно, наиболее развитый характер метатеории имеют в логике (металогика) и в математике (метаматематика). Применительно к гуманитарным и социально-экономическим наукам, как правило, о метатеориях не говорят, ссылаясь на отсутствие необходимых для метатеории признаков, например, невысокая степень формализации, отсутствие метаязыка и т.д. Однако, такого рода утверждения не учитывают специфику как гуманитарной, так и социально-экономической природы знания и затушевывают основное предназначение метатеории — исследовать действительность через призму объектных теорий, служить ключом для понимания сути этих объектных теорий, накладывать на эволюцию объектных теорий не только определенные ограничения, но и выступать мощным стимулом для реализации их креативного потенциала.

В качестве примера метатеории в социальном познании можно привести теорию марксизма. Марксизм с его учением о классовой борьбе, смене общественно-экономических формаций и т.д. можно рассматривать как метатеорию для трудящихся различных континентов мира, стран с различным уровнем экономического, по-

литического, социального и духовного развития. Марксизм как метатеория обладал способностью объяснить и английскому пролетарию, и российскому крестьянину, и монгольскому скотоводу, и жителю островов Огненная Земля, и многим другим суть происходящего, давал им метаязык с помощью которого они могли приобщиться к марксизму и на теоретическом уровне понимать друг друга.

Кроме того, во многом именно потому, что марксизм обладал чертами метатеории, он стал основой для появления бесчисленного множества концепций марксистского толка. И если марксизм стал своеобразной метатеорией для угнетенных, поработанных и обездоленных, то вполне приемлемо рассматривать классические теории технократизма как основу метатеории для менеджеров, управляющих высокого ранга, то есть всех тем, кого нередко объединяют одним словом — технократы. Классические теории технократизма можно считать метатеорией еще и потому, что в них были сформулированы социальные интересы и определен социальный статус технократии с учетом их зависимости как от господствующих, так и от управляемых слоев общества. Вполне очевидно предположить, что подобного рода метатеории имеют право на существование.

Классические концепции технократизма как метатеория явились закономерным этапом развития как историко-философской мысли, так и многих других социальных исследований. Их значение заключалось в способности: а) решать проблемы теоретического наследия технократии, исторической преемственности, опыта и традиций технократии различных стран, способных в прямой и косвенной формах влиять на политику и другие стороны социальной жизни; б) выступать как условие определенной формы теоретической и практической активности, а также как инструмент этих отношений и взаимодействий; в) являться предметом анализа, по крайней мере, на трех уровнях социального существования: индивидуально-групповом, в рамках существующей политической системы и в масштабах общества в целом.

Не будет сильным преувеличением утверждение о том, что в явном или неявном виде идеи технократизма как метатеории присутствуют и во многих современных концепциях социального развития. Это обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, технократические концепции как метатеория возникли на этапе перехода передовых социально-технических стран от традиционного общества к техногенному. Этот переход сопровождался увеличением машинного производства, возрастанием размеров техносферы в жизни социума, усилением роли артефактов, способных производить другие артефакты (станки, механизмы и т.д.), различных технологий и технических знаний у конкретного человека, хотя бы и на уровне пользователя в связи со сплошной «технизацией» быта. В работах Т. Веблена особое внимание уделено исследованию современной ему экономической организации или, как он называет, «новой индустриальной системы». Ее характерные черты — машинный процесс и инвестиции ради прибыли. Термины «индустрия» и «индустриальная система» Т. Веблен употребляет как синонимы материальному производству основанному на машинной технике.

Во-вторых, технократизм как метатеория многолик и пронизывает все сферы жизнедеятельности социума. Идеи технократизма можно отыскать в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни людей. Во многом это и обусловило междисциплинарный характер технократических исследований.

В-третьих, технократические идеи как метатеория могут исчезнуть только с

«завершением» научно-технического прогресса. Можно сколько угодно говорить об опасности научно-технического прогресса для человечества, его негативных последствиях, но отказаться от благ техногенной цивилизации способны не многие, а то и вовсе единицы. Т. Веблен ответом на вопрос, что ждет человечество в будущем, и что придет на смену современным институтам, посвятил свои поздние работы «Теория делового предпринимательства» и «Инженеры и система ценностей», в которых нашла свое концептуальное оформление стратегическая цель технократии — претензия на политическую власть.

Эта претензия реализовывалась поэтапно: в начале влиять на политическую власть, а затем непосредственно обладать ею. Захват власти и восстановление «нового порядка», по мнению Т. Веблена, возможны через «забастовку инженеров». Достаточно одного процента инженеров и техников для парализации «старого порядка» и взятия политической власти, затем необходимо создать «Совет технических специалистов» для решения всех вопросов политической и хозяйственной жизни общества. Дж. Бэрнхем, в свою очередь, утверждал, что будущей элитой общества будут не техники и инженеры, а высшие администраторы, организаторы, управляющие. Следует обратить внимание на готовность «отцов технократии» к революционному захвату власти. Этот путь они считали единственно возможным и нравственно оправданным.

С учетом высказанных рассуждений можно утверждать, что технократические концепции как метатеория — это часть теоретической культуры техногенного общества, представляющая собой систему теоретических идей, ценностей, норм, образцов поведения технократов, передаваемых из поколения в поколение, которые являются общепринятыми и служат упорядочиванием их опыта.

Классические концепции технократизма оказали серьезное влияние на другие социальные воззрения. В частности, это хорошо видно на примере исследования концепций «политических элит». Различные концепции элит, как известно, существовали задолго до возникновения классических технократических теорий. С известной степенью условности, классические теории технократизма и их последующие модификации следует рассматривать как специфическую, относительно самостоятельную группу.

В дальнейшем процесс взаимопроникновения концепций технократизма и политических элит только усиливался. Технократическая мысль оказалась под жестким влиянием элитологии, что, несомненно, сказалось на всей последующей эволюции технократизма, но, в свою очередь, и концепции элитарности во многом испытывали на себе мощное воздействие технократической мысли. Д. Белл в подтверждение этого мнения приводит тот факт, что Дж. Бэрнхем, автор концепции «революции управляющих», считал предвестником идей Г. Моска, объявлявшего, что политический процесс является постоянной «борьбой за превосходство» со стороны решительно настроенных меньшинств, В. Парето, рассматривавшего политическую историю как «движение элит», в ходе которого новые энергичные силы общества овладевают настроениями масс ради достижения власти¹.

Для развития этой мысли остановимся подробнее на идеях известного итальянского ученого Г. Моска, который утверждал, что во всех обществах, начиная с едва достигших начатков цивилизации и кончая просвещенными, существуют два класса лиц — класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более

многочисленный, управляется и регулируется первым и поставляет ему материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма.

Отмечая сплоченность группы управляющих, ее господствующее положение в обществе, Г. Моска называл ее политическим классом. Этот класс подвержен постепенным изменениям, проявляющимся в двух тенденциях: аристократической и демократической. Аристократическая тенденция развития проявляется в стремлении политического класса стать наследственным, если не юридически, то фактически. Это приводит к «закрытию» класса, к его вырождению и, как следствие, общественному застою, что влечет за собой активизацию борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе. Демократическая тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев, что предотвращает деградацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве страной, так и его качественное обновление².

Бросается в глаза, во-первых, схожесть рассуждений Г. Моска с рассуждениями Т. Веблена и Дж. Бэрнхема. Во-вторых, следует отметить размытость исходных категорий, например, в «классе управляющих» далеко не все управляют, многие просто паразитируют, в том числе и на управляющих. В-третьих, очевидность выводов, например, фиксируются аристократические и демократические тенденции, но глубинные, сущностные характеристики, касающиеся причин происходящего, отсутствуют. На этом фоне теоретические рассуждения Т. Веблена и Дж. Бэрнхема о природе властных отношений в обществе более глубоки и являются несомненным шагом вперед, ведь у них речь идет уже о критике буржуазного строя («праздный класс» и «демонстративное поведение», господство финансистов как главных реакционеров индустриального общества и т.д.), о вскрытии механизма реальной власти и т.д.

«Отцы технократизма», подобно известному элитологу В. Парето, также нередко анализ социальных процессов начинали с психологических моментов. Так, в «Трактате по общей социологии» В. Парето исходил из того, что миром во все времена правит избранное меньшинство — элита, наделенная особыми качествами: психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования). Она делится на правящую, прямо или опосредованно участвующую в управлении и не правящую — контрэлиту — людей, обладающих характерными для элиты качествами, но не имеющих доступа к руководству из-за своего социального статуса и различного рода барьеров, существующих в обществе для низших слоев. Развитие общества происходит посредством периодической смены двух главных типов элит — «лис» (гибких руководителей, использующих «мягкие» методы руководства: переговоры, уступки, лесть, убеждения и т.п.) и «львов» (жестких и решительных правителей, опирающихся преимущественно на силу). Властвование «лис», эффективное в относительно спокойные периоды истории, становится непригодным в ситуациях, требующих решительных действий и применения насилия. Это ведет к росту недовольства в обществе и усилению контрэлиты («львов»), которые с помощью мобилизации масс свергают правящую элиту и устанавливают свое господство³.

Т. Веблен (также как и В. Парето), немало внимания уделяет психологичес-

ким аспектам власти, но он дополняет их экономическим анализом, что делает рассуждения «отца технократизма» более обстоятельными в теоретическом плане. Все это позволяет выявить общие для технократии и элиты теоретические положения.

Во-первых, особые качества технократов (элиты) непосредственно связаны как с природными дарованиями, так и с воспитанием, проявляющемся в способности к управлению, борьбе за власть. Господствующее привилегированное положение стремятся занять многие люди, обладающие высокими психологическими и моральными качествами, однако, никто не хочет добровольно уступать им свои посты и положение. Поэтому скрытая или явная борьба неизбежны.

Во-вторых, персональный состав технократов (элиты) изменяется, но ее господствующие отношения к массам в своей основе остаются неизменными. Они выполняют необходимую для социальной системы функцию управления, хотя и не всегда эффективно. Стремление сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение неизбежно ведет к деградации, утрате своих выдающихся качеств.

В-третьих, глубокое различие между технократией (элитой) и массой. Выходцы из народа могут войти в элиту, лишь заняв высокие посты в общественной иерархии, однако, реальных шансов у них на это не много. Возможности влияния масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничены. С помощью денег, знаний, отработанного механизма манипулирования сознанием властвующая элита управляет массами фактически бесконтрольно. Рекрутирование технократией (элитой) осуществляется преимущественно из своей собственно среды на основе принятия ее социально-политических ценностей. Важнейшими критериями отбора являются обладание ресурсами влияния, а также деловые качества и конформистская социальная позиция.

Классические концепции, в наиболее отчетливом виде сформулировавшие аксиологию технократизма, становятся, в силу этого, также теоретико-методологическим средством анализа праксеологических представлений данной эпохи. Заметим: технократическую праксиологию, сформировавшуюся и реализуемую на базе рассматриваемых классических концепций, условно можно назвать и часто называют практикой «технократического романтизма». Почему? Дело в следующем.

Важнейшими особенностями праксиологии «технократического романтизма» были: 1) отсутствие массовой социальной поддержки, существование в виде некоего «интеллектуального изыска»; 2) просветительство, рассматриваемое в качестве главной характеристики мировоззрения технократов этого периода; 3) определенная радикальность предлагаемых в будущем методов завоевания власти. Рассмотрим содержание этих особенностей подробнее.

Во-первых, технократическое движение в начале этого периода не имело массовидного характера и было присуще лишь отдельным индивидам, обладавшим интеллектуальной силой социального предвидения, позволившей им выйти за рамки господствовавших в обществе социальных стереотипов. Практика «технократического романтизма» реализовывалась на этапе утверждения капиталистических производственных отношений, окончательно победивших ремесленничество и сильно потеснивших аграрный сектор. Это был исторически этап начала трансформации наиболее промышленно развитых стран из традиционных в техногенные. Технократы уловили суть этих изменений и активно способствовали продвижению этого процесса как социально прогрессивного.

Во-вторых, технократическая праксиология этого периода обладала ярко вы-

раженным просветительским характером, суть которого состояла в широком использовании человеческого разума для реализации социально-технического прогресса. «Технократические просветители» Т. Веблен, Дж. Бэрнхем и другие полагали, что процесс социального внедрения их идей будет результатом не только длительного, в значительной мере, морального и интеллектуального совершенствования людей, но и итогом преодоления различных форм социального диктата и тирании.

По существу, технократическая праксиология этого периода представляла собой борьбу социальной традиции и социальной инновации. На этапе «технократического романтизма» с помощью просветительства теории и практики технократизма пытались решить две важнейшие, тесно взаимосвязанные между собой задачи: популяризацию идей технократизма в среде научно-технической интеллигенции для расширения социальной базы своего движения и рекрутирования новых соратников в свои ряды. Для популяризации и привития ценностей техногенного общества среди населения «технократические просветители» активно разоблачали религиозный фанатизм, нетерпимость, активно боролись с невежеством и социальными предрассудками, всеми способами подчеркивая значимость рационализма, научных и технических знаний.

Технократические лидеры этого периода были, главным образом, теоретиками и агитаторами (пропагандистами), причем нередко одновременно. Они побуждали людей к действиям во имя «блага человечества», посредством союза разума, знания и техники. По существу речь шла о практике «технократического просветительства», которая нередко зарождалась в создаваемых государством инженерных школах для удовлетворения нужд транспорта, горного дела, инженерных потребностей войск и флота.

Это привело к учреждению различных технических школ и корпораций во Франции (Corps des Ponts et Chaussees в 1720 году, Ecole des Ponts et Chaussees в 1750 году, Ecole du Corps des Ingenieurs des Mines в 1778 году, Ecole Royale Militaire в 1753 году, Ecole du Corps Royal du Genie в 1665 году для обучения архитекторов и т.д.), в Англии подобными институтами были институты механики, а в Германии — артиллерийская и инженерная школы готовили военных инженеров, горные академии в Берлине (1775 г.) и во Фрайбурге (1765 г.) выпускали гражданских инженеров, были учреждены политехнические институты в Праге (1806 г.), Вене (1818 г.), Карлсруэ (1825 г.) и другие.

Эти инженерные школы не всегда были центрами новых наук, однако, именно там созревала идеология технократического движения. Технократическое просветительство активно реализовывалось и в рамках множества общественных организаций. В качестве примера можно привести деятельность Союза немецких инженеров, созданного в 1856 году и активно занимавшегося решением научно-технических проблем, а также осмыслением и популяризацией вопросов профессиональной этики, проблемами обучения.

В-третьих, праксиология «технократического романтизма» характеризовалась также определенной радикальностью пропагандируемых методов прихода к власти. Это было обусловлено рядом обстоятельств. В частности, столкновением двух социальных «логик»: традиционной ремесленной экономики и индустриальной рыночной экономики. На первой, наиболее ожесточенной фазе противостояния внедряемые машины или оставляли без хлеба квалифицированного ремесленника, но и обесценивали его квалификацию, навязывая ему новые виды труда и поведения. Происходит важный сдвиг в общественном сознании, оно ориентируется уже не на

образцы лучшего прошлого, а на образцы лучшего будущего. Этот мотив «прогресса» закрепляется в начале в сознании просветителей технократизма, а затем постепенно овладевает в определенной степени и общественным сознанием. Причем идея «прогресса» вовсе не означала немедленного улучшения жизни всех и каждого, а для технократии ее ценность состояла, прежде всего, в способности социальной мобилизации населения, нацеливании на определенном умонастроении и обвинении всех, несогласных с ними, а также всего не укладывающегося в рамки их теорий в реакционности.

Суть технократического радикализма вытекала из понимания того, что технический прогресс имеет свою цену, которую и должно платить общество. Радикализм практики «технократического романтизма» был обусловлен также и сложным социальным положением технократов, их зависимостью как от буржуазии, реально владевшей фабриками и заводами и порой смотревшей на инженеров свысока, так и от пролетариата, которым надо было управлять, и который, нередко, отождествлял инженеров, техников с буржуазией. Отсутствие реальных социальных союзников толкало технократов этого периода к радикальным призывам о революции как основном способе захвата власти. Т. Веблен и Дж. Бэрнхем и другие теоретики и практики технократии были уверены в том, что все работники крупного машинного производства автоматически заинтересованы в его лучшем функционировании и соответственно автоматически готовы поддерживать технократов. Основная классовая борьба идет между капиталистами (бизнесменами) и инженерами, такова была основная мысль плана Т. Веблена по революционному захвату власти.

Пропагандой радикальных взглядов на приход к власти придерживался и другой «классик технократии» Дж. Бэрнхем, изложивший свои взгляды, как уже отмечалось, в работе «Революция управляющих». Он утверждал, что реальная власть переходит от собственника к техноструктуре. У всех остальных лишь иллюзия (видимость) власти, поэтому реальная власть, повторим, — не у техников и инженеров, как считал Т. Веблен, а у высших администраторов, организаторов, управляющих, которые, собственно говоря, и являются технократами.

Необходимо отметить также и тот факт, что практика «технократического романтизма» оказалась в целом успешной. Рост промышленного производства привел к значительному количественному увеличению инженерно-технических работников, являвшихся непосредственной социальной основой для технократического движения, соответственно наметилась тенденция к увеличению удельного веса технократических идей в общественном сознании. Просветительство как главная характеристика технократического мировоззрения также принесло позитивные плоды. Идеи технократизма становились модными, причислялись к разряду прогрессивных со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

В то же время необходимо отметить, что нигде не произошло «технократических революций», да и с социально-политическими объединениями технократии результаты оказались не впечатляющими. Индивидуализация мышления труда инженеров и техников, их относительно обеспеченное положение в обществе явно не способствовали этому. Многим из них было что терять. Радикализм технократии не оправдал себя и постепенно сошел на «нет», эволюционизировав в «экспертократию».

Таким образом, рассмотрение социально-философских концепций, которые считаются «классикой» технократизма, в их развитии действительно служат своего рода социальной метатеорией, инструментом анализа, позволяющим рассмотреть в

историческом аспекте ряд особенностей конкретных технократических воззрений периода формирования индустриального общества, выявить как их позитивные черты, заложившие историческую перспективу дальнейшего развития, так и определенный утопизм, и историческую ограниченность, наиболее очевидно проявившиеся в попытках практической реализации выдвинутых воззрений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования.- М.: Academia, 2004. С.122-123.
2. См.: Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С.187-189; Он же. The Ruling Class. № 4, London: Mc Grav-Hill, 1939. P.53; Он же. Teorica dei governi e governo parlamentare. Turin, 1925. P.36-37.
3. См.: Pareto V. Mind and Society, № 4, 1935. V. 4. P.227-231; Он же. Sociological Writings. Transl. By D. Merfin. London : Pall Mall Press, 1966. P. 51, 57-60.

Аннотация: В статье показывается процесс формирования базовых ценностей, объединяющих как все концепции технократизма, так и программу технократической прaksiологии в последующих этапах эволюции техногенного общества: рассматриваются основы формирования метатеории технократизма как инструмента анализа последующих технократических концепций, социально-политических движений и прaksiологии технократии; проводится сравнительный анализ классических концепций технократизма и концепций элитаризма; в завершение рассмотрена прaksiология «технократического романтизма» в период классического индустриального общества.

Abstract: Forming of Technocratic Conceptions as a Methodological Instruments of The New Era In this article the author considers the process of forming the basic values, which combine both the conception of technocracy and the program of technocratic praxeology at the next stages of the technogenic society. The bases of forming the metatheory of technocracy are considered as the instrument of following technocratic conceptions, social and political movements and praxeological technocracy. The comparative analysis of classical technocratic conceptions and the conceptions of elitism are carried out. The praxeology of technocratic romanticism is considered during the period of the classical industrial society.

Овчаренко А.А.,

Мордовский государственный университет,
им. Н.П. Огарева (г. Саранск),
аспирант кафедры философии
для гуманитарных специальностей

ПРОБЛЕМА НАСЛЕДИЯ ИСИХАЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Обращение к истокам культуры, к проблемам духовности российского общества, суть которых в том, что религиозная традиция принесла не только оживление важнейших элементов русского православия, но и новые формы конфессиональной культуры, святости. Например, наследие исихазма, которое было характерной особенностью духовной традиции многих народов, воспринявших византийские культурные традиции. В России православно-нравственный этос, привнесенный от византийской святоотеческой традиции, получил новый импульс к развитию именно на исихастской основе (XIV-XV вв.).

Прежде всего, нам хотелось бы акцентировать внимание на том факте, что богословское наследие Григория Паламы впитывает и вбирает в себя практически все богатство православного богословия. Сам Палама был не только талантливым учеником предыдущих богословов Византийской церкви, великолепным интерпретатором, но и самостоятельным мыслителем, который сумел создать совершенную богословскую систему.

В самом общем виде мировоззрение Григория Паламы базируется на двух постулатах. Первый заключается в утверждении тварного характера мира, который отличается от Бога именно своей сотворенностью и может быть выражен словом «фисис». В природе, в окружающем мире, как в зеркале, отражается Божественный замысел о человеке.

Следующая главная мысль Григория Паламы состоит в том, что человек достигает своего совершенства в общении с Богом. И это совершенство было явлено нам Богочеловечеством. Наш разум, продолжает свою мысль Палама, обладает доступом к Богу. Но познание сущности Бога в полной мере ему не доступно, она познается с помощью метода апофатики или посредством отрицания. Иоанн Мейендорф говорит, что Палама утверждает возможность некой интуиции божественного через творение Божие, через окружающий мир, где присутствуют божественные силы или энергии³.

Исходя из положений апофатической традиции восточного богословия, Григория Палама учит, что Бога нельзя полностью познать в Его сущности и невозможно в этом процессе применить какие-либо определения, понятия и т. д. Сущность Бога, таким образом, неопределима, невербализуема, т. е. невыразима словами. Однако это отрицание возможности понимания сущности Бога нельзя трактовать таким образом, что Бога познать принципиально невозможно.

Палама утверждает (и это было главным пунктом в его богословской системе!), что Бог проявляет Себя в мире и дает человеку возможность обнаружить Свое присутствие в нем. Для обозначения этой возможности Палама употребляет слово «энергия». Энергии являются «образами Сущего», посредством которых Бог принимает участие в творении. Одной из таких энергий и является Фаворский Свет. В сущности, как всякая энергия Божества, этот Свет не создан, но вместе с тем он не является и равным Богу в своей сверхсущности. Палама пишет, что «Бог называется Светом не по существу, а по энергии».

Известный историк Византии Г. М. Прохоров считает, что суть богословской доктрины Григория Паламы можно выразить в следующих тезисах: «во-первых, Свет Фаворский не есть ни сущность Божия, ни тварь, но энергия сущности; во-вторых, энергия сущности неразделима с ней и неслиянна с нею; в-третьих, энергия сущности не тварна; в-четвертых, энергия сущности не вносит разделения в самую сущность и не нарушает ее простоты и, наконец, самое главное - в сущности Божией тварь не может участвовать, в энергии же — может»⁵.

В этих словах заключена квинтэссенция учения Григория Паламы. С момента воплощения Бога, с момента Его явления миру, учил Григорий Палама, Его не следует искать где-то вне нас: Он находится внутри нас; фактически именно присутствие Бога делает возможным приобщение к Нему всей твари, и в том числе человека.

Палама задает вопрос: почему возможно общение Бога и человека? Да прежде всего потому, что человек создан по образу и подобию Божию и он занимает одно из главных мест в этом мире. Он соединяет мир земной и мир горний, он своего рода микрокосм, который объединяет все созданное в одно целое. «Человек - это большой мир, заключенный в малом, является сосредоточием воедино всего существующего, возглавлением творений Божиих»¹.

По мнению Григория Паламы, соединиться с Богом и общаться с Ним невозможно, если душа наша «не очищена», если мы не находимся под действием «умного чувства». Палама описывает особое духовное состояние человека, особый настрой его души, когда он фактически отделяется от земного мира и соединяется с божественным; весь его внутренний мир озарен особым божественным Светом. Вот этот момент он и называет исихией.

Важно также отметить, что Бог обнаруживается в каждой из Своих энергий. Так как свет то озарение — не умопостижение, разве что назвать их так по омонимии ... ради действующего энергиями неизреченной благодати: ибо она есть боготворящая энергия ... и всего больше это обнаруживается у человека ангельски просвещенного и улучившего обожение; такой ..., созерцая свет неявленной и пренеизреченной славы и сам вместе с вышними силами становится «восприемником блаженной чистоты».

Григорий Палама особо подчеркивает, что обожение выступает как конечная цель существования человека, его истории. Важно обратить внимание на, казалось бы, очень небольшое, но емкое утверждение мыслителя о том, что человек изначально предназначен и изначально призван, предрасположен к обожению, к соединению с Богом. Очень плодотворными в богословском плане являются рассуждения Паламы о сущности обожения. Палама утверждает, что его смысл заключается в преображении всего человека. Впоследствии, когда происходит духовное преобразование человека, преобразается и окружающий мир. Обожение не идея, не теория и не догма, а прежде всего и больше всего факт внутренней жизни.

Особенно привлекательной и интересной является мысль Паламы о том, что человек призван к свободному сотрудничеству с Богом, которое передается в особом понятии - «синергии». Именно благодаря ей человек способен участвовать в преобразовании окружающего мира, преобразаясь при этом духовно и сам.

Учение Григория Паламы для нас значимо еще и в том плане, что в нем нашло свое воплощение новое понимание мира и человека. В сущности, в переходных моментах истории порой осознанно, порой бессознательно ставился вопрос о бытии и назначении человека. Григорий Палама в рамках богословской традиции поднимал вопросы сугубо философские. Вот как об этом говорил архимандрит Киприан

(Керн): «Вся церковная мысль на протяжении многих и блестящих веков своего роста бесстрашно впитывала в себя философские учения и синтезировала их в своем богословском сознании. Отцы и учителя древности с необыкновенною для теперешнего состояния церковного богословствования смелостью воспринимали учения эллинских и других философов и не боялись извлекать зерна истины из их произведений. Современного им запаса философского опыта они не чурались и были вполне на высоте философских достижений своего времени... Это свидетельствует о необыкновенной свободе духа отцов Церкви золотого периода ее цветения, об их непредвзятости и широте их взглядов»².

Учение Григория Паламы оказалось созвучным русской философии. Стремясь органично рассмотреть человека в его бытии, призывая его принять активное участие в преобразении окружающего мира, Григорий Палама становился особенно понятным философскому творчеству Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, братьев Трубецких, отца Павла Флоренского, вписываясь в контекст русской философской традиции.

Вопрос о человеке трактовался Паламой своеобразно и необычно. Кажется, понимание того, что человек состоит из души и тела, что человек призван к служению Богу, - высказывания довольно обычные для богословия. Однако богословская мысль Паламы предельно обостряет проблему включенности человека в изменение окружающего мира и понимания человека не просто как венца творения Божия, а как Его помощника, соратника.

В богословии Паламы разрешается очень важная проблема: он фактически согласовывает свой внутренний мистический опыт с философией; он преодолевает бездну между человеком и Богом, между Творцом и миром, - и это преодоление заключается в возможности «увидеть» вечную первооснову мира.

А творчество человека в паламизме предстает многоаспектно и разнопланово: оно может быть и духовным, и материальным. Если раньше велась речь о человеке разумном, о человеке духовном, о человеке как о творении Божиим, то у Григория Паламы мы встречаем такую характеристику человека как «человек творческий».

Итак, антропологическая проблематика византийского богословия обширна и многогранна. Мы затронули лишь некоторые ее части, и все же еще раз подчеркиваем тот момент, что человек в византийском богословии понимается как творческая личность, способная к преобразованию окружающего мира, несомненно, при помощи Бога. Это преобразование делает человека равным Творцу.

Среди современных исследователей воздействия исихазма на отечественную духовную культуру довольно интересные подходы наблюдаются в творчестве С. С. Хоружего, А.А. Гагаева, В.В. Быкова и других отечественных ученых, которые рассматривают специфику воздействия исихастского наследия Византии на «топику» российской духовной культуры и отмечают то обстоятельство, что восточная патристика развивала антропологию цельности, когда понятие обожения становилось общим звеном, где соединялись аскетика и богословие. Оценивая значение Григория Паламы, они выделяют такую специфику его творчества, что с его богословием в орбиту православного умозрения входит новое фундаментальное понятие - «энергия»⁵.

Реализация сотрудничества человека с Богом осуществляется в синергии, которая, в понимании Паламы, является сотрудничеством человека и Бога, гармонично сочетает человеческую свободу и божественную благодать. Именно этим принципом определяются отношения между миром, Богом и человеком.

Подводя итог рассуждениям св. Григория Паламы об обожении, можно сказать, что оно понимается как обожение всей природы и как обожение человека. Палама утверждает возможность преображения природы человека в Фаворском Свете. Он говорит, что возможность обожения присуща всем людям, но достичь ее может только тот, кто прилагает к этому определенные усилия, кто стремится к «умному деланию», к изменению своего внутреннего мира. Возможность синергии человеческой воли и благодати является необходимым условием обожения всего рода человеческого и каждой личности. Учение Григория Паламы о человеке явилось в сущности новацией. Он по-новому осмыслил суть человека, его место и роль в этом мире. В общении с Богом человек приобретает возможность раскрыть свой высший смысл, он способен подняться до такой высоты, когда Творец и сотворенное воспринимаются как единое и неделимое целое.

Влияние идей Григория Паламы, его предшественников и последователей на русских мыслителей не вызывает сомнений. Идея о явлении Бога в мире в образе человека (в понимании Флоренского, например) создала благоприятную почву для признания человека самостоятельным и потому нравственно ответственным за себя перед Богом. С.Н. Булгаков также постоянно говорит о преемственности своих взглядов со святоотеческой традицией, которая рассматривает творчество человека в неразрывном единстве с образом и подобием Бога. Образ Божий, в понимании философа, в человеке – это своеобразная онтологическая основа, которая является неким основанием для творчества человека, подобие Божие означает своего рода цель для человека, высокую цель, когда он осознается как творческая личность. Подобие Божие рассматривается им как смысл своей жизни. Необходимо подчеркнуть, что образ и подобие Божие находятся в человеке как соотношение идеи и действительности.

Византийские мыслители считали, что вся полнота человеческой жизни раскрывается в Боге. Человек способен обрести бессмертие в Нем; творя добро и утверждая добро, он приближается к Богу. В целом всё религиозное наследие культуры Византии говорило о непреходящей ценности человеческого бытия и отдельной личности. Общаясь с Богом, человек не теряется в Нем, а, наоборот, проявляет свою индивидуальность, обретает полноту своей жизни. Богопознание ведет человека к раскрытию всех его творческих возможностей, становится смыслом его жизни. Если западная духовная традиция, берущая начало от блаженного Августина Аврелия, утверждала, что человек может собственными силами достичь спасения, то византийская богословская мысль говорила о совместном усилии Бога и человека в этом величайшем деле. Ее и продолжила русская философия.

В имперский период российской истории продолжает сохранять достаточно существенное положение в общей структуре российской духовной культуры один из важнейших элементов византийского духовно- нравственного наследия – ортодоксальная церковность. Парадоксальность сложившейся к середине XIX столетия «духовной ситуации» состояла в том, что, несмотря на превращение церковных структур в бюрократический механизм государства, в русском обществе того времени возрождалась уникальная по своей динамике роста религиозная деятельность, подготовившая во многом русский религиозный ренессанс XIX-XX вв.

Исходя из сказанного, важно понять, что многие проблемы нравственного бытия нашего общества неразрешимы только законодательными или административными мерами. Современная потребность в сохранении и развитии морали общества и размытость прежде доминировавших социокультурных ценностей, вновь

заставляет нас обратиться к изучению традиционного духовного наследия культуры России. Важно ее воссоздавать в настоящем, используя духовное наследие как наставление и урок будущим временам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолствующих. — М.: Канон, 2003. — С. 320.
2. Киприан (Керн). Антропология Св. Григория Паламы. - Париж: Имка-Пресс, 1950. - С. 48.
3. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. - Нью-Йорк, 1985. С. 339. Климков О., священник. Опыт безмолвия. — СПб.: Алетейя, 2001. - С. 151.
4. Прохоров Г.М. «Исихазм» и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. - Л., 1968. — XXIII. - С.104.
5. Хоружий С.С. О старом и новом. — СПб.: Алетейя, 2000. - С. 25.

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу понятия, становления и развития исихазма, которая рассматривается как искомая цель, к которой стремилась русская философия. В ней обосновываются методологические принципы введения данного понятия через установление его отличий и связи с духовным познанием, мистикой, наукой, религией и моралью. Прослеживаются предпосылки развития философии Г. Паламы, ее влияние на русскую духовную культуру и философию. Анализируются такие важнейшие аспекты исихазма как религиозный и антропологический, в рамках которых рассматриваются проблемы трансцендентно-имманентного синтеза в понимании абсолюта. Вскрываются противоречия и намечаются пути дальнейшего развития исихазма на почве традиции русской философии и развития духовной культуры

Abstract: The thesis is devoted to an all-sided analysis of the concept and formation of isyhasm, which is considered as the required purpose to which Russian philosophy aspired. The methodological principles of introducing this concept through an establishment of its differences and connections with spiritual knowledge, mysticism, science, religion and morals are substantiated. The preconditions of development of philosophy of G. Palamas, and their influence on Russian spiritual culture and philosophy are traced. Such major aspects of isyhasms - religical and anthropological are analyzed, and within the framework of which the problems of transcendental-immanent synthesis in understanding the Absolute. The contradictions and the ways of the further development of metaphysics of faith, as on the ground of tradition of Russian philosophy and development of spiritual culture .

Родкин Д. О.,

*Московский государственный областной университет,
соискатель кафедры философии*

СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РАННЕДАОССКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ В ПЕРИОД ЧЖАНЬГО

Период Чжаньго («Воюющие царства», 481 – 221 гг. до н. э.) явился поворотным для мировоззренческих устоев древнекитайской цивилизации. С одной стороны, на перемены в восприятии окружающего пространственного континуума у большинства населения повлияли социально-экономические процессы, отличавшиеся бурным новаторским характером (в частности, начало разложения общинных отношений, усиление общественной дифференциации; большой скачок в области рациональных знаний, рождение новых технологий и создание новых вещей для удовлетворения возросших материальных потребностей). С другой стороны, мировоззренческие изменения были связаны с появлением новых возможностей для реализации на практике интенсивных культурных процессов, которые уже обозначились в Китае перед наступлением периода Чжаньго: формирование национальной философской мысли и выделение самостоятельных философских направлений и школ, включая даосизм с его сотериологией [1] и конфуцианство; становление национальной письменной культуры, которое сопровождалось возникновением книги как таковой, созданием первых письменных поэтических памятников и образцов художественной прозы.

В целом, на данном хронологическом отрезке существования древнекитайской цивилизации, восприятие природного континуума уже не могло исходить из прежних, родовых стандартов, так как он становился в большей степени открытым для значительного самостоятельного физического воздействия человека. И в ходе творческого переустройства среды собственного обитания индивидуум стремился по-новому осмыслить актуальность своего бытия. При этом, на фоне кризиса родовой организации, перехода и взаимоналожения архаических, новых форм и модусов мышления обострялась собственно проблематика конечности человеческой жизни. Отсутствие в китайской архаическом наследии полноценного, устоявшегося учения о бессмертии души толкало человека нового времени к попыткам идейно-теоретического обоснования возможности максимального продления своего земного существования, что наиболее полно нашло отражение в прагматическом направлении раннедаосской сотериологии.

Однако, в период Чжаньго появились и прямо противоположные воззрения о сути человеческого воплощения, характерные, в частности, для непрагматического направления раннедаосской сотериологии. Такие идеи несомненно принадлежали людям, достигшим наиболее высокого уровня осознания окружающего мира и себя в системе его отношений: об этом уже может свидетельствовать сам факт отсутствия у них всякого страха перед неизбежным концом своего земного бытия и, соответственно, каких-либо концептуальных положений о ценности долголетия и принципиальности достижения физического бессмертия. Это наглядно демонстрирует возможности духовной потенции человека, способной подняться над «духом своего времени», особенно в переходные моменты истории, преодолеть низкие импульсы (такие, к примеру, как стремление к материализации ценностей жизни) и стать сопричастной побуждениям, направленным на поиск высшего смысла существования

в природно-социальной целостности.

Стержневым моментом раннедаосской сотериологической прагматики является утверждение высокой степени реального потенциала человеческих психофизических ресурсов и возможности их непосредственного использования в целях решения проблематики ограниченности человеческого воплощения. Конкретнее, это выражалось в выработке методик преобразования, принудительной регуляции постепенно изживавшейся ритмики биологических процессов в организме вплоть до ее универсализации, которая заключалась в достижении следующего:

- 1) длительного и бесконечного продления жизни (бессмертия);
- 2) обретения нового сакрального статуса, которое рассматривалось как особое совершенное психическое состояние;
- 3) получения особых сверхъестественных способностей.

Факт отсчета активной фазы распространения данных идей именно в период Чжаньго не является случайным, так как время масштабных изменений, грандиозных новых открытий в древнекитайской цивилизации давало человеку, вовлеченному в них, весомый повод задуматься о самореализации в духе приближения к божественным свойствам и атрибутивности.

Территория наибольшей популярности раннедаосской прагматической сотериологии распространялась на центральные районы древнего Китая, главным образом на бассейн среднего и нижнего течений р. Хуанхэ, а также северо-восточные, приморские области. Ее натуралистические элементы во многом проистекали из мировоззренческого базиса человека, экстравертного психотипа эпохи Шан-Инь (XVI – XI вв. до н. э.), при идейном корректировании эпохи Чжоу (XI – III вв. до н. э.), а спиритуалистические составляющие, функционировавшие во многом на уровне даосской космографии, являлись переработанными в духе прагматики заимствованиями из сакральных традиций южнокитайской цивилизации Чу (XI – III вв. до н. э.).

Обозначить четкий временной контур зарождения психофизических практик достаточно трудно. Тем не менее, историография древнего Китая, по крайней мере на рубеже VII – VI вв. до н. э., не позволяет серьезно усомниться в наличии определенного круга подвижников, занятых комплексом дыхательных упражнений и макробиотикой для изменения, универсализации привычных человеческих психофизических характеристик. Для этого, в частности, «Двенадцать нефритовых табличек» (археологические находки 1972 – 1974 гг. неподалеку от г. Чанша, современная провинция Хунань) рекомендуют “задерживать воздух, направляя его мысленно вниз, где он... должен увеличиться, стуситься и «пустить ростки»; после чего его следовало вновь направить вверх, чтобы оно достигло темени” [2].

Можно утверждать, что уже в это время фактор достижения бессмертия начинает получать весомые мирские импульсы, т. е. перестает являться уделом исключительно мифических персонажей. В частности, сохранилось свидетельство о царе-вике Цяо, наследнике реального правителя одного из самостоятельных государств Лин-Вана (571 – 544 гг. до н. э.), который удалился на священную гору Суншань и с помощью некоего старца-отшельника якобы овладел секретами обретения вечной жизни [3].

Прагматическое направление раннедаосской сотериологии, в силу неспособности предшествующих ему и значительно устоявшихся в социуме мировоззренческих коллизий оптимизировать аморфные представления о загробном бытии духовной оболочки человека, вряд ли обеспечил бы перспективу идеям, схожим с

концепцией «вечного неуничтожимого духа в своей единичности» (по примеру буддистской традиции, которая стала популяризироваться в Китае позднее, со II в. до н. э.). Любые попытки теоретизирования в этом направлении были бы втянуты в вакуум вероятностных предположений, в то время как ситуация с сознанием китайца периода Чжаньго, впитывающим одновременно и поистине революционные изменения в складе привычного ему мироздания, и его кризис, требовала революционных же новаций в мировоззрении.

Поэтому, если культура древнеиндийской цивилизации, в большинстве своем проникнутая тенденцией созерцательного отношения к привычному миру, восприятия его как «иллюзии» (не ирреальности, а всего лишь ложной видимости для несовершенного, «непрозревшего» человека), позволила утвердить в сознании ее представителей идею множественной реинкарнации души (до тех пор пока не произойдет «прозрения истины»), то превалирующая экстравертная ментальность в древнекитайской цивилизации логически направила сотериологическую прагматику на выдвижение тезиса о бессмертии целостного психофизического естества индивидуума, в котором определяющим являлся аспект сохранения телесной оболочки, как соединительной субстанции разрозненных душ.

Кратко это понималось следующим образом: чтобы обессмертить дух, сначала таковым нужно сделать плоть. Благодаря медицинским трактатам IV – III вв. до н. э. [в частности, «Тай чань шу» (“Книга о зародышах и родах”), «Хэ Инь-Ян» (“О единении сил Инь-Ян”), «Ян шэн фан» (“Способы пестования жизни”)]; критическим свидетельствам из памятников раннедаосской философской мысли [«Дао-дэ цзин», «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы»]; кругу более поздних произведений [в частности, работам теоретика учения «Сянь сюэ» (“Учение о бессмертии”) Гэ Хуна (284 – 363 или 283 – 343 гг. н. э.), таким как «Баопу-цзы», «Шэнь сянь чжуань» (“Жизнеописания святых бессмертных”)] можно сделать вывод о том, что даосская прагматическая сотериология уже в период Чжаньго претерпевала становление по нескольким виткам. Это были «внешняя алхимия» (табуирование той или иной области жизнедеятельности индивидуума, в частности, определенной пищи с целью предотвращения деструктивных физиологических процессов; попытки достижения страны бессмертных Пэнлай в Тихом океане с целью получения снадобий «вечной жизни») и «внутренняя алхимия» (совершенствование обычной, грудной дыхательной ритмики; трансформация сексуальной жизни; выработка на более высокой стадии психофизической деятельности некоего «бессмертного зародыша»).

В целом, раннедаосскую прагматическую сотериологию нужно рассматривать как явление соответствующее духу цивилизационных перемен в период Чжаньго. Использование её, как сплава собственных, дифференцированных нормативов прежнего архаического пласта, так и свойственных культурным традициям сопредельных народов [4], насыщало новым энергетическим потенциалом шан-иньско-чжоусские мировоззренческие устои и, несмотря на всю субъективность, удачно создавало видимость перспективы в решении проблематики человеческого воплощения.

Сотериологическая рефлексия, свойственная даосским философам периода Чжаньго – Лао-цзы (Ли Эр), Ле-цзы (Ле Юйкоу) и Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу), напротив, дистанцируется от следования прагматическим идеалам, таким как: 1) материализация ценностей земной жизни; 2) возвеличивание исключительного статуса человека; 3) реализация длительной или вечной фиксации его психофизических составляющих.

Это проистекает из интровертного архаического (южнокитайская цивилиза-

ция Чу) и предфилософского базиса даосской философии, который на этапе масштабного становления национальных идеологических систем позволил ей ярко проявить дух аксиологического релятивизма и, вместе с тем, не впадать в абсолютизацию критериев морально-нравственного, эстетического планов.

Из рефлексии философского даосизма в гносеологическом плане (выражение сомнения в возможности получения достоверной информации о мироздании через логически-дискурсивный метод познания) следовало как его онтологическое утверждение в русле признания относительности, неопределённости формы, структуры наблюдаемого мира, его элементов, порождений, так и, выдержанное в соответствующем духе, понимание сути человеческого воплощения. Согласно представлениям Лао-цзы, Ле-цзы и Чжуан-цзы, человек — это не самодовлеющее, не самодостаточное и не чётко фиксированное порождение космоса, а нечто, соотносимое с «путешествием» между двумя «бесконечностями»: природой и Дао. Поэтому, целенаправленное обособление человеческой жизни от естественно-природной, стремление к универсализации психосоматических данных: это, с одной стороны, тесное и опасное вовлечение в эгоцентризм, а с другой — следствие принадлежности двум вышеназванным «бесконечностям» (природа и Дао), мыслимым по отдельности и противопоставляемым друг другу.

Важный момент воззрений даосских философов в отношении человека связан с проблемой истинности реальности, в которой протекает его жизнь. Это хорошо видно на следующем примере из трактата «Чжуан-цзы»: "Как мне знать, не раскаивается ли мёртвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьёт вино, наяву плачет: тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют..." [5]. Соответственно, для спящего или бодрствующего реальностью выступают их сон или состояние бодрствования.

Идея данного отрывка выражает критическое отношение философского даосизма к идеализации земной жизни и восприятию её фазовых составляющих — рождения и умирания, как жёстких ограничителей проявления самости человека. Результатом этих заблуждений и становится часто поиск разрешения насущной проблематики существования в прагматическом русле, в то время как: "веление судьбы, развитие событий: рождение и кончину, жизнь и её утрату... он (подлинный человек) воспринимает как смену дня и ночи. Ведь знание не способно управлять их началом. Поэтому он считает, что из-за них не стоит нарушать гармонию внутри себя, нельзя допускать их к себе в сердце. Он предоставляет им гармонично обращаться, а сам не утрачивает радости; предоставляет дню и ночи сменяться без конца... Вот это и называется целостными способностями" [6].

Судя по данному высказыванию из трактата «Чжуан-цзы», человеку излишне стремиться к достижению бессмертия, так как он уже субстанциально бессмертен. В этом отношении показательна натурфилософская концепция о пневме Ци, которая во многих философских памятниках Китая IV — III вв. до н. э. («Гуань-цзы», «Мэн-цзы», «Цзо Чжуань», «Си цы чжуань», «Хэ Гуань-цзы») считалась одной из форм существования мировой пневменной субстанции — изначальной пневмы-эфира Юань-Ци, никогда не исчезающей, а лишь меняющей свою консистенцию. Но первоначальную идейную разработку пневма-эфир получила как раз в даосском трактате «Чжуан-цзы», в качестве пояснения взаимосвязи начальной и конечной фаз человеческой жизни. Согласно этому произведению, преобразование в концен-

трированный вид, сгущение Ци как раз и приводит к рождению человека, а её последующее разрежение — к прекращению его земного бытия.

Тем не менее, в современной российской философии достаточно распространена точка зрения о том, что стержневая идейная канва даосских философских произведений — «Дао-дэ цзин», «Ле цзы» и «Чжуан-цзы» — включает в себе всё же два сотериологических плана. Второй, явно прагматический, не оспаривая субстанциональное бессмертие, указывает на драматизм потери человеческой индивидуальности, её неповторимости и незавидную перспективу последующего воплощения, например, в «лапку насекомого или печень мыши», и поэтому направляет на «достижение осознанного единства с сущностными механизмами процесса космических перемен» для обретения субъектного (активное самопреобразование), а не объектного (пассивное следование) статуса вселенских трансформаций, и соответственно, овладение магическими способностями (чудотворение) [7]. На первый взгляд, смысл вышеприведённого отрывка о «подлинном человеке» из «Чжуан-цзы» можно пытаться истолковывать в соответствии с данной позицией, однако, при этом, характеристика такого индивидуума будет явно противоречить, во-первых, духу самой даосской философии, во-вторых, своеобразию семиотического выражения ее идей. В таком случае, можно буквально воспринимать все метафорические обороты даосских текстов, в частности, известное указание на то, что «Ле-цзы ходил по ветру», в то время как это образное выражение того, что он «перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего» [8].

Внемировой оптимизм «подлинного человека», согласно воззрениям даосских философов, основывается на сопричастии вечному источнику жизни, отнесённому в область человеческого сердца — Лин фу (часто трактуется как «духовное вместилище»), некому «космическому элементу», «космическому зачатку», или Чжэн Во («истинное Я»), который у большинства людей непроявлен в силу уподобления всеобъемлющей деятельности «эго», или Цзя Во («ложное Я»; собственно, выведение самого себя, самоосознания из идеального представления действительности в уме, осуществляемого посредством логического дискурса), и его ложным мировоззренческим конструкциям.

В связи с этим, не включает в себе противоречие тот факт, что с одной стороны, даосская философия отвергает прагматические побуждения к достижению личностного бессмертия и использование для этого регламентированной психофизической практики [например, «вдыхая прохладу, выдыхая тепло, упражняют дыхание, освобождаясь от старого, воспринимая новое, висят на деревьях, точно в спячке медведи, точно птицы, ради долгих лет жизни, и только. Это любят мужи, проводящие в себе путь, питающие свое тело, добиваясь долголетия Пэн Цзу» [9]. С другой стороны, она всё-таки акцентируется на ценности преобразования устоявшейся, по сути испортившейся за годы жизни дыхательной ритмики человека, что хорошо видно, в частности, в рассуждении Чжуан-цзы о преимуществе «пяточного» дыхания древних людей перед общепринятым [10]. В данном трактате, как и в других произведениях даосской философии, провозглашается целесообразность не методического и принципиального тренингового уподобления, а именно нормализации, своего рода «отпускания» дыхания, при котором происходит самовозвращение его в такую форму, которая природой была заложена изначально.

Естественная дыхательная ритмика рассматривается философским даосизмом как первый этап на пути к истинному человеческому совершенству. Второй

этап — осознание преходящего, временного характера человеческого «эго» (Цзя Во) и вечного бытия «космического зачатка» (Чжэн Во), пребывающего на протяжении земной жизни на вторых ролях в силу повышенных личностных притязаний, осознание функциональной значимости как раз последнего. Данный процесс реализуется путём самосозерцания, как бы «взгляда со стороны» на деятельность собственного ума, по возможности, без оценочного суждения и уподобления сменяющимся психическим состояниям [11]. В результате, «самонаблюдающий», «самосозерцающий» индивидум со временем постепенно разтождествляется с укоренившимся в нём, по большей мере, негативным психологическим климатом, избавляется от переживаний и страхов ввиду неизбежного прекращения своего земного бытия, как мировоззренческими реакциями, порожденными мыслительными стереотипами.

В общем, даосской философии присущ характер всеприятия жизненных процессов, как позитивных, так и негативных, с целью последующего ненасильственного, созерцательного их изучения, в противовес теоретизированию о возвращении положительных качеств и отторжении отрицательных, которое было свойственно мировым религиозным концепциям, или всемерному отвлечению от окружающего бытия, по примеру индуизма. Кульминация совершенства по философскому даосизму базируется на полной идентификации человеческой сущности с сущностью вселенной, «растворении» в ней своей самости, — иначе говоря, прозрение человеком космоса как того, что неотделимо от него и является им.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Раннедаосская сотериология — в даосизме V в. до н. э. — I в. н. э. — это комплекс идей о трансцендентальном разрешении проблемы конечности человеческой жизни. Главные векторы: а) *прагматический*: увековечивание самости индивидума, достижение им духовно-телесного бессмертия; б) *непрагматический*: снятие проблемы конечности жизни через ее осознание как элемента единого потока трансформаций космоса.
Термины «прагматический» и «непрагматический» по отношению к ветвям раннедаосской сотериологии избираются автором с целью конкретизировать их суть. Выбор таковых, ввиду существующих «плавающих», нечетких определений, применяемых для данного раздела и всего даосизма в целом («философский» и «религиозный»), не случаен. Само понятие «прагматизм» в философии (от греч. *pragmatos* — дело, действие), в первую очередь, связано с возникшим в 70-е гг. XIX в. в США этическим учением с аналогичным названием. И, в частности, истина в Прагматизме толкуется не как отражение объективной реальности, а как практическая полезность, удовлетворяющая субъективные интересы индивидума. Поэтому, применяя понятие «прагматического» для первого идейного вектора сотериологии, автор исходил из, по большому счету, субъективного духа попыток достижения духовно-телесного бессмертия, а понятие «непрагматического» — для второго вектора, признавая его, как, в значительной степени, свободного от субъективности первого.
2. Торчинов Е. А. Даосские практики. СПб., 2001. С.43.
3. Великая загадка даосизма // Тайная власть. 2003. №23. С.3.
4. В частности, методика мумификации умерших, распространённая среди тибетских кяней, послужила основой для даосской концепции Ши цзе («освобождение от трупа»). Вероятно, это было вызвано потребностью решения одной из главных религиозных проблем Китая — сохранения жизнеспособности духовной составляющей человека после прекращения его биологического существования. По крайней мере, кяньские достижения в области долговременной консервации тела позволяли надеяться на эффективное их применение для даосских ритуалов и техники воссоединения физического и духовного элементов. Основная цель практики лежала в области попыток воскрешения человека и трансформации в Ши цзе сянь («освобожденного от трупа бессмертного»).
5. Чжуан-цзы // Дао — гармония мира. М.; Харьков, 1999. С.164.
6. Там же. С.182.
7. Торчинов Е. А. Даосизм. СПб., 1998. С.74-75.
8. Ле-цзы // Дао — гармония мира. С.81-82.

-
9. Чжуан-цзы // Дао – гармония мира. С.247.
 10. Там же. С.185.
 11. По словам американского востоковеда Уотса А., «мыслящий и мысли – это одно и то же. Если в конце концов вы позволяете своему уму думать о том, о чем он пожелает, в следующее мгновение он встанет вмешиваться в свою собственную работу... До тех пор, пока вы не накладываете ограничений на то, о чем он желает мыслить в каждый конкретный момент, нет никакого напряжения и не возникает затруднений с тем, чтобы предоставлять ему полную свободу. Но исчезновение умственного напряжения – это и есть исчезновение мыслящего, отдельного от мыслей, или эго, которое пытается, не вмешиваясь, наблюдать за потоком своего сознания... Индивид больше не чувствует себя отличным от своих ощущений внешнего мира точно также, как он не осознает себя мыслящим, который стоит отдельно от своих мыслей и наблюдает за ними. Он ясно видит свою тождественность с тем, что его окружает» (Уотс А. Дао - путь воды. Киев, 1996. С. 239-240).

Аннотация: Данная статья посвящена анализу даосской сотериологии периода Чжаньго, исследованию сущности, содержания и особенностей функционирования ее двух направлений: прагматического и непрагматического. Особое внимание в статье уделено представлению раннедаосской сотериологии в неотъемлемой связи с неоднозначным культурным наследием архаического Китая и конкретно-историческими условиями, а также дискуссионному вопросу об идейном содержании соответствующих тематических отрывков из классических философских трактатов «Дао-дэ цзин», «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы».

D. Rodkin,

The Moscow state regional university

Abstract: *Essence, the maintenance and features of an early Taoist soteriology of the historical period Zhango.* This article is devoted to the analysis of Taoist soteriology of the historical period Zhango, to research of essence, the maintenance and features of functioning of its two directions: Pragmatical and Not Pragmatical. The special attention in clause is given to representation of an early Taoist soteriology in the integral communication with an ambiguous cultural heritage of archaic China and concrete historical conditions, and also to a debatable question on the ideological maintenance of corresponding thematic fragments from classical philosophical treatises: «Tao-te Ching», «Lieh-tzu» and «Chuang-tzu».

РАЗДЕЛ 3.
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ

Купчин Н.Н.,
Московский государственный
лингвистический университет,
профессор кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И БЮРОКРАТИЯ

Для России в условиях традиций централизованной государственно-административной системы актуальна проблема выдвижения квалифицированного, опытного в деле государственного управления общенационального политического лидера, который был бы при этом независим от высшего бюрократического истеблишмента, могущественных корпораций. Можно ли рассчитывать на то, что российская государственно-политическая система выработает демократический, подвластный обществу механизм продвижения достойных кандидатур к высшему государственному посту, свободный от бюрократического контроля?

Для бюрократии цели государства преобразуются в средство поддержания устойчивости учреждений, форм регламентации деятельности, материальных интересов чиновничества, всеобщим мотивом деятельности и поведения которого является своекорыстие. Сегодня бюрократия может существовать в виде широкой сети отношений, основанных на личных связях, услугах, симпатиях, а не на объективно-меритократических критериях, исходящих из необходимости реального разделения труда в обществе и добросовестного исполнения трудовых функций.

Однако исторический опыт показывает, что противодействие экспансии своекорыстных устремлений бюрократии, создание более эффективного управления требует сильной политической воли. Как политическое явление бюрократия универсальна, связана с самой сущностью института государства. Конкретные формы бюрократии различны, во многом определяются не только особенностями режима, но и историческим наследием, спецификой национальной психологии, общественного сознания в целом, институциональной, культурной памятью страны.

Согласно концепции дихотомического деления государственной власти на политическое руководство и администрацию (В. Вильсон), разделение правительственных полномочий на законодательные, исполнительные и судебные не соответствует реальному состоянию современного управления. Традиционное понимание исполнительной власти как «реализатора», а не «инициатора» политических решений больше не подтверждается практикой. Властвующие структуры, по мнению Вильсона, выполняют две базовые функции: политическую – выработка общих направлений и законов, и административную – приложением общих направлений, законов к конкретным индивидам и ситуациям. Первая осуществляется политическими руководителями, вторая – государственными служащими (администраторами).

Административные вопросы – неполитические вопросы, поэтому необходимо деполитизировать исполнение административных функций, превратив бюрократию в инструмент профессионального управления с его принципами «иерархии и разделения функций». Смена политического руководства не должна влиять на деятельность несменяемого административного аппарата. Задачей государственной

администрации должно быть оперативное, компетентное проведение в жизнь решений любой группы избираемых политических лидеров. Политики не только устанавливают рамки функционирования государственной службы, они обязаны контролировать администрации с целью обеспечения демократии.

Ф.Гудноу, развивая идеи Вильсона, полагал, что правительственные виды деятельности являются либо политикой (когда выражается воля руководства), либо администрацией (когда эта воля выполняется). Однако эти функции, по мнению Гудноу, не могут быть отделены друг от друга или быть исключительной прерогативой правительственных ведомств.

Концепция Вильсона — Гудноу стала обоснованием необходимости и эффективности профессиональной государственной службы; заложила теоретический фундамент государственного управления; привела к установлению четкого набора принципов организации управления и государственной службы, главный из которых — официальные лица, отвечающие за политику, избираются, назначаются выбранными официальными лицами на фиксированный период времени; государственные служащие, управленцы отбираются на основе оценки профессиональных качеств, находятся в должности столь долго, сколь долго сохраняют «техническую» компетентность и эффективность.

Анализ государственной бюрократии М.Вебера основывается на концепции трех типов легитимного господства: легального (рационального), традиционного, харизматического. Каждый из указанных типов определяется мотивами повиновения или характером легитимности. Рациональное господство основывается на вере в легальность носителей власти, осуществляющих господство; традиционное (патриархальное) — на вере в священный характер старых традиций и в легитимность лидеров, в силу традиций призванных осуществлять власть; харизматическое господство предполагает личную преданность, вызванную наличием священного дара, доблести у лидера, доверие к установленному им порядку.

При патримониализме в распоряжении правителя оказываются подчиненные лично ему военная сила, аппарат чиновников (отсутствующий при патриархализме), позволяющие ему в некоторых случаях не считаться с предписаниями традиции. При патримониальном господстве назначение на государственную должность зависит от милости монарха, которая может быть оказана лишь лично преданным ему слугам. Границы полномочий чиновников являются неопределенными, устанавливаются в ходе борьбы за власть, которую они ведут между собой. Чиновник рассматривает должность как личную привилегию. Когда традиция не требует обязательного совершения каких-либо действий, они производятся по собственному усмотрению, нередко в расчете на вознаграждение. Таким образом, наряду с личностным характером отношений власти патримониальное управление отличает собственническое отношение чиновников к занимаемой должности, связанным с ней экономическим преимуществом.

Отсутствие регулярного денежного жалованья у чиновников в патримониальном режиме компенсируется бенефицием, предполагает определенные «права на должность» и тем самым ее присвоение. Присвоение должностей делает обладающих ими практически несменяемыми, что позволяет накладывать существенные ограничения на власть патримониальных правителей, противодействовать их планам. В результате в патримониальном государстве происходит непрерывная борьба правителей с чиновниками.

По Веберу, патримониальное чиновничество и рациональная бюрократия

— два во многих отношениях противоположных типа, имеющих опосредование — патримониальную бюрократию. При традиционном господстве управленческий персонал не обладает такими чертами бюрократической администрации, как четкое разграничение сфер полномочий, рациональная иерархия должностей, назначение на основе добровольного контракта, специальная подготовка как условие занятия должности, постоянное денежное жалование.

Однако вышеперечисленные признаки, кроме, по-видимому, контрактно-договорных отношений, могут в той или иной мере присутствовать в патримониальной бюрократии. В отличие от традиционных управленческих структур патримониальная бюрократия содержит некоторые рациональные элементы. Но определяющим признаком патримониальных бюрократий (как и патримониального управления) служит личностный, а не формально-правовой характер отношений. Элемент иррациональности неизбежно присутствует в патримониальной бюрократии, поскольку глава ее не связан какими-либо формальными правилами, может действовать произвольно.

Если патримониальные государства существовали повсеместно в различные исторические эпохи, развитый бюрократический аппарат формировался в них лишь в отдельных случаях. Историческими примерами относительно высокоразвитых форм бюрократического управления в условиях патримониального государства служат бюрократии в Древнем Египте, Китае, поздней Римской, Византийской империях, Западной Европе в эпоху абсолютизма.

Рациональная бюрократия сопутствует легальному господству, для которого характерно подчинение членов организации системе безличных абстрактных правил, которые могут быть изменены в соответствии с принятыми процедурами. Чистый тип легального господства осуществляется бюрократическим управленческим аппаратом, состоящим из чиновников, действующих согласно принципам:

- личная свобода, подчинение власти только в том, что касается их безличных должностных обязанностей;
- четко установленная иерархия должностей;
- строго определенная сфера полномочий каждой должности;
- замещение должности на основе добровольного договорного соглашения;
- отбор кандидатов на замещение должностей согласно квалификации на конкурсной основе;
- назначение на должность, а не избрание;
- вознаграждение в виде постоянного денежного жалования с правом на пенсию;
- должность — единственный или, по крайней мере, основной род занятий занимающего ее лица;
- служебное продвижение в соответствии со старшинством или заслугами;
- отделение от владения средствами управления и должности;
- подчинение жесткой и систематической дисциплине и контролю.

Повсеместное распространение бюрократии (в государственном аппарате, политических партиях, университетах, армии и т.д.) вызвано, согласно Веберу, ее большей эффективностью в сравнении с любой другой формой управления. Точность, надежность, быстрота, безличность, дисциплина, предсказуемость, знание, постоянство управленческого процесса, преемственность, унифицированность, единоначалие, субординация, специализация, сведение к минимуму конфликтов, экономичность — всё это достигает наивысшего развития в бюрократической организации.

Кроме того, бюрократическая организация — наиболее рациональное институциональное устройство решения сложных задач управления, основа ее рациональности в обезличенности функционирования, что дает гарантии от произвола конкретных исполнителей. Бюрократизация современного массового общества и его рационализация — неизбежная тенденция Нового времени.

Идеальный тип рациональной бюрократии не предполагает наличия у чиновничества какой-либо власти, выходящей за пределы формальных полномочий. Однако на практике власть бюрократии значительна.

Власть бюрократического аппарата основывается на знании. Специальные навыки, полученные в ходе профессиональной подготовки, владение официальной информацией, которая может быть получена по административным каналам, использование понятия «служебной тайны» (ограничение доступа к той или иной информации с целью избежать контроля извне). Манипулирование находящимися в распоряжении чиновников данными позволяет оказывать существенное влияние на принятие решений. Монополия на владение некоторыми видами информации позволяет бюрократии под видом административной беспристрастности определять направления государственной политики.

Неограниченная реализация бюрократией монополии на власть может привести к установлению «господства чиновников», политическому режиму, в котором функция определения политики узурпируется аппаратом. Господство чиновников возникает при условии, что бюрократия занимает ведущие государственные посты либо формально (если чиновники назначаются на министерские должности), либо неформально (если в результате слабости политического лидерства чиновники фактически присваивают себе функцию определения политики). Германия и Россия начала XX в. служили Веберу примером стран, в которых «господство чиновников» приняло довольно развитую форму: за фасадом монархической власти скрывалось бесконтрольное правление бюрократии.

Политический глава административного аппарата, если только он не обладает достаточной компетентностью в вопросах управления и не имеет независимых источников информации, оказывается беспомощным перед лицом специализированного чиновничества. Если политик не стремится выработать механизмы эффективного контроля над бюрократическим аппаратом, победа в борьбе за власть оказывается бесполезной, — бюрократия перехватывает инициативу.

Способность бюрократии влиять на выработку политического курса имеет крайне негативные последствия, что обусловлено прежде всего отсутствием у чиновников качеств, необходимых подлинным политическим деятелям. Вебер подчеркивает различия между чиновником и политиком как двумя противоположными типами [5].

Идеальный тип чиновника включает: готовность выполнить любой приказ, бесстрастность, безличность, умение эффективно действовать в рамках существующих законов и предписаний, предпочтение чувства долга всем остальным. За собственным политическим курсом чиновник не несет личной ответственности. Вебер полагал, что чиновник не должен делать именно то, что всегда и необходимым образом должен делать политик, — бороться. Принятие решений, борьба — стихия политика, который рискует карьерой, отстаивая собственный курс, готов уйти в отставку в случае неудачи. Политик свободен в суждениях, действиях, борется за власть, находит сторонников, союзников, заключает компромиссы, обладает независимым материальным положением.

Бюрократия, служащая эффективным орудием управления не подготовлена к исполнению функций определения государственной политики. Вторжение бюрократии в политическую сферу, когда она превращается из исполнителя в орган принятия политических решений, есть злоупотребление властью.

Бюрократия в позднебуржуазном обществе, по мнению Вебера, способна превратиться в практически неконтролируемую группу с особым «статусом», что может вызвать конфликт между нею и институтами демократии. Перспективы разрешения конфликта неблагоприятны для демократии. Масштабность государственно-монополистических структур, сложность задач управления большими системами делают технически невозможной «непосредственную» демократию, лишают тем самым массы управляемых свобод, которыми они располагали в эпоху домонополистического, «либерального» капитализма.

Вебер не считал возможным «окончательное решение» проблемы бюрократии, полагая, что она принадлежит к числу тех социальных структур, которые в наименьшей степени подвержены разрушению. Примеры свидетельствуют, что, коль скоро бюрократия достигает полновластного господства, она утрачивает его лишь с крушением цивилизации, которая ее породила. Вместе с тем он искал противовесы бюрократизации, возможности ограничения власти бюрократии в современном обществе. С этой точки зрения он рассматривал различные институциональные механизмы, которые могут служить противовесом бюрократическому управлению: систему разделения властей, коллегиальное управление, привлечение к управлению непрофессионалов, прямую демократию.

Прямая демократия как средство ограничения власти чиновников невозможна в крупных организациях. Условием прямой демократии является ограниченное число членов организации, отсутствие различий в их социальном положении, относительная простота, неизменность административных функций. При выходе за пределы определенного масштаба организационной структуры управление не может осуществляться на началах прямой демократии.

Исторические примеры демократических режимов свидетельствуют, что прямая демократия представляет неустойчивую политическую структуру. В городах-государствах античности и западноевропейского средневековья, где существовало демократическое правление, экономическое расслоение неизбежно вело к столкновению интересов различных групп населения. В результате прямая демократия уступала место единоличной тирании, олигархическому правлению.

Анализируя механизмы, позволяющие ограничить власть чиновников, Вебер уделил основное внимание анализу системы представительного правления, которая, по его мнению, обладает наибольшими возможностями установления контроля деятельности административного аппарата. Парламентская система виделась социологу наилучшим средством обеспечения динамики политической жизни. Но чтобы парламент мог контролировать государственную бюрократию, он должен обладать реальной властью, а не представлять арену идеологических споров.

Вебер проводил четкое различие между системой «мнимого конституционализма» (политические режимы в России и Германии начала XX в.) и подлинной парламентской демократией. В условиях мнимого конституционализма политические силы, представленные в парламенте, могут лишь реагировать на те или иные инициативы правительства, но лишены возможности участвовать в выработке политического курса. В такой политической системе правительство не является правительством большинства, а министры не назначаются из числа парламентариев, не

подотчетны парламенту. Система мнимого конституционализма, не позволяющая политическим партиям оказывать реальное влияние на ход событий, способствует распространению в их среде политической безответственности, идеологического экстремизма. Основным пороком такой системы является ее неспособность выдвигать политиков, обладающих качествами лидера.

Вебер строил модель парламентской демократии главным образом на основе примера современной ему Великобритании. Отличительной особенностью британской парламентской системы было не столько то, что она являлась «демократичной», сколько ее способность выдвигать лидеров, которые могли бы контролировать бюрократию. Однако относительно генетически связанной с британской партийно-политической системы США Вебер заметил, что партиям в США свойственна содержательная беспринципность, объясняемая в конечном счете спецификой истории хозяйственно-экономического развития страны. Партии США, «конкурируя между собой, записывают в свои программы такие требования, которые в каждом конкретном случае считаются наделенными наибольшей агитационной силой для избирателей.

Такой характер партий в США столь отчетливо выражен потому, что там нет парламентской системы, а, скорее, избираемый народом президент федерации (при участии сенаторов, избираемых от штатов) держит в своих руках ведомственный патронаж бесчисленных распределяемых федеральных должностей. Несмотря на коррупцию, порожденную этой системой, она была популярной, так как препятствовала возникновению касты бюрократов. Технически же эта система оказалась возможной, поскольку и до тех пор пока она была способна вынести даже наихудшую дилетантскую экономику из-за неограниченного избытка экономических возможностей. Растущая необходимость заменять лишенных образования партийных протеже и временно работающих чиновников на профессионально образованных чиновников, исполняющих свои обязанности в качестве жизненного призвания, все в большей степени лишает эти партии «теплых местечек» и неизбежно способствует и здесь возникновению бюрократии европейского типа» [4].

Парламент, обладающий реальной властью, позволяет различным социальным группам отстаивать интересы с помощью политических партий. В определенном смысле он служит противовесом политическому лидеру, не позволяя ему двигаться к «цезаризму». Основное назначение парламента - служить подмостками, на которых претенденты на роль политического лидера могут доказать пригодность исполнения данной роли.

С введением всеобщего избирательного права возникает необходимость в вербовке голосов, массовой партийной организации. Партийная деятельность становится постоянной, организации придается строгая дисциплина. Основную роль играют не «уважаемые люди», а партийные функционеры, находящиеся вне стен парламента. Реальная власть оказывается в руках аппарата партийных чиновников, который навязывает волю парламентариям. С лидером партии аппарат связан личной преданностью, общностью интересов. Но аппарат ожидает от лидера материального вознаграждения, с чем лидер не может не считаться. В условиях современной политической партии вождем становится лишь тот, кому подчиняется партийная машина, а «создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии» [2].

Политическому лидеру в плебисцитарной демократии принадлежит центральное место. Парламентскую систему правления Вебер считал наиболее приемле-

мым средством отбора способных лидеров. Демократия являлась для него не целью, а средством; демократические нормы рассматривались как предпосылка возвышения подлинных политических лидеров.

Существовавшую в Германии бюрократическую систему управления Вебер считал необходимым дополнить харизматическим элементом в лице плебисцитарного лидера, который избирался бы народом, подчинялся правовым нормам, а объем его власти определялся бы требованиями формальной легальности. Но в глазах массы избирателей легитимность плебисцитарного лидера зависела бы и от успеха его деятельности.

После крушения германской монархии, когда надежды Вебера на создание сильного парламента не оправдались, он стал все более последовательно отстаивать идею необходимости избрания главы государства всенародным голосованием. Плебисцитарный лидер должен был иметь собственный источник легитимности, обладать возможностью обращаться к народу, минуя парламент. Как отмечал Вебер, в условиях послевоенной Германии «выбирать можно только между вождистской демократией с «машиной» и демократией, лишенной вождей, то есть господством «профессиональных политиков» без призвания, без внутренних харизматических качеств, которые и делают человека вождем» [3].

Хотя Вебер и принимал такие положения демократической теории, как свобода личности, представительное правление, необходимость политического консенсуса, он с настойчивостью утверждал принцип, согласно которому великие политики должны привлекать последователей силой личных качеств. Вебер развивал идею личной ответственности лидера, власть которого в конечном счете основывается на вере в него сторонников. Плебисцитарный лидер — тип личности, существенно отличающийся от бюрократического «человека порядка»; он должен действовать, исходя из собственных убеждений, избранных им ценностей, а не под давлением обстоятельств. Данный тип личности служит одним из препятствий на пути к безраздельному господству бюрократии.

Взгляды Вебера во многом расходилась с положениями классической доктрины демократии, рассматривающей политического лидера как представителя электората. Согласно Веберу, роль масс в политическом процессе сводится к избранию харизматического лидера, после чего они отходят на второй план, не принимая участия в политической жизни и предоставляя лидеру широкую свободу действий. Принцип выборности ведет к возрастанию значения демагогии в политическом процессе, проникновению в него элементов харизмы во все более возрастающих масштабах; принцип свободы теряет практическое значение ввиду тотальной бюрократизации государственного управления.

Теория плебисцитарной демократии формировалась под влиянием политического положения в Германии начала XX в. Центральная проблема, стоявшая перед Вебером, заключалась в том, как установить эффективный контроль над деятельностью государственного аппарата в условиях прогрессирующей бюрократизации. Главная опасность демократическим институтам грозила, по мнению Вебера, со стороны бюрократических структур, но не со стороны харизматического лидера. Как пишет Р.Арон, «харизматический правитель, избранный всеобщим голосованием, который один принимает крупные решения, ответственный перед своей совестью или перед историей, — таков тип «демократического» вождя, каким представлял его себе Вебер. Этот харизматический авторитет господина, в глазах Вебера, был спасительной реакцией на безымянное царство бюрократии» [1].

Однако, как показал исторический опыт Веймарской Германии, со стороны харизматического лидера может исходить еще более серьезная опасность для демократического строя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. - М., 1993. - С. 566.
2. Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990. - С. 675.
3. Там же. С. 688.
4. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Вестник Социологического центра РАГС. 2003. № 2. С. 147.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990. - С. 665–667.

Аннотация: В статье бюрократия рассматривается как одна из основных угроз выполнения политическим лидером функций представительства общенациональных интересов. Подчеркивается принципиальная неустранимость бюрократии из политико-управленческого ландшафта, перманентность угроз с ее стороны демократическому лидерству.

Abstract: The author tries to explicate the social plot of bureaucracy. He underlines the permanent destruction tensions from its side to democratic leadership.

Купчин Н.Н.,
Московский государственный
лингвистический университет,
профессор кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Феномен политического лидерства не исключает формирование выдающихся политических деятелей вне рамок меж- и внутрипартийной конкуренции. Богатство ситуаций, которое создает политическая деятельность и политическая борьба, способно выявить незаурядного лидера внутри бюрократической корпорации, государственно-административных исполнительных органов, в системе взаимодействия исполнительной и представительной власти.

Рассмотрим различные институциональные условия реализации функции общенационального политического лидерства.

Существует четкая зависимость политического лидерства от институционального контекста, состоящего из формальных и неформальных институтов, в окружении которых и во взаимодействии с которыми действует политический лидер. Институциональное окружение обуславливает тот или иной расклад политических сил, влияющих на принятие и реализацию решений, процесс политического руководства, политический процесс в целом. Анализ политического лидерства должен включать анализ институциональной структуры, создающей объективные условия принятия и исполнения решений, предоставляющий определенные механизмы и каналы влияния как лидера на политическую систему и политических контрагентов, так и последних на лидера.

Существует проблема определения степени значимости позиции лидера на фоне проявления его личных качеств. Престиж высокого политического поста способствует влиянию лидера, но трудно измерить его в сравнении с положением других общенациональных лидеров. Лидер имеет власть не просто в силу символов прав, связанных с его деятельностью, но и в силу возможности контролировать секторы политической системы или, по крайней мере, воздействовать на них. Положение общенационального лидера ставит политического деятеля в привилегированную позицию не в силу персональных качеств, а благодаря занимаемому посту.

Положение лидера различается по странам в связи с отличиями их институциональных систем. Первые лица в разной мере контролируют формирование состава властных органов, деятельность бюрократии, партии. Институты современной демократической государственности призваны сбалансировать власть лиц, но вместе с тем должны обеспечивать эффективность управления, его легитимность.

Ограничение власти лидера институциональными механизмами, процедурами возможно и в силу несовершенства институционального «дизайна» политико-административных структур. Однако отсутствие структур, сформированных для стимулирования лидерства, не означает отсутствия каких-либо механизмов вообще; если нет политических институтов, созданных законом, существуют иные средства, позволяющие организовать лидерство, выстраивающие определенную его связь с нацией (политическая партия, группы интересов и др.).

Ситуация прихода лидера к верховной власти без опоры на институты, механизмы политической системы из расчета на личные качества выглядит сугубо теоретической, не существует страны без тех или иных общественных групп, традиций,

устоявшихся форм политической активности населения, с помощью которых лидеры приходят к власти, занимают должность, поддерживают связь с окружением, бюрократией, народом. В отсутствии формальных институтов их функции выполняют институты неформальные. Формальные политические институты нередко остаются недействующими или действующими частично. Взаимодействие между формальными и неформальными институтами — один из аспектов взаимодействия между конституционными, правовыми механизмами и поведенческими стереотипами.

Рассмотрим ряд ситуаций, в которых формальные и неформальные механизмы проявляются различно в зависимости от обусловливания статуса и лидерства.

При отсутствии ограничений личное положение лидера есть лишь результат особой ситуации. Пример — лидер, чей приход к власти не основан на механизмах. Военные диктаторские режимы, установившиеся в результате путча, относятся к данной категории. Здесь не известны продолжительность правления, преемники; персональный статус лидера совершенно не отрегулирован. Отношения между лидером и его окружением не ограничиваются механизмами: может не быть норм, традиций, определяющих, кто станет членом правительства, как долго оно будет находиться у власти, какими будут его права и отношения с лидером.

Возможны неписанные правила: лица, пришедшие к власти, могут считать себя обязанными включить в правительство некоторых из своих сторонников. Однако властитель может сместить министров, заменить их по своему усмотрению. Созданный военный (революционный) совет может быть впоследствии распущен. В условиях более стабильных режимов часто отсутствуют нормы и традиции, обязывающие лидеров назначать конкретных должностных лиц. Многие лидеры не лишены возможности по собственной воле формировать правительство.

Политический лидер может произвольно назначать государственных чиновников, организовывать работу бюрократической машины, смещать, продвигать отдельных должностных лиц, особенно высшего звена, вносить изменения в методы деятельности бюрократии. Но свободу естественным образом ограничивает совокупность факторов: 1) ввиду практической невозможности заменить бюрократию лидер зависит от способностей имеющегося персонала; 2) бюрократия не может быть опрокинута без определенных потерь в управлении; 3) лидеру приходится мириться с бюрократическими правилами.

Отсутствие устойчивых политических процедур не дает лидеру полной свободы, может ослабить его влияние на окружение, политические силы, население. Формальные механизмы в целом ограничивают персональный статус, свободу подбора окружения, контроля над ним. Вместе с тем они расширяют возможности лидеров по отношению к бюрократии, нередко усиливают прямое влияние на население.

Формальные институты во многих случаях возникают в ответ на требование уменьшить роль исполнительного руководства; одной из главных целей их создания является упорядочение статуса главы руководства.

Формальные структуры способны усиливать влияние лидера на население, поскольку централизуют общество, укрепляют государство. При необходимости лидер может создать канал установления прямых связей с населением с помощью политических партий.

Формальные структуры, предназначенные для ограничения полномочий лидеров (парламенты и конгрессы — на общенациональном уровне, выборные органы — на региональном, местном уровнях), вытесняют внесударственные структуры.

Сокращение полномочий лидера по управлению персоналом компенсируется увеличением возможностей легитимного воздействия на аппарат управления и другие институты. Конституционные и правовые нормы, ограничивающие статус лидера, могут заметно варьировать в зависимости от поставленной цели, которая, как правило, сводится к обеспечению равенства возможностей в соревновании за высшие посты.

Ограничение престижа лидера обеспечивается разделением постов главы государства и правительства. Премьер-министры, пользуясь меньшим престижем, обладают зачастую большим влиянием; многие политики, делая выбор между положением главы государства и главы правительства, отдают предпочтение второму. Но положение премьер-министра по сравнению с положением главы государства менее стабильно. Премьер-министр смещается главой государства, уходит в отставку под давлением законодательных органов.

Право смещать общенационального лидера является формальным, к нему прибегают в исключительных случаях. Небольшой срок пребывания лидера у власти может быть связан с его ограниченным неформальным влиянием, неопределенностью положения, расстановкой политических сил.

Фиксированный срок пребывания в должности сокращает деловой горизонт политического лидера. Последний менее заинтересован в инициировании долгосрочных проектов, особенно если таковые требуют жертв. Для лидеров с фиксированным сроком пребывания в должности также важно, что они теряют влияние на граждан к концу срока нахождения у власти.

Срок в пять — шесть лет оптимален для руководителей. Но исторические примеры говорят о лидерах, которые эффективно работали и после десяти лет пребывания в должности, и о ситуациях, когда продление правления необходимо (периоды возрождения нации: Германия после 1949 г., Франция после 1958 г.). В таких случаях необходимо редко встречающееся взаимное доверие лидера и общества.

Очевидно влияние институциональных механизмов, регулирующих власть лидера в отношении его ближайшего окружения (членов правительства, помощников, советников). Изменения в составе, полномочиях групп отражаются на влиянии лидера: лидеры, свободные в выборе окружения, потенциально сильнее лидеров, у которых такой свободы нет. Различия в конституционных, правовых полномочиях конкретных министров, вероятно, также играют роль, хотя выражены не четко.

Общенациональные лидеры, как правило, пользуются относительной свободой действий при подборе окружения: большей в отношении персональной команды, меньшей — в отношении членов правительства. В одних случаях лидеры почти полностью свободны в подборе министров, лиц ближнего круга, хотя политические и технические ограничения заставляют выбирать тех или иных лиц из состава конкретных групп, сохранять ключевые фигуры на их постах дольше желательного.

Лидеры стеснены в свободе действий из-за необходимости выбирать из состава конкретной, достаточно узкой группы (парламентской партии, высшей военной или чиновничьей элиты). Поле выбора сужается больше, если приходится иметь дело с узким кругом министров, входящих в группу политиков с установившейся репутацией (пример — пятая республика во Франции).

Возможны ситуации, когда лидер почти не имеет свободы в выборе или смещении министров, что характерно для однопартийных систем, при которых верхушка парламентариев, а не глава исполнительной власти решает, кто будет министром (лейбористское правительство в Австрии, отчасти лейбористские правительства в

Великобритании). Данные ситуации характерны и для многопартийных коалиций, в которых лидеры предварительно договариваются о содержании политики и составе правительства (властные коалиции в Западной Европе).

Право отбирать помощников, министров показывает, что лидер идет своим путем, выбранные им сотрудники более лояльны, с большим энтузиазмом реализуют цели, хотя это не говорит об их эффективности. Лидер, имеющий свободу выбора, может отдать предпочтение уступчивым подчиненным, жертвуя эффективностью.

Лидер, который ограничен в праве выбирать, смещать министров, больше склонен соглашаться с ними, нежели руководитель, формирующий свое окружение. Но власть министров может быть усилена в результате законодательных мер, предусматривающих реализацию правительственных постановлений руководителями в сфере исполнительной власти. Принцип коллективной ответственности означает, что решения кабинета считаются решением всех министров, существенно ограничивает влияние лидера и его персональную роль в руководстве.

Однако практически различия между правительствами, построенными на иерархической основе, и правительствами, построенными на принципе коллективности, не столь разительны. Во многих правительствах, которые формально иерархичны или близки к таковым, министры пользуются значительным влиянием (президентские системы). В США сила президента уравновешена силой министерств, которые обладают полнотой власти в пределах своих компетенций. Руководители министерств являются высшими начальниками для своих министерств; система получается децентрализованной. В других президентских системах, особенно тех, что существуют длительное время, часто образуются партийные коалиции или фракции внутри правящей партии, влияние и позицию которых президент должен учитывать.

В военных режимах или в условиях авторитарного президентства лидер, приходящий к власти, может получить формальную возможность свободно назначать министров, определять политическую линию, но требования со стороны администрации часто создают ситуацию, при которой лидеру необходимо прислушиваться к мнению других, идти на компромиссы, уступки. Лидеру в процессе принятия решений приходится принимать во внимание рутинный механизм управленческой системы, организационную сеть управления. Ее радикальная перестройка может вернуть лидеру инициативу, однако такое под силу, как правило, авторитаристам. Организационная работа обуславливает влияния министров, если лидеры не слишком заботятся о том, чтобы преобладало их собственное влияние. Таким образом, даже в авторитарных системах исполнительная власть может не быть жестко иерархичной, и некоторые министры де-факто обладают полномочиями в важных сферах политического процесса.

Парламентские правительства не являются гарантом коллегиальности. В немногих из них принятие решений осуществляется коллективно (Швейцария). Многое в принятии решений обусловлено двусторонней дискуссией между лидером и авторитетным министром, при этом лидер единолично контролирует большое количество сфер (Черчилль, Трюдо, Аденауэр, Шмидт, Пальме).

Престиж премьер-министра в партии и стране выше в сравнении с остальными членами правительства: именно лидеры, а не их министры, выигрывают или проигрывают выборы, что отражается в реальной структуре исполнительной власти. Формальная структура не препятствует иерархичности правительственного кабинета. Если на пути встают препятствия, они обусловлены общим характером пар-

тийной системы, конфигурацией групп, личностью премьер-министра, кризисами общества.

Структура правительства сама по себе, вероятно, играет роль в росте или падении влияния лидера. Сложность современного руководства затрудняет действия лидеров на фоне реальной иерархии. Однако лидеры редко попадают в подчинение коллективной воле сотрудников; это происходит тогда, когда не конкретные правительственные механизмы, а общий характер политической системы создает потребность в высоком уровне консенсуса на всех ступенях. Окружение лидера усиливает его влияние, ведь лидеру нужны каналы воздействия на общество. Однако различия в методах принятия решений в ближнем окружении, безусловно, не столь широки, как может показаться. С одной стороны, лидеры имеют возможность мобилизовать правительство на реализацию своих целей, с другой стороны, особенно в период стабилизации режимов, лидеры не в силах манипулировать членами своего окружения. Природа исполнительной власти накладывает на лидеров ограничения, которые невозможно обойти без усилий и серьезного риска.

Уточним принципы строения демократической системы, которые минимизируют риски и недостатки существующих моделей демократии и позволяют в максимальной степени реализовать возможности выражения политической воли и интересов всем коллективным участникам политического процесса, их политическим представителям — политическим лидерам.

Основной путь решения проблемы демократизации механизмов выдвижения политических лидеров из гражданского общества видится в развитии системы делиберативных процедур (от английского *deliberate* — обдумывать, взвешивать, совещаться, обсуждать).

Использование делиберативных процедур в политике предполагает отказ от привычного понимания демократии как политического доминирования большинства. В ней приход большинства к власти совершается «посредством общественных дискурсов и продвижения своих интересов социальными группами и меньшинствами в дискуссии между собой» [3].

Возможность и необходимость делиберативной политики связана с развитием коммуникационных технологий, электронных СМИ, происходящими по этой причине изменениями всей политической сферы. Роль традиционных политических институтов падает, возникают новые политические субъекты, участвующие в политической коммуникации. В политической жизни начинают участвовать гражданские союзы и группы интересов, более успешно представляющие интересы своих членов, чем союзы политические; появляется множество комиссий, комитетов, советов, которые выполняют роль посредников в коммуникации между социальной и институтами; меняется роль и форма функционирования традиционных каналов коммуникации [4].

В концепции делиберативной демократии целью и смыслом политики является не удовлетворение интересов всех и каждого, а модель, ориентированная на форум, в котором посредством дискуссий граждан вырабатываются представления о том, что служит благу всех. Важно использовать принципиально новые возможности информационных технологий, позволяющих каждому получать необходимую информацию об общественных делах, принимать непосредственное участие в обсуждении значимых вопросов и принятии решений.

Данные способы организации демократического принятия решений можно назвать технологией «минипопулюсов» [1, 2]. Согласно Р. Далю, неформальные

гражданские ассамблеи случайно отобранных граждан, занятых оценкой событий и выработкой рекомендаций на основе обработки мнений экспертов, могут стать институтом гражданского участия в политической жизни. Параллельно действующим структурам политической власти, необходимо формирование особых виртуальных делиберативных сообществ – «минипопулюсов», которые образовывались бы из определенного случайно выбранного количества граждан (около 600 человек), в каждом из которых могло бы проходить обсуждение какого-то одного общественного вопроса. «Минипопулюсы» должны стать еще одним центром принятия общественных решений, не заменяя при этом существующие законодательные органы и механизмы. По Далю, такие структуры представляли бы еще один уровень непосредственной демократической легитимности в обществе. Результаты делиберативного решения «минипопулюса» могли бы обладать достаточной степенью компетентности и, в этом смысле, могли бы противостоять как данным опросов общественного мнения, в которых граждане выражают спонтанные и некомпетентные суждения, так и манипулятивным технологиям «продавливания» тех или иных политических проектов и стратегий.

Концепция делиберативной демократии Ю.Хабермаса исходит из следующих социально-философских предпосылок. Философ противопоставляет систему и жизненный мир, системные механизмы интеграции сфер экономики, политики и управления на основе инструментальной рациональности, с одной стороны, и механизмы социальной интеграции жизненного мира на основе коммуникативных практик взаимопонимания и согласия, с другой. По мнению Хабермаса, в условиях позднего капитализма демократический процесс принципиально отделен от коммуникативных структур жизненного мира и протекает прежде всего через нормативно-нейтральную агрегацию субъективно несогласованных индивидуальных решений в анонимных структурах системной интеграции (правительственной бюрократии, политических партиях, парламенте), оставляя при этом общественности роль почти безучастного зрителя, лишь опосредовано включенного в процесс политической коммуникации. Последняя замещается демонстративной и манипулятивной публичностью формальных бюрократических организаций, нейтральных по отношению к жизненному миру и действующих помимо публичных интересов, хотя нередко и от их имени.

Для нейтрализации формальных системных институтов, располагающих потенциалом господства, предлагается институт неформальных структур «активизированной общественности», в которых было бы возможно свободное, неподконтрольное обсуждение важнейших политических вопросов, выработка целей и идеалов социально-политической жизни. Такие структуры могли бы стать неким пространством «свободной дискурсивной коммуникации», которая была бы неподвластна бюрократическому контролю и где между ее участниками были бы равномерно разделены шансы на участие в ней. Ключевыми пунктами такой коммуникативной сети, возникающей из переплетения различных автономных объединений общественности, могли бы быть свободные неформальные ассоциации граждан, специализирующиеся на «производстве и распространении практических убеждений», служащие «тому, чтобы открывать значимые для всего общества темы, способствовать выработке предложений для возможного решения тех или иных проблем, интерпретировать ценности, производить на свет хорошие, полезные для общества доводы и разоблачать, обесценивать плохие» [5].

Хабермас исходит из идеи нового «разделения властей», которое в наше время

необходимо провести не между ветвями государственной власти (как это было при переходе к капиталистическому обществу), а между различными источниками интеграции общества позднего капитализма. Согласно исследователю, общественное управление должно быть защищено от влияния денег и власти, форм экономической и бюрократической рациональности посредством защиты его коммуникативной сферы. Коммуникация должна утвердиться в противовес системной интеграции в рамках экономических и властно-политических отношений, легитимация должна происходить за счет организации коммуникативного процесса, преодолевающего насилие денег и административной власти.

Агрегация индивидуальных предпочтений в модели делиберативной демократии Хабермаса осуществляется не как результат работы анонимных электоральных (выбирающих) механизмов инструментально-рационального действия заинтересованных акторов; формирование общественного выбора превращается в непрерывный процесс, результаты которого отвечают как требованиям компетентности, разумности, свободы, так и нормативным императивам демократической легитимности (народного самоопределения в соответствии с принципом «то, что касается всех, должно быть и одобрено всеми»). Хабермас смещает акцент с инструментальной рациональности системного мира (экономики и государственности) на коммуникативную рациональность подвижных дискурсивных практик публичной сферы.

Он же признает далее, что демократия не может опираться на «тотальный субъект общественного целого», на субстанционально единую, заранее сформированную «волю народа»: «народ, от которого и должна исходить государственно-организованная власть, не есть субъект, наделенный волей и сознанием. Он выступает только через плюральность действий, а как народ, он в принципе не наделен ни способностью принимать решения, ни способностью действовать» [6]. Поэтому демократическая самоорганизация общества должна мыслиться не как плебисцитарное и/или техническое суммирование отдельных волей, а как процесс, процедура дискурсивного формирования мнений и воли народа, в которой принимают участие наибольшее количество граждан. Хабермас подчеркивает, что дискурсивная коммуникация, в противоположность электоральным техникам и процедурам, именно формирует, «образовывает» волю ее участников, а не просто отражает их дополитические пристрастия. Образование «общей воли» (и социального выбора) не сводится к единовременному акту голосования или количественного выбора, а распадается на множество составных частей и ступеней процессуального «индивидуализированного» образования воли и мнений общественности [7].

Можно утверждать, что концепция делиберативной технологии в модели демократии Хабермаса дает возможность формирования качественных решений, выявленных в коммуникационном пространстве дискурсивного общения граждан, обмена мнений, взаимообогащения и взаимоуточнения собственных позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Даль Р.А. Проблемы гражданской компетентности // Век XX и мир. 1994. № 7–8. С. 164–182.
2. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3.
3. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. - М., 2002. - С. 256.
4. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–8.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М., 1995. - С. 72.
6. Там же. С. 64.
7. Там же. С. 69.

Аннотация: В статье анализируются диспозиции политического лидера относительно основных контрагентов по политическому взаимодействию в различных институциональных и организационно-управленческих обстоятельствах, определяется способность лидера влиять на своих контрагентов, политический процесс в целом.

Abstract: An article deals with dispositions of political leadership in context of individual interactions in different institutional and management circumstances.

Омаров М.А.,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доцент кафедры мировой и российской политики
философского факультета, кандидат политических наук, доцент

КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

После распада СССР в России сложилась принципиально новая экономическая и военно-экономическая ситуация. Под комплексным воздействием таких фундаментальных факторов, как экономические последствия развала Советского Союза, непродуманные и неэффективные методы перехода от административно-командной системы к рыночной экономике, неудачи с осуществлением конверсии военного производства, нарушение экономических связей с бывшими советскими республиками и др. причин, произошло резкое сокращение экономического потенциала России. Последовал крах экономической системы.

Переход к рыночным отношениям, смена форм собственности и конверсия не привели автоматически к повышению эффективности производства. Основные показатели эффективности промышленного развития (рентабельность производства, фондоотдача, производительность труда и др.) резко снизились. Обладая огромными пространствами, наделенными богатейшими ресурсами, государство должно было иметь возможность осуществлять над ними всесторонний контроль. Важнейшее значение здесь приобретали Вооруженные Силы.

Однако и на настоящий момент показатели не утешительны. Сейчас численность ВС России составляет менее 1% количества населения государства. Подражатели Западу, по-видимому, не хотят понимать, что численный и качественный состав Вооруженных Сил государства необходимо соотносить с геополитическим положением страны, уровнем решаемых задач. Сегодня на 1 млн. кв. км. территории Российской Федерации приходится 2 скадрированные общевойсковые дивизии, в то время как в ФРГ — 36, Китае — 14. Такая милитаризация соседей представляет серьезную опасность.

Повлиял на нынешнее сложное положение тот факт, что вместо программы рациональной перестройки ОПК в качестве одного из приоритетов экономической политики выдвинута демилитаризация. Тезис демилитаризации экономики, привлекательный в политическом плане, неудобен в том отношении, что установить какие-либо ступени или рубежи демилитаризации экономики трудно, за исключением нижнего предела — полного демонтажа обороны.

В стране произошли политические и экономические перемены, имевшие существенное значение в жизни общества и государства. Как отмечалось, негативные последствия спровоцировали развал СССР, коммунистической системы, огромный бюджетный дефицит, либерализацию цен, монетарные реформы, приватизацию и пр. В данный период Россия еще не была ни рыночной, ни централизованно плановой, конверсия проводилась в канве крупных экономических реформ, нового и постоянно менявшегося законодательства по развитию рынка. Политика ориентировалась на демилитаризацию экономики, обусловленную изменением военно-политической обстановки в мире, международными обязательствами по сокращению вооруженных сил и вооружений.

Конверсия осуществлялась в условиях радикального изменения методов управления во всех сферах хозяйствования, включая оборонно-промышленный комплекс. В ходе проведения конверсии предприятия и организации оборонного ком-

плекса, длительное время находившиеся под патернализмом государства, являвшиеся сугубо государственными и не имевшие выхода на свободный рынок, входили в новую экономическую систему рынка. Такой переход не опасен, если проводится планомерно, естественно, а не «обвально», как получилось в Советском Союзе, а потом в России. А.А. Астахов признавал, что «конверсия конца 80-х – 90-х гг. с самого начала носила в определенной мере стихийный характер» [1].

Конверсия военного производства в значительной мере осуществлялась без увязки с вопросами национальной и военно-экономической безопасности, в отсутствии четко сформулированной военной доктрины, без предварительного решения принципиального вопроса о том, каков военный сектор экономики. Оборонная промышленность России оказалась на грани технологической катастрофы.

Позднее конверсии стали отводить существенную роль в масштабах экономической реформы и формирующейся структурной политики. Массированность конверсионных процессов, вызываемая политическими реалиями, сменой общественно-политической системы, приводила к тому, что конверсия воспринималась ограниченно – как использование военных технологий при выпуске гражданской промышленности; поглощение оборонными отраслями промышленности экономически слабых предприятий; сокращение продукции оборонного назначения; изменение структуры народного хозяйства.

Во второй половине 1980-х гг. в СССР велась работа по разработке общенационального плана конверсии, в качестве эксперимента готовились программы конверсии нескольких оборонных предприятий. После образования независимого Российского государства принимались Законы и Программы Конверсии. В 1990 г. Государственным плановым комитетом СССР, государственной комиссией Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам и Министерством обороны СССР был подготовлен проект Государственной программы конверсии оборонной промышленности на период до 1995 г., создание которого заняло около двух лет. Этой программой признавалось целесообразным проводить конверсию без изменения профиля производства, увеличивая выпуск гражданской продукции при максимальном использовании мощностей и людских резервов, освобождающихся от производства вооружения и военной техники. Предприятия дифференцировались по возможности перехода на выпуск гражданской продукции – во-первых, мощности, которые могут использоваться для производства гражданской продукции без существенной модернизации; во-вторых, мощности, нуждающиеся в перепрофилировании. Главный принцип, закладываемый в федеральную программу, – увеличение производства гражданской продукции и товаров народного потребления без остановки выпуска вооружения и военной техники. Научно-исследовательские институты ориентировались на создание образцов гражданской продукции, соответствующих высшим мировым научно-техническим достижениям. В проекте программы давался перечень 130 научно-технических достижений оборонного комплекса, рекомендовавшихся для внедрения в гражданские отрасли, многие из которых не имели аналогов в мировой практике.

Таким образом, на начальном этапе разрабатывалась организационно и научно правильная стратегия проведения конверсии. В силу объективных и субъективных причин: противоборство центра и РСФСР, развала СССР, осуществлять программу оказалось невозможным. Хотя закон «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» принятый 20 марта 1992 г. – в начальный и относительно бесконфликтный период сосуществования двух ветвей государственной

власти, ориентировал на радикальные экономические преобразования. Введение российского рубля ускорило дезинтеграцию конверсируемого пространства. И хотя на территории РФ осталось почти 80% мощностей оборонных предприятий СССР, самостоятельно производить можно было только 18-20% образцов вооружения. Сомнительным выглядел и главный принцип работы конверсируемых предприятий — использование высоких технологий оборонного комплекса для производства продукции, способной конкурировать на внешнем рынке.

В Законе предусматривалось: 1. упор на развитие высоких технологий и производства невоенной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке и пригодной для экспорта; 2. высвобождаемые из оборонного сектора производственное оборудование и людские резервы направлялись на приоритетные социально-экономические программы; 3. конверсия сопровождалась мерами социальной защиты работников, занятых на предприятиях оборонной промышленности. Определялись четыре объекта конверсии: производственные мощности, научно-технический потенциал, трудовые ресурсы оборонных предприятий и сопряженных с ними предприятий и объединений.

Достоинством закона выступала комплексность; рассмотрение конверсии проводилось с учетом военной доктрины времени и программой внешнеэкономической деятельности. Другое дело, насколько последние опережали реалии времени. Закон определил приоритетные направления конверсии: находить и увеличивать технологический потенциал, накопленный в военной сфере; стимулировать деловую активность, создавать благоприятный климат увеличения инвестиций в модернизацию производства; укрепить обороноспособность и мобилизационную готовность за счет создания более современных вооружений и военной техники; усилить безопасность их содержания. Закон относил к конверсируемым оборонные предприятия, в отношении которых принято решение о прекращении их деятельности или ликвидации ввиду технико-экономической нецелесообразности их перепрофилирования.

В целом же закон этот не выдерживал критики, не определил правовые условия саморазвития предприятий оборонного комплекса. Главная же проблема заключалась в том, что принятый закон не выполнялся. Предусматривалось, что конверсию можно распространить не более, чем на 5% действующего производства в год; в действительности же были случаи, когда на некоторых предприятиях за год конверсия достигала 70%. Устанавливалось, что предприятия, которые подлежали конверсии, ставятся об этом в известность за два года, но этого норматива зачастую (или — как правило) не придерживались.

Время требовало обновления и главное — совершенствования конверсионного законодательства. В апреле 1998 г. был принят другой Федеральный закон «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации». Его разработку и принятие предопределило Президентское послание 1998 г. Показателем неудачи в реализации первого Закона (1992 г.) явилось содержащееся в Послании Президента РФ 1998 г. указание на то, что еще только предстоит формировать обновленный оборонно-промышленный комплекс страны. В него вошли крупные интегрированные объединения заводов, НИИ, КБ, которые производили высокотехнологическую, конкурентоспособную продукцию как военного, так и гражданского назначения.

Более точному представлению о месте конверсии в экономическом развитии страны способствовали парламентские слушания «О положении дел в оборонной промышленности Российской Федерации» (1998 г.), организованные Комитетом по

конверсии и наукоемким технологиям Государственной Думы ФС РФ. Лига содействия оборонным предприятиям РФ, союз промышленников страны, конференция крупнейших оборонных предприятий и организаций России подчеркивали, что будущее Отечества за сильной промышленностью с ее уникальным кадровым потенциалом, что оборонно-промышленный комплекс станет локомотивом, который вытащит экономику из кризиса.

Таким образом, принятию второго закона предшествовало изменение упрощенного представления о конверсии. По существу с принятием нового Закона начался второй этап конверсионной деятельности российского государства. Закон установил правовые основы и принципы государственной политики в области проведения конверсии, права и обязанности органов государственной власти в сфере государственного регулирования и государственной поддержки конверсии. Закон ориентировал организацию конверсии на основе наиболее эффективного использования производственных мощностей, научно-технического потенциала и трудовых ресурсов, социальное обеспечение работников конверсируемых предприятий и организаций.

Важнейшее значение приобретал юридический аспект конверсии — установление справедливых и прогрессивных правоотношений между субъектами и объектами конверсии, всеми участниками конверсионных отношений. Работу по правовому сопровождению конверсии обеспечивал Институт анализа и управления конфликтами и стабильностью — независимое научно-исследовательское учреждение, основанное в апреле 1993 г. Российской ассоциацией теории и моделирования международных отношений при поддержке Министерства иностранных дел РФ.

Зарубежный опыт и логика говорили, что конверсия не может проводиться без действенной программы, без военной доктрины. Прав Р. Шатт: «Экономическая конверсия должна организовываться как часть всеобъемлющих национальных программ и политики, в то же время конкретизироваться и закрепляться на уровне региона и предприятия» [2].

Военно-экономические проблемы национальной безопасности по самому своему характеру долгосрочные; рациональное их решение требует стратегического видения, четкого представления о долгосрочных перспективах развития. Однако в решениях по военно-экономическим вопросам, принимавшихся в свою очередь Правительством России, такой подход просматривался слабо. Отсутствие официально принятой долгосрочной программы производства вооружений, неясность с оборонными заказами, просчеты в проведении экономической реформы не позволяли определить мощности предприятий, подлежащих конверсии.

Конверсия начиналась при отсутствии официально принятой военной доктрины, концепции военной промышленности, неразработанности основных направлений государственной научно-технической и экономической политики. Отягчающим условием стало то, что руководители отраслей и предприятий множество проблем решали самостоятельно, региональные руководители упрочали свое влияние на оборонных предприятиях, отдаляя их от федерального центра. Дополнительные сложности в проведении конверсии создал кризис августа 1998 г.

Мировая практика свидетельствует, что конверсия может успешно проводиться только в случае разработки и осуществления общенациональных программ конверсии. Л. Туроу, основываясь на опыте многих стран, еще в 1978 г. пришел к выводу о необходимости объединения разрозненных программ конверсии в единую программу.

В России достигнутым опытом, оправдавшей себя теорией и практикой конверсии пренебрегли. В рамках федеративного устройства субъекты Федерации во многом самостоятельно стали управлять оборонными предприятиями, решая даже вопросы экспорта оружия и вооружений. Общегосударственный центр фактически ограничивал руководство конверсионными процессами методологическими установками и рекомендациями. В Ростовской области принята региональная программа конверсии предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса области на 2000-2004 гг. В стране произошло не объединение разрозненных программ конверсии в единую общенациональную программу, а их разобщение. Ситуация усугублялась тем, что центр систематически срывал финансирование конверсионных программ.

Несовершенство, абстрактность положений законов могли быть минимизированы правительственными решениями. Разработка законодательства сопровождалась принятием соответствующих программ. В апреле 1992 г. правительством РФ принята Программа реформирования оборонного комплекса. Как отмечалось, к этому времени оборонно-промышленный комплекс оказался существенно подорван, а его научно-технический потенциал в значительной степени не использовался.

Программа определяла приоритетные направления развития производства гражданской продукции, установленные для предприятий оборонного комплекса распоряжением Правительства РФ от 10 апреля 1992 г. Она включала 14 программ по главным направлениям: развитие гражданской авиационной техники; производство комплекса машин и оборудования для лесопромышленного комплекса; топливно-энергетический комплекс; жилищное и дорожное строительство; технологическое оборудование для перерабатывающих отраслей АПК, легкой промышленности, торговли и общественного питания; производство и насыщение рынка высококачественными товарами длительного пользования; новые виды медицинской техники, электроники; развитие средств связи и информатики; возрождение российского флота; экология. Позиция Правительства РФ заключалась в том, чтобы конверсионные предприятия стали структурным ядром ускорения научно-технического прогресса.

Отраслевой метод планирования конверсии был признан устаревшим. Принятая стратегия, по сути, предусматривала создание в оборонных ведомствах второй экономики. По мнению специалистов, экономически ориентированная конверсия вряд ли могла быть подготовлена в оборонных отделах Министерства экономики РФ. Положительно, что первая Государственная программа конверсии заложила основы единого подхода к конверсии, ее трехуровневую систему: А. программы конверсии предприятий и организаций; Б. целевые конверсионные программы; В. координация и объединение усилий при реализации целевых программ.

На осуществление первой программы направлены такие меры государственной поддержки, как: дотации предприятиям из-за потери прибыли для переподготовки персонала и выплаты выходного пособия, дотирование для поддержки социальной инфраструктуры и уникальной испытательной базы, льготное кредитование с целью перепрофилирования производства. Но в действительности кредитование практически срывалось. Принятие Программы расширяло финансирование: если в 1992 г. на мероприятия конверсии выделялось всего 10% требуемой суммы, то в 1993 г. — 67%.

Помимо недофинансирования при реализации первой Программы кон-

версии допускались серьезные просчеты, которые впоследствии усугубились. Отсутствовали федеральная, региональная, местная концепции конверсии, не оправдала себя централизация руководства конверсией, не проявлялась четкая связь в проведении конверсии между государственными структурами, оборонно-промышленным комплексом, вооруженными силами страны; резкое сокращение военного заказа подорвало планомерность конверсионных мероприятий, возрастал разрыв связей между смежниками, особенно со странами СНГ.

Недостатки в организации конверсионных процессов усугублялись неоправданно высокими темпами ее проведения. В 1992-1994 гг. конверсия охватывала более 1,5 тыс. предприятий и организаций, из сферы военного производства высвобождались около 2 млн. человек, в том числе только за 1994 г. 600 тыс. За 1994 г. глубина конверсии (то есть доля гражданского производства на конвертируемых оборонных предприятиях за определенное время) составила 32,2%, а по сравнению с 1991 г. — 78,6%. Конечно, управлять таким массивным процессом сложно.

В декабре 1995 г. Правительство РФ принимает вторую «Федеральную целевую программу конверсии оборонной промышленности на 1995-1997 годы». Принятию Второй Программы предшествовало апрельское постановление Правительства «Реформы и развитие российской экономики 1995-97 гг.». Ее реализация началась до завершения срока действия предыдущей — среднесрочной на 1993-1995 гг. Это обусловлено тем, что созрели предпосылки перехода к новому этапу реформ российской экономики. Суть нового этапа фиксировалась Посланием Президента РФ Федеральному Собранию: «Задача 1995 г. — формирование стартовых условий и потенциала будущего экономического роста».

Основные принципы государственной политики конверсии в данный период состояли в следующем: разработка законодательно закреплённого механизма контроля за выделением, расходованием и использованием государственных средств на структурную перестройку оборонного комплекса; создание условий для самофинансирования структурной технологической конверсии оборонных предприятий; активное использование возможностей, полномочий и ресурсов регионов в интересах проведения конверсии; обеспечение максимально открытого и гласного характера государственных мер в сфере управления и финансовой поддержки конверсионных преобразований.

Федеральная программа предполагала обновление системы организационных и институциональных мер поддержки структурной перестройки конверсионных предприятий. Принципиальное отличие программы от первой заключалось в сокращении приоритетов конверсионной деятельности государства: в ней содержались восемь подпрограмм (первая имела четырнадцать), часть из них рассчитывалась на 1995-1997 гг., другая — до 2000 г.

В большей степени Программа ориентирована на решение народнохозяйственных проблем, что обуславливалось происшедшими изменениями в экономике страны, реформами, состоянием и проблемами конвертируемых предприятий. В целях предотвращения распада предприятий оборонного комплекса Федеральная программа обеспечивала государственную поддержку (из средств бюджета) содержания персонала, уникального оборудования, стендов научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро.

Программа предусматривала более полное использование полномочий, возможностей и ресурсов регионов в интересах конверсии, создание системы гарантий по средствам, инвестируемым в конверсионные программы, привлечение для кре-

дитования на конкурсной основе средств частных инвесторов, использование механизма лизинга в интересах конверсии. В ней закладывались возможности переноса акцента с прямых (инвестиционных) методов государственной поддержки конверсии на косвенные (организационно-институциональные). Программа включала реконструктуризацию оборонно-промышленного комплекса за счет концентрации разработки и производства вооружений и военной техники на ограниченном числе предприятий, акционирование предприятий, вхождение которых в состав государственной собственности не целесообразно.

Предполагалось, что новые подходы стабилизируют конверсионный процесс. Новая методология Федеральной целевой программы строилась по сквозной трехуровневой схеме: на первом реализуются программы конверсии предприятий и организаций, на втором — подпрограммы по приоритетным направлениям, на третьем — меры Федеральной программы, не вошедшие в предшествующие этапы. Менялась структура финансирования конверсионных мероприятий — 39% из федерального бюджета на безвозмездной основе, 34% — на возвратной основе с использованием конверсионного кредита, 27% — внебюджетные источники и средства заказчиков, т.е. намечался переход от прямых инвестиционных мероприятий федеральной поддержки конверсии к косвенным организационным и институциональным методам (финансирование конверсии рассматривалось как важнейшее условие ее осуществления).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Астахов А.А. Финансовые проблемы реформирования оборонной промышленности // Финансы. 1997. № 5. С. 6.
2. Киреев А.П. Конверсия: разоружение во имя развития. М.: Знание, 1990. С. 37.

Аннотация: На солидном фактическом материале автор демонстрирует: не существует универсальных условий конверсии. Конверсия на Западе (после холодной войны) протекает как приспособление военной промышленности к уменьшению государственных заказов. Конверсия в России фактически свелась к упразднению технически авангардных производств.

Abstract: Making analyses, author demonstrates — there are now universal presumptions of converse. Converse in the West (could war after) — is the process of adaptation of military complex to peace development. Converse in Russia - is the process of elimination of modern technology.

Омаров М.А.,

МГУ им. М.В. Ломоносова,

*доцент кафедры мировой и российской политики
философского факультета, кандидат политических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРСИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Вторая Федеральная целевая программа конверсии, как и первая, не была выполнена из-за секвестрируемых финансовых вложений в конверсию. Программой предусматривалось создание дополнительно 400 тыс. рабочих мест в гражданском секторе промышленности, а было создано лишь 70 тыс. для профессионалов из военно-промышленного комплекса. По свидетельству тогдашнего председателя Комитета ГД РФ по обороне Л.Я. Рохлина, федеральные программы конверсии 1993-1995 и 1995-1997 гг. провалились из-за недостаточного финансирования — 11% запланированного.

В соответствии с принципами второй программы принимались региональные конверсионные программы, которые являлись частью Федеральной, но их содержание и приоритеты определялись спецификой и структурой территориальных оборонно-промышленных комплексов. В Дальневосточном районе утверждена была Программа «Развитие машиностроительного комплекса и конверсия оборонных предприятий» на 1995-1997 гг., одновременно разрабатывалась Программа на 1998-2005 гг. и более долгосрочный период с ориентацией на потребности региона. Предусматривалось, в частности, создание импортозамещающей авиационной техники гражданского назначения с использованием двойных технологий, обеспечение высококачественных морских перевозок и повышение их надежности, оснащение рыбного промыслового флота, создание лечебно-диагностических комплексов нового поколения, производство высококачественного современного оборудования, приборов, комплектующих изделий, новых материалов и ТИП на базе внедрения новых технологий и др. В стране в первой половине 1990-х гг., помимо 14 федеральных, осуществлялось более 1000 программ конверсии [4]. Программа «Конверсия научно-технического потенциала вузов» включала 59 университетов и институтов (всего в стране их было более 500) [2].

В 1997 г. Правительством принята третья Федеральная целевая программа реструктуризации и конверсии оборонной промышленности на 1998-2000 гг. Она также была комплексной, многоаспектной; многие направления в ее реализации имели характер двойного предназначения, акцент делался на гражданскую продукцию, в производстве которой применялась электроника, информационные, производственные технологии, новые материалы и химические продукты, технологии живых систем. Программа направляла внимание на создание новых видов наукоемкой продукции, основу которых составляют критические технологии — лазерные, электронно-плазменные, прецизионные, мехатронные, робототехнические системы и микромашины, интеллектуальные системы автоматизированного проектирования, управления, диагностики и контроля.

Третья программа конверсии — прагматическая, исходила из финансово-экономических ресурсов страны, совмещала концептуальные и программные задачи, определяла механизм их реализации. Реализация программы способствовала формированию обновленного ядра оборонно-промышленного комплекса, в который вошли предприятия, где на базе конкурсов размещались государственные оборонные заказы. К концу 1997 г. в состав оборонной промышленности (без предприятий

Министерства атомной промышленности РФ) входило свыше 1700 предприятий и организаций восьми военноориентированных отраслей. К 2000 г. ожидалось, что обновленное ядро оборонной промышленности составит примерно 670 предприятий и организаций, а к 2005 г. их количество сократится еще на 35%. Программа предусматривала расширение интеграции производства — приоритет отдавался использованию двойных технологий; она сохраняла преемственность с предыдущими программами, имела девять (первая — четырнадцать, вторая — восемь) приоритетных направлений.

В дальнейшем, в 2001-2005 гг., предполагалось приступить к ускоренной модернизации действующих образцов вооружений и военной техники, созданию научно-технического задела для производства их нового поколения, к планомерному переоснащению военной организации государства новой унифицированной и высокоэффективной системой вооружений. В 2000 г. разработаны программы «Реформирование оборонной промышленности на 2001-2005 гг. и на перспективу до 2010 г.» (без раздела «Национальная технологическая база»); «Развитие гражданской авиационной техники в России на 2001-2005 гг.»; «Развитие вычислительной техники и компьютерной технологии на 2001-2005 гг. и на перспективу до 2010 г.» [3].

Однако политическая воля для реализации намеченных программ в области реформирования оборонно-промышленного комплекса проявлена не была. Программа реконструкции ОПК 1998-2000 гг. оказалась выполненной лишь на треть, задерживалось принятие разрабатываемой государственной программы вооружений, рассчитанной на десять лет XXI в.

Согласно мировой практике, приспособление предприятий оборонного сектора к выпуску гражданской продукции осуществлялось, как правило, путем диверсификации производства, т.е. значительного расширения видов конечной продукции за счет выпуска товаров гражданского назначения. Отсутствие же обмена технологиями между военными и гражданскими наукой и производством стало неразрешимой проблемой.

Различие в отношении государства к технологиям военного и гражданского производства проявлялось и в условиях глубокой конверсии оборонно-промышленного комплекса страны. В интервью «Российской газете» вице-премьер Правительства в июле 1999 г. на вопрос: «Есть ли в ваших планах место технологиям, которые могут применяться как в военной, так и в гражданской сфере? Будет ли государство помогать ОПК в выпуске мирной продукции?» — ответил: «У нас сегодня не слишком много ресурсов, и потому государство должно думать прежде всего о военном производстве. Если же у технологий, рождаемых в ОПК, есть гражданское применение (а оно непременно есть), то в условиях рынка за ними придут частные инвесторы. Если рынку что-то позарез нужно, это будет востребовано без всякого участия власти. Однако без конверсионного кредитования нам не обойтись» [6].

Переломным годом начала реального реформирования ОПК стал 2002 г. — год реализации планов по оборонному комплексу России, принятых в рамках Федеральной целевой программы «Реформирование оборонно-промышленного комплекса на 2001-2005 и на период до 2010 г.» Впервые в новейшей истории страны государственный оборонный заказ на 2004 г. одобрен в конце 2003 г. До тех пор он происходил в середине каждого текущего года, и работа оборонного комплекса по его исполнению приобретала характер, близкий к авральному, так как на освоение выделенных средств у производителей оставалось всего несколько месяцев. В

результате подрывались интересы ОПК, и тем более интересы Вооруженных Сил России. Происходящая динамика роста гособоронзаказа свидетельствовала о кардинальных изменениях ситуации с реформированием ОПК в лучшую для обороноспособности страны сторону.

В ОПК произведена реорганизация системы управления: создано 5 федеральных агентств оборонной промышленности (российское авиационно-космическое агентство, агентства по обычным вооружениям, боеприпасам, судостроению, системам управления). Органы наделены контрольными и лицензионными полномочиями в отношении всех государственных предприятий и организаций в соответствующих отраслях. В ходе военной реформы основной упор делался на развитие передовых технологий двойного назначения, с концентрацией средств и ресурсов на наиболее конкурентоспособных предприятиях ОПК при сокращении общей их численности с 1700 до 670.

В силу того, что конверсия затрагивала интересы многих министерств и ведомств, ее организацией стал заниматься специально созданный центральный орган. В системе государственного управления в России существовали: Подкомитет по конверсии Комитета по промышленности и энергетике Верховного Совета Российской Федерации; в Государственной Думе РФ Комитет по конверсии и наукоемким технологиям; Отдел Администрации Президента Российской Федерации по вопросам конверсии; Российская комиссия по конверсии Министерства обороны; Национальная комиссия содействия конверсии, членами которой являлись ученые, политики, представители профсоюзов, оборонных предприятий; Комиссия по конверсии Академии наук СССР; Комитет по оборонной промышленности Российской Федерации; Комитет по вопросам обороны и конверсии при Правительстве Российской Федерации; Подразделения министерств экономики, науки, высшей школы; Институт системного анализа РАН.

В 1995 г. на базе Закона РФ «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» создан Государственный фонд конверсии. Цель Фонда — обеспечение кредитования и реализации государственных конверсионных программ; это государственное учреждение, не имеющее в качестве основной цели извлечения прибыли и распределяющее полученные поступления исключительно на выполнение его задач. Источниками его финансирования являются бюджетные средства на возвратной и платной основе; средства, выплачиваемые предприятиями за пользование целевыми конверсионными кредитами; отчисления от прибыли предприятий, завершивших конверсионные программы. Через Государственный фонд конверсии Министерство экономики РФ проводило государственную политику в области конверсии, принимало решения и подкрепляло их финансовыми ресурсами.

Существенное внимание вопросам конверсии стали уделять политические партии, разрабатывающие концепции оборонной безопасности, развооружения, развития оборонной промышленности. Большое место в документах партий отводилось определению неотложных мер оздоровления вооруженных сил: улучшение финансирования, поддержка высоких технологий и регулярное обновление оружия и техники, а также вопросы конверсии, социальной защиты работников конверсируемых предприятий и организаций.

Партии поднимают вопросы оптимизации размеров, структуры оборонного комплекса, включая и оборонную промышленность, выявление приоритетов в деятельности государства, разумность расходов на вооруженные силы, причем в конце

90-х гг. здесь просматривается тенденция в позициях партий на увеличение статьи федерального бюджета. Затрагивается сложная дилемма: с одной стороны, геополитические, социальные, национально-религиозные и другие противоречия внутри России, в ближнем и дальнем зарубежье, общая нестабильность в мире, терроризм и другие угрожающие безопасности страны факторы требуют усиления боеготовности вооруженный сил; с другой стороны, налицо переживаемый российской экономикой спад производства, и неотложная потребность в ее глубокой структурной перестройке. Поэтому партии, их лидеры акцентируют внимание на серьезных противоречиях между необходимостью роста оборонного потенциала российского государства и теми возможностями, которые могут быть использованы для достижения цели, в своих программных и иных документах ведут поиск путей повышения эффективности функционирования военной экономики, адаптации ее к принципиально новой народнохозяйственной ситуации.

Сложность, неординарность военной конверсии в России конца 1980-х — начала 2000-х гг. заключалась главным образом в размерах социально-экономических преобразований, осуществлении одновременно во всех отраслях оборонной промышленности, практически на всех предприятиях, организациях отрасли. Проводился не механический перевод части оборонного производства на выпуск гражданской продукции, а общехозяйственная структурная перестройка, новая экономическая политика.

Именно к этому оказались не готовы политические и даже хозяйственные руководители страны и регионов. Как демонстрировал опыт, проведение конверсии тем сложнее, чем выше уровень милитаризации экономики, который в СССР оказывался гипертрофированным. Объективно получилось, что государство и общество конверсионный процесс представляли теоретически, в ходе его осуществления возникали проблемы столь сложные, что влекли социально-экономические, научно-технические и другие издержки. Адаптация высвобождавшихся в результате демилитаризации общества материальных, финансовых, интеллектуальных и других ресурсов к потребностям гражданского сектора экономики в итоге приносила в материальном плане не прибыль, а существенные убытки, негативно сказываясь на социальном положении населения.

Особого внимания требует сфера взаимодействия «конверсия-рынок». Можно предположить, что конверсия шла бы более слажено и целенаправленно во всем военно-промышленном комплексе в направлении эффективного функционирования государственной собственности (тем более, что главным потребителем продукции ВПК являются государственные Вооруженные силы). Однако, как демонстрирует мировой опыт, успешно конверсия могла реализовываться при стабильных и развитых рыночных отношениях. В условиях рынка преобразования проходили легче, чем при плановой экономике, требующей значительной материальной и финансовой поддержки со стороны государства.

Рыночные отношения затрудняли проведение конверсии государственных предприятий, хотя одновременно создавали условия построения науки и производства на более высоком уровне. Конверсия предприятий оборонной промышленности и военной науки стала способом обеспечения их выживаемости в условиях перехода к рыночным отношениям, сохранения производственных мощностей, сохранения занятости производственного персонала и производства потребительских товаров (при резком падении спроса на военную продукцию).

Для проведения конверсии Россия заключала соглашения со странами ближ-

него и дальнего зарубежья — Канадой в 1992 г., Италией, Китаем в 1994 г. и др. Специально создан Комитет по конверсии Российско-Американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству.

Возможности конверсии в России оказались более ограниченными, чем в США или продвинутых в военном отношении странах Европы. В первую очередь — по причине кризиса национальной экономики, переживавшей период реформ и изменений. Нестабильность российской экономики усложняла рядовые рыночные операции, что неблагоприятно сказывалась на планировании конверсионных мероприятий. Во вторую очередь — по причине технологической отсталости. Политическая нестабильность в России делала предназначение и будущее НИЦ неопределенным. Уровни зарплат инженеров и ученых НИЦ оставались (и остаются) ниже средних уровней зарплат не только в аналогичных центрах в США и в Европе, но в целом по стране.

Целесообразность проведения и рационализации конверсии связана с необходимостью поддержания боевой мощи вооруженных сил и обороноспособности государства на должном уровне и в любое время. Как справедливо отмечают А.А. Белов и В.И. Милованов, «рассматривая задачу удовлетворения потребностей населения, поднимать вопрос о конверсии можно лишь тогда, когда военная экономика будет способна успешно решать свою основную задачу и иметь дополнительные резервы для эффективного решения народнохозяйственных задач» [1]. С самого начала конверсионного процесса в России объективно сложилась противоречивая ситуация, когда, с одной стороны, осуществление военной реформы стало крайне нужно именно по экономическим причинам, а с другой — именно экономические затруднения и ограничители препятствовали нормальному реформированию военной организации и всех связанных с ней структур.

Существовала необходимость в проработке государственной промышленной политики: обозначенные государственные приоритеты с объемом их финансового обеспечения; четко определенная и принятая государством концепция приватизации и акционирования оборонных предприятий; инвестиционная политика; информационное обеспечение с целью привлечения к конверсируемым предприятиям инвесторов, руководителей гражданских предприятий, использования высвобождаемого потенциала конверсии, включая рабочую силу и инженерно-технических работников; расчеты экономической эффективности программ конверсии и диверсификации производства; программа финансовой и материальной поддержки конверсируемых предприятий.

По всем пунктам наблюдались серьезные проблемы. Крупномасштабная конверсия осуществлялась без заблаговременной всесторонней подготовки, научно обоснованной концепции, проводилась в директивном порядке, кампанейскими методами.

Оставался открытым вопрос с ЗАТО — закрытыми административно-территориальными образованиями. С момента создания ядерных оружейных лабораторий, в частности Арзамаса-16 и Челябинска-70 в конце 40-х — начале 50-х гг., они развивались и работали в среде централизованной плановой экономики, в которой отсутствовали конкуренция, эффективность и другие атрибуты рынка.

Особенности построения НИЦ, расположенных в закрытых административно-территориальных образованиях, заключаются в следующем:

— они являлись градообразующими предприятиями и сильно влияли на сообщество; политическая и экономическая жизнь ЗАТО определялась научно-исследо-

вательскими центрами;

- вели закрытое существование при недостатке объективного научного, академического рассмотрения полученных результатов;
- испытывали издержки от бюрократических препон;
- финансировались по единой масштабной государственной программе — конструирования и производства ядерного оружия, которая объемно финансировалась, позволяя другим, неядерным областям исследований и разработок, активно функционировать (затраты покрывались фондами ядерных программ).

В результате в связи с перестройкой стали звучать жалобы руководителей предприятий на обвальное снижение оборонных заказов, поступали просьбы о выделении инвестиций на перепрофилирование производства, социальную поддержку предприятий. Если еще несколько лет назад главной целевой функцией оборонных предприятий было выполнение военного заказа, плановых заданий по производству товаров народного потребления, гражданской продукции, то потом все подчинялось одной цели — выживанию.

Проведение конверсии в условиях рынка требовало решения ряда вопросов, связанных с экономическим развитием страны. С целью их устранения принималась новая государственная промышленная политика, выдвигались государственные приоритеты с четким обозначением финансового обеспечения государством. Вводилась концепция приватизации и акционирования оборонных предприятий, государственной инвестиционной политики. Предпринимались меры по информационному обеспечению производства с целью привлечения инвесторов, использования высвобождаемого потенциала, включая рабочую силу, инженерно-технических работников.

Конверсия ОПК проводилась в директивном порядке со стороны государства, которое на начальном этапе выступало единственным владельцем промышленной и научной базы. По мере развертывания конверсии сокращались его командные функции, акцент переносился на принятие решений внутри регионов (что не спасло от расширения прав директорского корпуса, играющего все большую роль в осуществлении конверсии и организации экономики страны).

После окончания первого этапа приватизации (1994 г.) Федеральное Собрание самоустранилось от обеспечения законодательной базы реорганизации форм собственности. Сосредоточение полномочий в руках Президента и исполнительной ветви власти породило волюнтаризм, субъективизм, злоупотребления. Не достигнута реализация намеченных программ в области реформирования оборонно-промышленного комплекса, задерживалось принятие разрабатываемой государственной программы вооружений. Не подключались трудовые коллективы, не разрабатывались альтернативные варианты конверсии.

В 1989-1990 гг. конверсией охватывалось примерно 400 предприятий ОПК, перепрофилированными стали только 5-6 предприятий. Мероприятия конверсии предусматривали сохранение производственного потенциала, развитие конверсии путем передачи в гражданское производство передовых технологий. Конверсионные программы частично финансировались государством, конверсия проводилась сдержано. Главное внимание направлялось на вопросы техники, ее использование, перепрофилирование и намного меньше на реализацию продукции.

В 1990-1991 гг. конверсия осуществлялась на 400 из 1700 предприятиях военно-промышленного комплекса и более чем 100 предприятиях других отраслей промышленности [7]. Из запланированных к освоению более 120 новых видов продук-

ции реально в производство пошли 23, и только 5 из них отвечали международным стандартам. Экономическая эффективность конверсии низка. Трудоемкость гражданского производства оказывалась в 2-3 раза выше, чем оборонной, а цена превышала стоимость аналогов гражданских предприятий в 5-6 раз [5].

Практика конверсирования предприятий должным образом не анализировалась, главное, не извлекались уроки из ошибок и просчетов организации конверсии. Усиливался стихийный характер конверсионных мероприятий. Положение усугублялось резким сокращением финансирования оборонной промышленности, резким урезанием оборонного государственного заказа. В проведении конверсии превалировал политический, а не экономический принцип.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Белов А.А., Милованов В.И. Конверсия через призму системологии // Военная мысль. 1996. № 2. С. 71-72.
2. Конверсия. 1996. № 4. С. 13.
3. Конверсия в машиностроении. 2000. № 2. С. 7.
4. Конверсия в России: состояние и перспективы. - М., 1998. - С. 56.
5. Нещадин А.А., Кашин И.К., Липсиц И.В., Вигдорчик Е.А. Экономическое развитие страны и конверсия // Конверсия в машиностроении. 2000. № 1 (38). С. 11.
6. Российская газета. 1999. 27 июля.
7. Шуклин СИ. Конверсия и профсоюзы. - М., 1992. - С. 9.

Аннотация: Адекватная линия использования научно-технического и кадрового ресурса оборонной сферы — показывает автор, — создание новых мощностей с применением военных технологий двойного назначения.

Abstract: An adequate strategy of utilization of scientific, technical and personal resources of military sphere, as author shows, is organization of new plants with complexical using of industrial technologies.

АКСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНФЛИКТА

Проблематика культуры мира, устойчивого развития, социального капитала в высшей степени актуальна для России — страны и общества, переживаемых конфликты во всех сферах жизни. Исходными положениями конфликтологической парадигмы выступают: а) признание значения социальных конфликтов в качестве повседневного и естественного явления общественной жизни, ее неотъемлемого атрибута (бесконфликтного общественного бытия нет и быть не может, поскольку по своей сути оно представляет собой непрерывный процесс возникновения и разрешения разного рода противоборств личностей и социальных групп); б) признание неустранимости конфликтности в обществе с одновременным выявлением конструктивной, позитивной роли конфликтов в общественном развитии (положительное отношение к конфликтности в обществе ориентирует на то, что столкновения по тем или иным основаниям — нормальное явление общественной жизни, и на необходимость поиска таких общественных условий и форм, которые способны придать этим столкновениям наиболее культурный, гуманный характер).

Растущее осознание, с одной стороны, всеохватной и конфликтной природы общества [1], а с другой стороны, понимание, что гражданское общество обладает значительным потенциалом конструктивности [2], привело к необходимости сформулировать программы исследований, призванных минимизировать рост опасности для человека на разных уровнях (от глобального до межличностного). Концепция культуры мира, разработанная по инициативе ЮНЕСКО в 1989 на международном конгрессе «Мир в умах людей» в Ямоссукро (Кот Д'Ивуар), и концепция устойчивого развития, выдвинутая на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992 г.), являются важнейшими из таких программ.

Согласно концепциям, сильный, уверенный в себе, верящий в идеалы культуры мира и ненасилия сторонник мира, миротворец — вот символ и цель современности. Центр внимания переносится на человека: люди должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой, охрана окружающей среды должна стать неотъемлемым компонентом процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него. Чтобы добиться устойчивого развития, государства должны исключить или уменьшить не способствующие этому развитию модели производства и потребления, сама же идея устойчивого развития человечества была высказана еще в 1916 году русским ученым К.Э. Циолковским [3].

Историческое изменение содержания того или иного понятия — процесс объективный, связанный с внесением корректив в вопросы выбора приоритетов той или иной концепции. На наш взгляд, к категории «устойчивое развитие» следует подобрать синонимы «управляемое развитие», «предсказуемое развитие», в большей степени отражающие существо процессов происходящих внутри такой динамической целостности как общество. Все-таки, в предельном смысловом значении социальная стабильность есть отсутствие развития, а в условиях быстро меняющегося мира стабильность становится признаком возможного застоя, отсталости, капсулирования, а также инструментом манипулирования сознанием людей. Беремся утверждать, что духовно здоровое общество должно выдвигать цели социального

развития, а не социальной стабильности.

Под предсказуемым развитием понимаем контролируемое эволюционное или революционное изменение состояние общества по основным параметрам, принятым в качестве стратегических ориентиров его роста. Предсказуемость, на наш взгляд, является важнейшим условием развития общества, это — возможность прогнозирования происходящих в обществе изменений, оперативного управления конфликтами, неизбежно возникающих при взаимодействии организаций, групп, народов на основе протекающих социально-политических процессов. Процесс реализации потенциальных возможностей человека, улучшение ключевых параметров жизнедеятельности людей за счет генерации и оптимизации управленческих решений, которые минимизируют влияние случайных факторов есть *управляемое развитие общества*. Сформулируем содержание понятия «устойчивое (предсказуемое, управляемое) развитие», как процесс возникновения, формирования, функционирования и замещения политических, экономических, семейно-родственных, образовательных, культурно-просветительных и других социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство населения, передачу следующим поколениям социально-значимого опыта, создание и распределение между членами общества совокупного общественного продукта, сохранение невозобновляемых ресурсов и окружающей среды.

Можно констатировать, что за период, прошедший со времени принятия концепций мира и устойчивого развития общества, ни одна из перечисленных целей не достигнута, более того, стремительно ухудшается состояние окружающей среды, растет бедность, увеличивается разрыв между богатыми и бедными странами, в самих странах [4]. Однако, идеи, заложенные в концепции, нам представляются такими же значимыми, как, к примеру, демократическая идея, диапазон оценок которой чрезвычайно широк, что не снижает ее ценностный статус и стимулирует поиск новых смыслов и граней. В большей части работ, посвященных проблеме устойчивого развития, преимущественно рассматриваются экологические вопросы, состояние с продовольственными и топливно-энергетическими ресурсами, безопасное развитие целостности «общество — человек — природа», что отвечает интересам населения всей земли, но не всегда социально-групповым или индивидуальным потребностям политически и экономически сильных субъектов общественных отношений: как известно, люди изменяют окружающий мир значительно быстрее, чем самих себя, свое сознание и поведение.

В современных условиях, когда существенно возрастает сложность и взаимозависимость, целостность мирового сообщества, степень и уровни воздействия людей на окружающую среду — даже небольшое отставание в человеческом развитии, нравственности и культуре может породить своеобразный тектонический эффект, т.е. вызвать глобальные, чрезвычайно опасные и даже катастрофические последствия. Очевидно, чем выше динамика развития общества, тем более жесткие требования предъявляются к обеспечению его безопасности, следовательно, условиями, без которых невозможно обеспечить устойчивое (управляемое) развитие, являются безопасность и предсказуемость. В тени выдвинутых задач устойчивого развития общества остались нравственные проблемы, без решения которых гармоничное бытие человека в мире невозможно. Мы предполагаем, что ценностный статус концепции устойчивого развития утвердился в том случае, когда он будет восприниматься как развивающаяся система представлений о гармонии мира, целях, ценностях общественного развития, когда рост материально-технического могущества стран и народов должен сопровождаться повышением уровня их духовности. Эта закономер-

ность есть принцип материально-духовного равновесия и философским смыслом устойчивого развития.

Конец XX — начало XXI века — это время формирования новой динамичной геополитической и геоэкономической структуры миропорядка. В современной цивилизации духовно-нравственная сфера личности и всей культуры сводится в основном к экономическим категориям, оказывая дегуманизирующее влияние на человека. Кризис нравственных начал — одно из проявлений кризиса цивилизации. Экономический прагматизм, вытеснение гуманитарного содержания культуры, криминализация сознания и поведения стали характерными чертами образа жизни миллионов людей. Это происходит в связи с ослаблением роли общественных институтов, традиционно отвечающих за нравственные основы и передачу их из поколения в поколение, и в силу усиления влияния аморальной составляющей в деятельности средств массовой информации, оказывающих огромное воздействие на сознание и поведение миллионов людей, особенно детей, молодежь.

В Декларации о культуре мира [5], подчеркнуто, что становление культуры мира, достижение духовности общества может быть обеспечено: а) поощрением демократии, развития и всеобщего уважения и соблюдения всех прав человека и основных свобод; б) поощрением устойчивого экономического и социального развития; продвижением идеалов взаимопонимания, терпимости и солидарности между всеми цивилизациями, народами и культурами, в том числе по отношению к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Этот комплекс идей, дополненный задачами мирного урегулирования конфликтов, взаимного уважения и понимания, международного сотрудничества, отчетливо показывает направление движения к поиску эффективных технологий урегулирования и разрешения многообразных социальных конфликтов в духе мира и согласия.

Закономерно возникает вопрос, существует ли механизм восстановления основ духовности в человеческой жизни и утверждения онтологического статуса высших ценностей? Если в обществе нет места таким высшим ценностям как истина, добро, справедливость, то все другие человеческие устремления и цели полностью обесмысливаются. Беремся утверждать, что только идеальные ценности формируют подлинный стержень человеческого характера, а социальный прогресс обуславливается прежде всего духовно-нравственной атмосферой, доминирующей в обществе.

Главное условие устойчивого (управляемого) развития общества — это творческий потенциал людей, который будет тем мощнее, чем больше у людей будет возможностей для развития своих способностей, самосовершенствования, самореализации. Потому-то для устойчивого развития важно, чтобы люди имели доступ к благам и ресурсам, а в обществе был утвержден нравственный принцип справедливости — честное соблюдение равенства возможностей.

Наш подход к проблеме устойчивого развития связан с переосмыслением роли духовного фактора в эволюции общества. И.А.Ильин почти полвека назад писал, что «мы, люди современной эпохи, не должны и не смеем предаваться иллюзии: кризис, переживаемый нами, не есть только политический или хозяйственный кризис; сущность его имеет духовную природу, корни его заложены в самой глубине нашего бытия... Бедствия нашего времени велики; и опасность можно будет преодолеть только тогда, если будет захвачена последняя глубина человеческой души» [6]. *Гуманизм как условие гармоничного развития человека является величайшей ценностью, которая возникает как духовный прорыв в момент осознания кризиса нацио-*

нальной идеи.

В современном западном мышлении укоренилось представление о том, что достаточно обеспечить свободу и наделить правами личность, и она сама неизбежно выберет добро, а следовательно, никакие внешние авторитеты не должны утверждать, что есть добро, а что есть зло; человек сам определяет нравственные нормы поведения. Это называется нравственной автономией человека, такая автономия может быть ограничена только автономией другого человека. В такой идеологии отсутствует понятие безнравственности, а есть плюрализм мнений; то есть человек может выбирать любой вариант поведения, но при одном условии, что его поведение не должно ограничивать свободы другого человека. Следствием такого антропоцентрического подхода является то, что сегодня во многих странах выстраивается общественная система, которая устраняется от задачи способствовать нравственному совершенствованию личности [7]. Общество, в том числе и наше, сталкивается с циничной подменой.

Допустимость безнравственности оправдывается учением о достоинстве человека. Действительно, человек обладает полной автономией в принятии или не принятии тех или иных правил, однако, будет ли человек в своем нравственном выборе руководствоваться внешними критериями, прежде всего — сводом нравственных правил, национальными обычаями, традициями? Сегодня на смену абсолютизации государства, характерной для нового времени, приходит абсолютизация суверенитета отдельной личности и ее прав вне нравственной ответственности. Вне нравственного контекста человечество жить не может: законами не сохранить общество жизнеспособным, не остановить коррупцию, злоупотребление властью, распад семей, появление беспризорных детей, сокращение рождаемости, разрушение природы, проявления воинствующего национализма, ксенофобии. *Вывод: общество, в котором человеческие права становятся инструментом раскрепощения инстинкта, а понятия добра и зла смешиваются и вытесняются идеей нравственной автономии и плюрализма, теряет рычаги нравственного воздействия на личность* [8].

С учетом вышесказанного возникает важный вопрос: как обеспечить свободный выбор человека, но одновременно и поддерживать нравственное направление этого выбора? Язык нравственных норм понятен каждому, нравственность — едина и неделима, но для ее поддержания необходимо создавать условия накопления человеческого потенциала, интеллектуального капитала, а в конечном итоге, — социального капитала.

В качестве программы нравственного воспитания предложим следующую стратегию: а) структура образовательных программ среднего и высшего образовательных уровней должна отражать направления, формирующие как интеллектуальное и компетентностное развитие, так и морально-нравственное развитие личности; б) в системе ценностной иерархии доминирующую роль отдавать не материальным, а нравственно-эстетическим ценностям; в) восстанавливать институт свободы и ответственности личности, социума; г) формировать гармоничное отношение человека к природе; д) включить в категорию «качества жизни» критерии, определяющие равновесие материальных и духовных ценностей; е) совершенствовать модель государственных социальных стандартов.

Неразвитость нравственно-ценностной сферы человека, или другими словами, отсутствие социального капитала как ресурса, который может быть использован акторами для достижения управляемого развития является первоисточником возникновения социально-политических конфликтов.

Отметим, что недавно вошедший в оборот термин «социальный капитал» является новым лишь по форме. По нашему мнению, в отечественной культуре «социальный капитал» использовался в более привычной словесной форме: «честь семьи», «доброе имя рода», «честь трудового коллектива», «общественное доверие», под которыми понималось все ценное, что достигнуто на данный момент семьей или родом, как духовное и материальное наследие, передаваемое от родителей к детям, от старшего поколения общества к младшему. Человек накапливает социальный капитал в совместной созидательной деятельности с другими людьми всю свою жизнь и то, что может, - передает своим детям, внукам, другим людям в самых различных формах: в виде мудрости и толерантности, материализованных результатов труда, социально значимых поступков и т.д. Если социальный капитал человека не стал ценностью для других, не получил признания и спроса в обществе, то он не является в полном смысле слова социальным капиталом. Именно с общественного признания индивидуальный капитал начинает свое истинное движение в обществе, получая возможность развития. Другими словами, суть социального капитала состоит в том, что общественное богатство создается благодаря контактам и активизации связей между людьми.

По определению Ф. Фукуямы, социальный капитал — это нормы, неформальные нормы или ценности, уровень доверия, которые делают возможными коллективные, управляемые, предсказуемые действия людей в группах [9]. Механизмом социального сотрудничества на основе доверия является социальное партнерство, которое позволяет укреплять внутренние связи в обществе и использовать их как надежный источник получения взаимных социальных выгод. Развитие социально-политической системы напрямую связано с уровнем и качеством социального капитала.

В контексте данной статьи мы приняли широкое толкование термина — социальный капитал, охватывающее нормы, отношения и социальные сети. Главным продуктом эффективного социального капитала является *социальная сплоченность как фактор разрешения конфликтных ситуаций в обществе*. Для социально сплоченного общества характерны единая цель, общие ценности, устойчивая идентичность, общие видения будущего и цивилизованные способы реализации этого видения. Социальная сплоченность, в широком ее понимании, создает основу для сближения интересов — частных, общественных, государственных, достижения и сохранения политической стабильности и устойчивого (управляемого) развития.

Словом, социальный капитал: а) позволяет быстро и эффективно координировать деятельность людей; б) снижает частоту проявлений отклоняющегося поведения; в) увеличивает отдачу от физического и человеческого капитала; г) снижает социальную напряженность и устанавливает отношения доверия; д) облегчает внутригрупповую адаптацию; е) укрепляет общественную безопасность; ж) снижает издержки взаимодействий и т.д. Возможности его, таким образом, весьма значительны.

Становление здорового гражданского общества путем снижения социальной напряженности, установления отношений доверия, сближение интересов, концентрация внимания на разработке эффективных технологий урегулирования и разрешения разнообразных социально-политических конфликтов в духе мира и согласия являются необходимыми в России. Похоже, что российское государство не взяло на себя главенствующую роль в борьбе с причинами или симптомами данных процессов. Если российское государство оказалось несостоятельным в роли генератора со-

циального капитала и социальной сплоченности, то есть ли другие потенциальные ресурсы, которые можно было бы задействовать для целей развития социального капитала?

Как любой ресурс, социальный капитал имеет свою методику измерения. Приведем основные факторы для определения индекса социального капитала в региональном срезе: 1) фактор коммуникации, отражающий число городских и сельских домохозяйств в регионе и их оснащенность телекоммуникациями и сетью интернет; 2) фактор культуры через интегрированную оценку числа профессиональных театров, музеев, школ искусств, библиотек, библиотечного фонда и пр.; 3) фактор гражданской активности через оценку числа некоммерческих организаций социальной направленности, объема бюджетных отчислений на решение социальных задач и т.д.; 4) фактор политической активности — через явку избирателей для голосования на выборах Президента РФ, в Государственную Думу, Местные органы власти; 5) фактор семейственности — через число заключенных и расторгнутых браков; 6) фактор здоровья — через показатели продолжительности жизни, младенческой смертности, инвалидности, койко-мест в стационарных лечебных учреждениях, поликлинических мест и т.д.; 7) фактор занятости — через показатели безработицы в регионе, доли занятых из местного населения и доли занятых в производстве и сфере услуг из мигрантских слоев; 8) фактор социальной защиты — через показатель числа людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума; 9) фактор образования — через показатели числа учебных заведений и числа студенческой молодежи; 10) фактор преступности — показатели числа преступлений по разным основаниям.

Кроме этого, все пять индексов развития человеческого потенциала, с известными алгоритмами их определения, (ИРЧП, ИНН-1 — для экономически неразвитых регионов, ИНН-2 — для экономически стабильных регионов, ИРГФ — индекс развития с учетом гендерного фактора, ПРВЖ — показатели расширения возможностей женщин) также могут быть интерпретированы и рассчитаны по каждому из интересующих регионов, являясь ориентиром для развития социального капитала.

Вполне возможно, что данный методологический подход к определению индекса социального капитала действительно покажет некие особенности, присущие населению этих регионов, или нечто такое, что выходит за рамки государственной политики и официальной статистики. Наша позиция построена на том, что социальный капитал со временем способен создавать широкий спектр преимуществ — от здоровья и благосостояния населения до действенной демократии с возможностью цивилизованного преодоления социально-политических противоречий российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- [1] Под конфликтным состоянием, возникающим в процессе развития общества, мы понимаем несогласование между ожиданием граждан и намерением государства. Если ожидания выше намерения — возникает конфликт, а если ожидание ниже намерения — возникает одобрение, удовлетворение, переход системы на более высокий уровень социального развития, связанного с осуществлением идеи социального партнерства.
- [2] Потенциал конструктивности поддерживают экономические и социальные процессы, политические партии, средства массовой информации, идеологические установки, структура и механизмы власти, церковь и религиозные организации, неформальные (неправительственные) организации.
- [3] Циолковский К.Э. Горе и гений//Общественная организация человечества (вычисления и таблицы). — М., 1992. С. 23.
- [4] Разница в развитии российских регионов приобретает катастрофические масштабы: дифференциация в развитии территорий усугубляется, сейчас самый лучший и самый худший регионы

по уровню жизни различаются в 53 раза. Неравенство есть и в государственном субсидировании: так, 2 наиболее развитых субъекта федерации получают столько же денег, сколько 10 самых отсталых. Это наглядно демонстрирует наличие двух фундаментальных подходов в региональной политике: макроэкономического, когда финансируются наиболее перспективные территории, и геополитического, когда основным приоритетом является сохранение целостности страны.

- [5] 53-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН 13.09.1999 г. приняла Декларацию о культуре мира, период 2001-2010 гг. провозглашен Международным десятилетием культуры мира и ненасилия в интересах детей планеты (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 53/25 от 10.10.1998 г).
- [6] Ильин И.А. Путь к очевидности. - М. : Прогресс, 1993. - С.402.
- [7] Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла «Права человека и нравственная ответственность» на открытии X Всемирного Русского Народного Собора «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке»// Известия № 2093549, 05.04. 2006 г.
- [8] В настоящее время на учете департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД России состоит около 150 экстремистских группировок общей численностью до 5000 человек. В России – 50 тыс. скинхедов, во всем мире насчитывают до 70 тыс. скинхедов. В России – 700 тыс. детей сирот и 2 млн. детей неграмотны, 4 млн. детей – наркоманы. По разным подсчетам, в нашей стране количество беспризорников составляет от 2 до 5 млн. человек// Аналитический Вестник Совета Федерации РФ 20 (176) С. 35-36, 2007.
- [9] Фукуяма Ф. Что такое социальный капитал?// Газета «День» № 177, 17.10. 2006.

Аннотация: Кризис нравственных начал – одно из проявлений кризиса цивилизации. Экономический прагматизм, вытеснение гуманитарного содержания культуры, криминализация сознания и поведения стали характерными чертами образа жизни миллионов людей в России. Для поддержания культуры мира и гуманистических взглядов необходимо создавать условия накопления человеческого потенциала, интеллектуального капитала, а в конечном итоге, – социального капитала. Социальный капитал выражается через факторы, критерии, показатели, учитываемые при определении индекса социального развития Федеральных округов, регионов, территорий.

Abstract: Crisis of the moral beginnings - one of displays of crisis of a civilization. The economic pragmatism, replacement of the humanitarian maintenance of culture, criminalization of consciousness and behaviour became characteristic features of a way of life of millions people in Russia. For maintenance of culture of the world and humanist views it is necessary to create conditions of accumulation of human potential, the intellectual capital, and finally, - the social capital. The social capital is expressed through factors, criteria, the parameters considered at definition of an index social capital in a cut of Federal districts, regions, territories.

СОДЕРЖАНИЕ

*Раздел 1.**Проблемы социальной философии
и философии социально-гуманитарных наук***Гончарова С.В.**Проблема нравственного самосовершенствования человека в религиозном
модернизме XX века5**Мазирка И.О.**Обоснование закономерностей исследования личности героя произведения в единстве
философско-лингвистического, психолого-лингвистического, литературоведческого
аспектов13**Мазирка И. О.**Философские аспекты влияния войны на концептосферу личности и её языковую
картину мира21**Мандрыка С.М.**Факторы стратегической нестабильности в современном мире и попытка её
определения (обзор литературы)29**Песоцкий В.А.**Художественная литература и идеология (Природа и сущность идеологии, идей, идеалов
и принципов)36**Песоцкий В.А.**Художественная литература и идеология: основные характеристики их
взаимодействия52**Пугачева Л.Г.**Феноменология тела: осознание телесного состояния человека как личностное знание
индивида72**Ромашкин К.И.**Парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена и его значение для современных
исследований78**Трегуб С.В.**

Цивилизационная идентичность современной России: к постановке проблемы85

*Раздел 2.**Проблемы истории философии
и истории других философских наук***Анненков А. А.**

В.Ф. Эрн о творческой природе культуры92

Макеев С.В.Формирование исходных идей технократического сознания в социально-утопическом
творчестве: от Платона до Ф. Бэкона98**Макеев С.В.**Формирование классических концепций технократизма как методологического
инструментария Нового времени106**Овчаренко А.А.**

Проблема наследия исихазма в отечественной духовной культуре114

Родкин Д.О.Сущность, содержание и особенности раннедаосской сотериологии
в период Чжаньго119

Раздел 3.

Проблемы политологии и философии политики

Купчин Н.Н.

Политическое лидерство и бюрократия126

Купчин Н.Н.

Институциональный контекст политического лидерства134

Омаров М.А.

Конверсия в современной России142

Омаров М.А.

Проблемы конверсии оборонно-промышленного комплекса149

Самраилова Е.К.

Аксеологическое пространство конфликта156

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 2

Выпуск в серии одиннадцатый

Подписано в печать: 14.04.08.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonC”.

Уч. — изд. л. 13. Усл.п.л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 22.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. 265-41-63, факс 265-41-62.